

КАМИЛЛА ЛЭКБЕРГ

ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

18+

ПЕРВЫЙ РОМАН НОВОЙ СЕРИИ КАМИЛЛЫ ЛЭКБЕРГ
МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР
22 миллиона экземпляров книг
в более чем 60 странах на более чем 30 языках

Annotation

С раннего детства Фэй привыкла всего добиваться сама – ведь помощи ей ждать было не от кого. Приехав в Стокгольм из маленькой Фьельбаки, она поступила в престижный экономический вуз и стала там одной из лучших. Вместе с будущим мужем создала очень успешную компанию, придумав для нее блестящий старт-ап. Стала женой одного из самых богатых бизнесменов страны. Теперь у нее есть всё. Но «всё» – это не только хорошее... Она сама построила для себя золотую клетку, ключ от которой в руках ее мужа. Чем дальше, тем меньше он ее замечает, тем больше издевается над ней, изменяет. Для него Фэй стала чем-то вроде экзотического попугая, которого в любой момент можно завесить тряпкой, чтобы не слышать и не видеть. Вот только сама она считает иначе. Мужу еще предстоит узнать, что нет никого страшнее оскорбленной женщины...

- [Камилла Лэкберг](#)
  -
  - [Часть I](#)
  - [Часть II](#)
  - [Часть III](#)
  - [Благодарность](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

- [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
-

Камилла Лэкберг

Золотая клетка

Camilla Läckberg

En bur av guld

© Колесова Ю.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Часть I

– *Может быть, она просто ранена?*

Она сидела, глядя в стол, не в силах встретиться с ним глазами.

Краткое сомнение. Потом сочувствующий голос:

– *Там очень много крови. Из такого маленького тела... Но я не хочу строить догадки, пока врач не сделал заключение.*

Фэй кивнула. Ей дали воду в прозрачном пластиковом стаканчике, она поднесла его к губам, но все тело сотрясалось, так что несколько капель упали на подбородок, вода стала стекать на блузку. Светловолосая женщина-полицейский с добрыми голубыми глазами подалась вперед и протянула ей салфетку.

Фэй медленно вытерлась. От воды на шелковой блузке останутся некрасивые пятна. Словно это имеет какое-то значение...

– *У вас нет никаких сомнений? Вообще никаких?*

Женщина-полицейский переглянулась с коллегой, потом покачала головой и ответила, тщательно подбирая слова:

– *Как я уже сказала: врач должен сделать заключение исходя из того, что обнаружено на месте преступления. Но на нынешнем этапе все указывает на одно: ваш бывший муж Як убил вашу дочь.*

Фэй закрыла глаза и подавила всхлип.

Жюльенна наконец-то заснула. Волосы разметались по розовой наволочке. Дыхание стало ровным. Фэй нежно погладила ее по щечке – осторожно, чтобы не разбудить дочь.

Сегодня вечером Як должен вернуться из Лондона. Или из Гамбурга? Фэй точно не помнила. Вернется уставший и задерганный, как всегда после деловой поездки, но она позаботится о том, чтобы он расслабился.

Осторожно закрыв дверь спальни, чтобы не разбудить Жюльенну, она выскользнула в холл и проверила, заперта ли входная дверь. В кухне провела рукой по столешнице. Три метра белого мрамора. Каррарского, ясное дело. К сожалению, это оказалось весьма непрактично, ибо пористый мрамор впитывал все, как губка, – на нем уже образовались некрасивые пятна. Однако Як и слышать не хотел о том, чтобы выбрать нечто более приземленное. Кухня в квартире на

улице Нарвавеген обошлась примерно в миллион – не сэкономили ни на чем.

Потянувшись за бутылкой «Амароне», Фэй выставила на столешницу бокал. Стук бокала о мрамор, бульканье вина – вот к чему сводилось ее существование в те вечера, когда Як отсутствовал. Осторожно налив себе красного вина – чтобы оно не пролилось, оставив очередное пятно на белой мраморной поверхности, – она закрыла глаза, поднося бокал ко рту.

Уменьшив освещение при помощи диммера, вышла в прихожую, где красовалась черно-белая фотография ее, Жюльенны и Яка. Снимок сделала Кате Габор – неофициальный придворный фотограф, которая каждый год делала новые обворожительные фотографии королевских детей, играющих среди осенних листьев в невероятно белой одежде. Они с Яком решили сделать летние фото. Оба стояли на пляже у кромки воды – веселые, раскрепощенные. Жюльенна – между ними, с растрепанными ветром светлыми волосами. Разумеется, все в белом. Сама Фэй – в простом льняном платье от «Армани», Як – в рубашке и закатанных штанах от «Хьюго Босс», Жюльенна – в кружевном платье из детской коллекции Стеллы Маккартни. Прямо перед фотосессией они поругались. Фэй уже не помнила, из-за чего, знала только, что сама была виновата. Но на портрете – никаких признаков ссоры.

Фэй поднялась по лестнице. Застыла у двери в кабинет Яка, но потом все же открыла ее. Комната располагалась в башне с видом на все четыре стороны света. «Уникальный план, уникальный дом», – как сказал маклер, показывавший им квартиру пять лет назад. Жюльенну она тогда носила под сердцем, а в голове теснились самые светлые картины будущего.

Эту комнату в башне Фэй очень любила. Открытое пространство и свет изо всех окон давали ей ощущение полета. А сейчас, когда за окнами повисла непроницаемая тьма, смыкающиеся к потолку стены окружали ее, словно теплый кокон.

Кабинет обставляла она – как, впрочем, и всю квартиру. Выбирала обои, книжные шкафы, письменный стол, фотографии и произведения искусства на стенах. И Яку понравилось то, что она создала. В ее вкусе он никогда не сомневался, к тому же всегда безгранично гордился ею, когда гости просили телефон их дизайнера.

В эти мгновения он позволял ей сиять в лучах славы.

Если все остальные комнаты были обставлены в современном стиле – светлые и воздушные, – то кабинет Яка выглядел более тяжелым и мужественным. На обустройство этой комнаты Фэй потратила больше сил, чем на детскую для Жюльенны и все остальную квартиру, вместе взятые. Здесь Як будет проводить много времени, здесь будет принимать важные решения, влияющие на будущее их семьи. Самое малое, что она могла сделать, – создать для него этот оазис, почти под облаками.

Фэй с удовлетворением провела рукой по письменному столу Яка, который выиграла на аукционе Буковски, – когда-то он принадлежал Ингмару Бергману. Як был не особым ценителем Бергмана, предпочитая боевики с Джеки Чаном или комедии с Беном Стиллером, но ему, как и ей, нравились вещи с историей.

Когда они показывали квартиру гостям, он всегда похлопывал по столу ладонью и упоминал – как бы между делом, – что этот прекрасный предмет мебели стоял когда-то в доме всемирно известного кинорежиссера. Каждый раз, когда он так делал, Фэй улыбалась, потому что, произнося эти слова, Як обычно смотрел ей в глаза. Это было еще одно из тысячи мгновений, объединявших их в жизни. Эти доверительные взгляды, крошечные незначительные и значительные события, из которых складывались отношения...

Опустившись в кресло перед компьютером, Фэй повернулась вполоборота и оказалась лицом к окну. За стеклами падал снег, превращаясь где-то далеко внизу в грязь на асфальте. Подавшись вперед и глянув вниз, она увидела, как в темноте февральского вечера пробирается машина. На углу Банергатан водитель повернул руль и исчез в направлении центра. На мгновение Фэй забыла, зачем пришла, почему сидит в кабинете мужа. Так легко раствориться в темноте, когда тебя гипнотизируют снежинки, падающие сквозь черноту...

Поморгав, она уселась прямо и вернула кресло в прежнее положение, оказавшись лицом к огромному монитору, тронула мышью – и экран ожил. На мгновение Фэй задалась вопросом, что Як сделал с ковриком для мыши, который она подарила ему на Рождество, – с фотографией ее и Жюльенны. Вместо этого у него был теперь некрасивый синий коврик с логотипом «Нордеа». Подарок клиентам, воспользовавшимся услугами персонального банковского обслуживания.

Пароль она знала – «Julienne2010». Во всяком случае, на экране в качестве заставки у него не «Нордеа», а та фотография, где он снял ее с Жюльенной в Марбелле. Они лежали в полосе прибоя, Фэй подняла дочь над собой на вытянутых руках, к синему небу. Обе смеялись, но смех самой Фэй скорее угадывался, поскольку она лежала на спине, а волосы ее рассыпались по песку. Синие глаза Жюльенны смотрели прямо в объектив фотоаппарата. В глаза Яка – такие же синие.

Подавшись вперед, Фэй оглядела свое тело на снимке – загорелое, глянцевающее от соленой воды. Хотя после родов прошло всего несколько месяцев, она была в лучшей форме, чем сейчас. Живот плоский. Руки тонкие. Бедра стройные и упругие. Сейчас, спустя три года, она весила килограммов на десять больше, чем тогда в Испании. А то и на все пятнадцать. Давно уже она не решалась встать на весы...

Оторвав взгляд от своего тела на экране, Фэй открыла браузер, зашла в историю просмотров и написала в окошке поиска слово «порно». На экране один за другим появились ссылки, в хронологическом порядке. Как легко отследить сексуальные фантазии Яка за последние месяцы! Просто энциклопедия его страстей. «Сексуальные фантазии для чайников».

26 октября он посмотрел два клипа: «Русских девчонок трахают большим членом» и «Тощую девчонку brutally трахают». Как ни относишься к порноиндустрии, но названия фильмов были предельно конкретными. Никаких экивоков. Никаких попыток приукрасить, смягчить, затушевать то, что будет показано и чего ищет потенциальный зритель. Прямой диалог, открытая и честная коммуникация.

Сколько она его помнит, Як всегда смотрел порнуху – да она и сама иногда смотрела, когда оставалась одна. Фэй презирала подруг, которые утверждали, что их мужьям и в голову не пришла бы мысль смотреть порно. Типичный пример психологического механизма вытеснения.

Прежде увлечение Яка порнографией не влияло на их интимную жизнь. Мужа хватало и на то, и на это. Но теперь он больше не приходил к ней, хотя продолжал искать удовлетворения у «тощих девчонок».

Спазм в животе нарастал с каждым клипом. Девочки были все, как на подбор, юные, стройные и покорные. Яку всегда нравились

молодые и стройные. Не он изменился – изменилась она. Разве не таких женщин хочет большинство мужчин? Когда живешь в Эстермальме^[1], о старении и прибавке веса даже речи быть не может. Во всяком случае, если ты – женщина.

В последний месяц Як раз семь-восемь смотрел один и тот же клип. «Школьницу brutally трахает учитель». Фэй нажала на «воспроизведение». Совсем юная девчушка в короткой клетчатой юбочке, белой рубашке, галстук, гольфах и косичках в духе Пеппи Длинныйчулок страдает от проблем в школе. Самые большие трудности у нее с биологией. Встревоженные ответственные родители нанимают ей репетитора и оставляют ее одну дома. В дверь звонят. Появляется мужчина лет сорока, в пиджаке с заплатками на локтях, с портфелем в руке. Они заходят в светлую просторную кухню. Девочка приносит учебники, открывает на нужной странице. Они повторяют мышцы человеческого тела.

– Я буду называть мышцы, а ты будешь показывать их на себе – справишься? – говорит учитель бархатным голосом.

Девочка делает большие глаза, кивает и оттопыривает губки. Две мышцы она показывает правильно. Когда он называет *gluteus maximus* – большую седалищную мышцу, девочка слегка приподнимает юбочку, так что в кадре виднеется кружево на трусиках, и показывает внешний край паховой складки. Учитель с улыбкой качает головой.

– Встань, я покажу, – говорит он.

Она отодвигается вместе со стулом и встает. Он протягивает свою большую руку и медленно ведет ею по ноге девочки от колена вверх, под юбку. Задирает юбку еще выше и отводит в сторону край трусиков. Заводит туда палец. Девочка стонет. Идеальный порностон. Однако с намеком на изумленную невинность и легкое чувство вины. Признание зрителю, что она понимает – ей не следует так себя вести. Это запрещено. Но она не может сдержаться. Искушение слишком велико, чтобы устоять.

Он вводит в нее палец и движет им туда-сюда. Потом кладет ее на стол и трахает. Она кричит, стонет, царапает стол. Просит еще. Все заканчивается тем, что он просит ее снова надеть очки – упавшие в процессе – и кончает ей на лицо. С лицом, искаженным от

наслаждения, и полуоткрытым ртом школьница принимает в себя сперму.

Где еще, как не в порнофильмах, с такой ясностью показано, как высоко мужчины ценят свою сперму. Ее выдают исполненным страсти, восторженным женщинам с полуоткрытыми ртами, словно самый драгоценный дар.

Фэй выключила компьютер, кликнув пару раз мышью по уродливому коврику с логотипом «Нордеа». Если Яку нужно такое, то он это получит.

В гардеробной у Фэй нашлось все необходимое. Она взглянула на часы. Половина десятого. Самолет Яка вот-вот приземлится, скоро муж сядет в такси. Само собой, в Арланде у него VIP-класс обслуживания, так что от аэропорта он доберется быстро.

Она быстро приняла душ и сбрила небольшую щетину на лобке. Ополоснув все тело, накрутилась – не так, как делала это обычно, а небрежнее, по-молодежному. Обильно накрутила щеки, не пожалела туши и – как вишенка на торте – обвела губы ярко-розовой помадой, которую нашла на дне ящичка с косметикой и которую наверняка получила в пакетике с рекламной продукцией на каком-то мероприятии.

Як получит не ее – не Фэй, свою жену, мать своего ребенка, – а другую, молодую, нетронутую. Как раз то, что ему нужно.

Выбрав один из тонких серых галстуков Яка, Фэй завязала его небрежным узлом. Надела очки для чтения, которыми он стеснялся пользоваться при других и потому прятал, когда к ним приходили гости. Прямоугольные, черные, от «Дольче и Габбана». Фэй оглядела в зеркале конечный результат. Она выглядела на десять лет моложе. Такой она была, когда уезжала из Фьельбаки.

Ничья жена. Ничья мать. Идеально.

Фэй проскользнула в комнату Жюльенны, чтобы взять одну из ее тетрадок и карандаш с розовой бахромой. На мгновение замерла, когда дочь забормотала во сне. Проснулась?.. Нет, вскоре вновь послышалось размеренное дыхание.

Фэй зашла в кухню, чтобы подлить себе еще вина, но потом остановилась и выдвинула ящик с пластиковыми стаканчиками Жюльенны. Достала большую кружку с крышкой и трубочкой и с

изображением Хэллоу Китти на боку, налила себе в нее красного вина. Супер.

Когда в замке повернулся ключ, Фэй сидела и листала «Экономист» – журнал, который Як упорно клал на видном месте. В семье его читала только она.

Як поставил на пол чемодан, снял ботинки и засунул в них кедровые колодки, необходимые, чтобы сохранить форму его итальянских ботинок ручной работы из мягкой кожи. Фэй сидела неподвижно. В отличие от ее обычного сдержанного блеска для губ от «Ланком», розовая помада прилипала к губам и издавала синтетический запах.

Як осторожно открыл холодильник. Ее он все еще не заметил. Двигался тихо – видимо, думал, что они с Жюльенной спят.

Фэй наблюдала за ним со своего места в неосвещенной гостиной. Как посторонний, заглядывающий в окно, она могла наблюдать за мужем, когда тот не подозревал об этом. Обычно Як всегда пребывал в напряжении. Сейчас, когда думал, что его никто не видит, он и двигался по-другому – раскрепощенно, почти небрежно. Его обычно такая статная фигура слегка ссутулилась – не сильно, но достаточно, чтобы жена, так хорошо его знавшая, заметила разницу. Лицо разгладилось, исчезла озабоченная морщинка, которая в последнее время все чаще появлялась между бровей – в том числе и в ситуациях неформального общения, так тесно связанных с его карьерой, с их жизнью, где смех и звон бокалов могли привести к многомиллионной сделке, заключенной на следующий день.

Она вспомнила Яка молодым, когда они только-только познакомились. Лукавый взгляд, радостный смех, ненасытные руки, постоянно прикасавшиеся к ней...

Свет из холодильника осветил лицо Яка – Фэй не могла оторвать от него глаз. Она любила его. Любила его широкие плечи. Любила его большие руки, которые сейчас взяли пакет с соком и поднесли ко рту. Скоро они будут прикасаться к ней... Боже, как она соскучилась!

Вероятно, от вожделения Фэй слегка пошевелилась, потому что муж внезапно повернулся лицом к блестящей дверце духовки и увидел отражение ее фигуры. Вздрогнув, он резко обернулся, все еще держа в руке пачку сока. Потом отставил ее на кухонный островок.

– Ты не спишь? – спросил он. Между его красивых бровей вновь пролегла морщинка.

Фэй не ответила, молча поднялась и приблизилась к нему. Его взгляд скользил по ее телу. Давно он не смотрел на нее такими глазами.

– Иди сюда, – мягко проговорила она.

Як закрыл дверь холодильника, и кухня вновь погрузилась во мрак. Но свет огней города освещал все достаточно, чтобы они могли видеть друг друга. Обогнув кухонный островок, он обтер губы тыльной стороной ладони и наклонился, чтобы поцеловать жену. Но Фэй отвернула лицо и силой усадила его на стул. Сейчас дирижировать будет она. Оттолкнула его руку, потянувшуюся к ее юбке, и в следующую секунду приложила его ладонь к своим коленям. Задрала юбку, чтобы муж мог увидеть ее кружевные трусики в надежде, что он их узнает – увидит, что они такие же, как у той, юной и невинной.

Его рука скользнула вверх, и она не смогла сдержать стон. Вместо того чтобы отодвинуть трусики в сторону, как в фильме, Як сорвал их. Она снова застонала, уже громче, склонилась к столу, выгнула спину, пока он расстегивал брюки, стянув их вниз одним рывком вместе с трусами. Взяв ее за волосы, пригнул ниже к столу. Налег на нее всей своей тяжестью, целуя и кусая ее в затылок – она ощутила запах апельсинового сока, смешанного с виски из самолета, – решительным движением раздвинул ее ноги, встал позади и вошел в нее.

Як брал ее сурово и агрессивно, и с каждым толчком край стола врезался ей в диафрагму. Он делал ей больно, но боль казалась облегчением, заставлявшим ее забыть обо всем, сосредоточиться на наслаждении.

Она принадлежит ему. Ее наслаждение принадлежит ему. Все ее тело принадлежит ему.

– Скажи, когда будешь кончать, – простонала Фэй, прижимаясь щекой к холодной крышке стола, на которой остались липкие следы от помады.

– Сейчас, – пропыхтел Як.

Она встала перед ним на колени. Тяжело дыша, он ввел свой член ей в рот. Схватив ее за затылок обеими руками, стал протискиваться глубже. Борясь с рвотным рефлексом, Фэй изо всех сил старалась не отвернуть голову. Принимать. Всегда покорно принимать.

Она видела перед собой сцену из порнофильма и, когда Як кончил, с наслаждением увидела на его лице то же выражение, которое было у учителя, когда он брал юную невинную девочку.

– Добро пожаловать домой, мой дорогой, – проговорила Фэй с вымученной улыбкой.

Это был один из последних случаев их интимной близости в браке.

Стокгольм, лето 2001 года

Первые недели в Стокгольме прошли в одиночестве. Через два года после окончания школы я оставила позади Фьельбаку. Как в физическом, так и в эмоциональном плане. Спешила как можно скорее покинуть этот крошечный поселок, вызывавший у меня клаустрофобию. Он душил меня своими кукольными улочками и любопытными взглядами людей, никогда не оставлявшими меня в покое. С собой в путь я взяла пятнадцать тысяч крон и самые высокие баллы по всем предметам.

На самом деле я давно уже мечтала уехать. Но на практические дела ушло куда больше времени, чем я предполагала. Продать дом, вымести весь мусор, прогнать привидения, навязчиво преследовавшие меня...

Воспоминания причиняли только боль. Бродя по родительскому дому, я словно видела перед собой всех: Себастиана, маму и папу. Во Фьельбаке у меня не осталось ничего. Только сплетни. И смерть.

Ничего там для меня не было. Да и сейчас нет. Так что я упаковала чемодан и села на поезд до Стокгольма – уехала, не обернувшись.

И поклялась себе никогда не возвращаться.

На Центральном вокзале Стокгольма остановилась возле урны, открыла мобильный телефон и выбросила сим-карту. Теперь никакие тени из прошлого не достанут меня. Никто не сможет гоняться за мной и угрожать мне.

На лето я сняла комнатку в том же доме, в котором находился «Фельтэверстен» – безобразный торговый центр, по поводу которого жители Эстермальма качают головой, бормоча: «Всё из-за этих социал-демократов... обезобразили наш прелестный квартал». Но об этом я

тогда не подозревала. Я привыкла к продуктовому магазину «Ика» в Танумсхеде, посему считала «Фельтэверстен» роскошным местом.

Стокгольм я полюбила с первого взгляда. Из своего окна на седьмом этаже смотрела на элегантные фасады окрестных домов, пышно-зеленые парки, роскошные машины и думала, что в один прекрасный день тоже буду жить в одном из фешенебельных домов девятнадцатого века с мужем, тремя идеальными детьми и собакой.

Муж у меня будет художник. Или писатель. Или музыкант. Как можно более непохожий на папу. Утонченный, интеллектуальный, раскованный. Он будет красиво одеваться, от него будет вкусно пахнуть. С ним будет трудно другим, но со мной он всегда останется добр, ибо только я его понимаю.

В те первые долгие светлые ночи я подолгу бродила по улицам Стокгольма. Видела драки в переулках, когда закрывались кабаки. Слышала крики, плач и смех. Слышала «Пожарную» и «Скорую», несущихся с завыванием сирен – навстречу опасности, спасти человеческие жизни. С удивлением рассматривала проституток на центральных улицах в макияже восьмидесятых и высоких сапогах, с опухшими бледными лицами и следами от уколов в локтевых сгибах, которые они прятали в длинных рукавах блузок и свитеров. Я просила у них закурить, представляла себе их судьбы. Свобода – находиться на самом дне. Никакого страха упасть еще ниже. Порой я подумывала о том, чтобы тоже встать там – просто чтобы почувствовать, каково это, и узнать, что за мужчины покупают себе минуты продажной близости в своем «Вольво» с детским креслом на заднем сиденье, запасными подгузниками и влажными салфетками в бардачке.

Именно в это время и началась настоящая жизнь. Прошное висело на ногах, как кандалы. Тянуло меня вниз, давило, мешало. Между тем каждая клеточка моего существа вибрировала от любопытства. Я словно бросила вызов миру. Вдали от дома, в городе, о котором мечтала всю жизнь. Я не просто хотела уехать куда-нибудь. Я мечтала попасть именно сюда. Постепенно я осваивала Стокгольм, делая его своим. Он дарил мне надежду, что раны затянутся, все забудется.

В начале июля моя квартирная хозяйка – учительница на пенсии – уехала в Норрланд навестить внуков.

– Никаких посетителей! – важно заявила она, прежде чем закрыть за собой дверь.

В тот вечер я накрасилась и выпила ее алкоголя. Джина и виски. Вишневого ликера и «Амарулы». Вкус был чудовищный, но это не имело значения – я хотела опьянеть. Опьянение сулило забвение и разливалось по телу приятным теплом.

Расхрабрившись от выпитого, я надела хлопчатобумажное платье и пошла гулять на площадь Стюреплан. После некоторых колебаний уселась на веранде кафе, которое показалось мне симпатичным. Мимо брели люди, чьи лица я раньше видела только по телевизору. Смеющиеся, опьяненные алкоголем и летом.

Около полуночи я встала в очередь перед ночным клубом на другой стороне улицы. Все нетерпеливо перетаптывались на месте, и я засомневалась, что меня вообще пустят. Пыталась вести себя как другие, подстраиваться под них. И лишь чуть позже поняла, что и они, должно быть, приезжие. Такие же растерянные, как и я, с напускной самоуверенностью.

За спиной раздался смех. Двое парней моего возраста обогнули очередь и направились к охраннику. Кивок, рукопожатие. Все не спускали с них глаз – завистливых и очарованных. Часы подготовки, хихиканье над бокалом розового вина – чтобы потом стоять и мерзнуть за веревкой. Когда все могло бы быть так просто... Если б я что-то из себя представляла...

В отличие от меня, эти двое были из тех, кого видели и уважали. Они тут точно в своей тарелке. В тот момент я решила, что любой ценой тоже стану такой.

Как раз в эту минуту один из парней обернулся, с любопытством оглядывая человеческую массу, которую только что оставил позади. Наши взгляды встретились.

Я отвела глаза, начала рыться в сумочке в поисках сигареты. Боялась выглядеть глупо, не желала показаться той, какой и была на самом деле – деревенщина, впервые в жизни пытающаяся проникнуть в ночной клуб в столице, накачавшись для храбрости крадеными джином и ликером. Но в следующую секунду он уже стоял передо мной. Бритая голова, глаза голубые и добрые. Чуть оттопыренные уши. На нем была бежевая рубашка и черные джинсы.

– Как тебя зовут?

– Матильда, – ответила я.

Имя свое я ненавидела. Это имя принадлежало другой жизни, другому человеку. Я уже не она. С ней я простилась, выходя из поезда в Стокгольме.

– А я – Виктор. Ты одна?

Я не ответила.

– Иди встань возле охранника, – сказал он.

– Меня нет в списке, – пробормотала я.

– Меня тоже.

Сверкнула улыбка. Я вышла из очереди. Полураздетые девчонки и парни, не пожалевшие воска для волос, проводили меня завистливыми взглядами.

– Она со мной.

Гора мышц у двери убрала веревку и пророкотала:

– Добро пожаловать.

В толчее Виктор взял меня за руку и повел дальше. Тени человеческих фигур, разноцветные мерцающие огни, грохотание басов, сплетенные тела, танцующие силуэты. Мы встали в конце длинной барной стойки, и Виктор поздоровался с барменом.

– Чё ты будешь пить? – спросил он.

Ощущая во рту липкий сладкий привкус вишневого ликера, я ответила:

– Пиво.

– Отлично. Мне нравятся девушки, которые пьют пиво. Это – класс.

– Класс?

– Ну да. Это типа здорово. Реально.

Он придвинул мне «Хайнекен». Поднял свою бутылку, словно провозглашая тост. Улыбнувшись ему, я отпила глоточек.

– О чем ты мечтаешь в жизни, Матильда?

– Стать кем-нибудь, – ответила я без раздумий.

– Но ты ведь уже кто-то?

– Кем-то другим.

– А мне кажется, с тобой и так всё в порядке.

Виктор сделал несколько танцевальных шагов в сторону и обратно, качая головой в такт музыке.

– А ты о чем мечтаешь?

– Я? Я хочу только играть музыку.

– Ты музыкант?

Мне пришлось податься вперед и повисить голос, чтобы он меня услышал.

– Диджей. Но сегодня я свободен. А завтра буду играть. Буду стоять вон там.

Я глянула туда, куда указывал его палец. На крошечной сцене у стены, позади большой стойки с дисками стоял парень, с которым пришел Виктор, и балдел под музыку. Некоторое время спустя он подошел к нам. Представился как Аксель. Мне он показался добродушным и неагрессивным.

– Приятно познакомиться, Матильда, – сказал Аксель и протянул руку.

Я подумала, как эти двое не похожи на парней из моего городка. Ухоженные. Воспитанные. Аксель заказал себе напиток и снова исчез. Мы с Виктором снова чокнулись. Мое пиво скоро закончилось.

– Завтра перед началом у нас будет небольшая вечеринка с друзьями. Может, зайдешь?

– Может быть, – ответила я, задумчиво глядя на него. – А почему ты захотел провести меня с собой?

Я демонстративно допила последний глоток из своей бутылки в надежде, что Виктор закажет еще. Так он и сделал. Взял еще одну мне и еще одну себе. Потом ответил на мой вопрос. Его глаза светились в темноте.

– Потому что ты симпатичная. И потому, что ты казалась такой одинокой. А ты жалеешь, что согласилась?

– Нет, вовсе нет.

Он выудил из кармана пачку «Мальборо», протянул мне сигарету. Я не имела ничего против того, чтобы меня угостили, – тогда моих собственных хватит надолго. Не так много и осталось от пятнадцати тысяч, вырученных мною от продажи дома, – после того, как были уплачены долги и все остальное.

Наши руки соприкоснулись, когда он поднес мне зажигалку. Рука у него была горячая и загорелая. Мне сразу же захотелось, чтобы он прикоснулся ко мне еще.

– У тебя грустные глаза. Ты в курсе? – спросил Виктор, затягиваясь.

– Что ты хочешь этим сказать?

– В тебе чувствуется печаль. Мне это нравится. С людьми, которые всегда всему рады, скоро становится скучно. Мы не созданы для того, чтобы каждую минуту быть счастливыми – тогда мир рухнул бы.

Я не ответила, заподозрив, что он шутит.

Внезапно голова у меня закружилась от выпитого. Я решила, что сувенир на память будет уместным, – подалась вперед, положила руку ему на затылок и приблизила его лицо к своему, пытаюсь показаться увереннее, чем была. Наши губы встретились. На губах у него был вкус пива и «Мальборо». Целовался Виктор хорошо. Мягко, но страстно.

– Пойдем ко мне? – спросил он.

Як в своем синем халате сидел за кухонным столом и читал «Современную индустрию». Он даже не поднял глаза, когда Фэй вошла в кухню, но она привыкла, что муж всегда так себя ведет, когда пребывает в стрессе. Учитывая то, какую ответственность Як несет на работе, и все те часы, которые проводит в офисе, воскресным утром он заслуживает покоя.

Квартира площадью в четыреста квадратных метров, получившаяся в результате объединения четырех квартир на этаже, вызывала у нее чувство клаустрофобии, когда Яку хотелось, чтобы его оставили в покое. Фэй до сих пор не знала, как вести себя с ним в такие дни.

В машине по пути домой с Лидингё, где Жюльенна осталась поиграть у подружки по садику, Фэй представлялось, как они с Яком проведут вместе первую половину дня. Только вдвоем. Залезут в постель, посмотрят какую-нибудь телепередачу, которую единодушно осудят за глупость и вульгарность. Ей так хотелось послушать рассказ Яка о том, как прошла неделя... Прогуляться, держась за руки, по Юргордену...

Поговорить, как когда-то...

Она убрала остатки их с Жюльенной завтрака. Хлопья размякли в молоке. Фэй ненавидела это ощущение мокрых хлопьев и кислый запах; мучительно сглотнула, протирая стол тряпкой.

Вся столешница кухонного островка была усыпана крошками, а на краю, преодолевая силу тяжести, балансировал надкушенный бутерброд. Его держало только то, что он лежал маслом вниз.

– Ты не могла бы постараться убрать до того, как уехать? – проговорил Як, не поднимая глаз от газеты. – Не приглашать же уборщицу еще и по воскресеньям!

– Прости. – Фэй проглотила ком в горле и провела вязкой тряпкой по столешнице. – Жюльенна так хотела скорее ехать... Она так ужасно кричала...

Як хмыкнул и продолжал читать. Он только что принял душ после пробежки. От него вкусно пахло «Армани Код» – этим парфюмом он пользовался тогда, когда они познакомились. Жюльенна очень расстроилась, что не увидит папу, но тот ушел еще до того, как она проснулась, а вернулся тогда, когда Фэй уже отвезла ее к подружке. Утро выдалось трудное. Дочь не устроил ни один из четырех вариантов завтрака, предложенных мамой, а одевание превратилось в мучительный марафон.

Но теперь столешница сияла чистотой. Последствия битвы устранены.

Отложив тряпку в мойку, Фэй разглядывала Яка, сидевшего с газетой за кухонным столом. Хотя он был высокий, тренированный, ответственный, успешный – короче, имел все классические атрибуты состоявшегося мужчины, – во многих отношениях так и оставался ребенком. Она единственная видела его таким, каким он был на самом деле.

Фэй всегда будет любить его, что бы ни случилось.

– Кажется, тебе пора постричься, дорогой.

Протянув руку, она коснулась его влажных волос, но Як убрал голову.

– У меня нет времени. Расширение бизнеса – очень сложная вещь, и я должен сосредоточиться. Не могу каждый день бегать к парикмахеру, как ты.

Фэй уселась на стул рядом с ним, положив руки на колени. Попыталась вспомнить, когда в последний раз стриглась.

– Ты хочешь поговорить об этом?

– О чем?

– О «Компэр».

Муж медленно перевел взгляд с газеты на жену, покачал головой и вздохнул. Она уже пожалела о своих словах. Лучше бы продолжала вытирать крошки... Однако Фэй набрала воздуха в легкие.

– Раньше тебе хотелось...

Як дернулся и опустил газеты. Чуть длинноватая челка упала на глаза, и он раздраженно дернул головой. Почему она не может оставить его в покое? Просто вытирать столешницу. Быть стройной, красивой и преданной. Он работал всю неделю. Насколько она его знает, вскоре он запрется в своем кабинете в башне и снова засядет за работу. Ради нее и Жюльенны. Чтобы у них все было хорошо. Потому что это их цель. Не его, а их совместная.

– Какой смысл это обсуждать? Ты ведь уже не разбираешься в делах. Тут все так быстро меняется... Невозможно жить старыми запасами.

Фэй опустила глаза на свое обручальное кольцо. Повертела его на пальце. Если б только у нее хватило ума промолчать, тогда у них было бы то утро, о котором она мечтала. А так – испортила все одним дурацким вопросом... Думать надо было.

– Тебе хоть известно, как зовут министра промышленности Швеции? – спросил муж.

– Микаэль Дамберг, – автоматически ответила Фэй. Автоматически и верно.

Увидев взгляд Яка, она тут же пожалела о сказанном. Ну что ей стоило придержать язык?

– Ну ладно. Скоро вступит в силу новый закон. Знаешь, какой?

Фэй знала, однако медленно покачала головой.

– Ясное дело, ты не знаешь, – проговорил Як. – Суть в том, что мы, как предприятие, должны будем напоминать нашим клиентам за месяц, когда их контракт истекает. Ранее же они просто продолжали нам платить. Ты понимаешь, что это значит?

Разумеется, Фэй знала. Могла бы в цифрах рассказать ему, сколько потеряет на этом «Компэр». Но она любила его. И сейчас сидела в своей кухне за миллион крон с мужем, который оставался мальчишкой в мужском теле; с человеком, которого только она знала и любила больше всего на свете. Так что Фэй лишь молча покачала головой. Вместо того чтобы сказать, что «Лисандо» – небольшая фирма по поставке электричества, которой владел концерн «Компэр», – потеряет около двадцати процентов тех клиентов, у которых раньше срок действия контракта продлевался автоматически. В целом оборот

уменьшится на пятьсот миллионов в год. А прибыль – на двести миллионов.

Она лишь покачала головой. Снова повертела кольцо на пальце.

– Ты не знаешь, – произнес наконец Як. – Так можно я дочитаю статью до конца?

Подняв газету, он снова вернулся к миру цифр, курсов акций, новых эмиссий и покупки предприятий – тому миру, которому Фэй посвятила три года жизни в Торгово-экономическом институте, прежде чем бросить учебу. Ради Яка. Ради его фирмы. Ради семьи.

Прополоскав тряпку под краном, она достала пальцами мокрые хлопья и крошки хлеба, оставшиеся в раковине, и выкинула в помойное ведро. За ее спиной слышалось шуршание газеты. Фэй беззвучно закрыла дверцу, чтобы не мешать мужу.

Стокгольм, лето 2001 года

У Виктора Блума на шее красовалось светло-коричневое родимое пятно, а спина была широкая и загорелая. Он крепко спал, и я могла не торопясь рассмотреть и его, и комнату, в которой лежала. Никаких занавесок на окнах. Помимо кровати, здесь имелся только стул, заваленный грязной одеждой. На белых стенах танцевали солнечные зайчики.

Мои голые ноги были завернуты в сырую и грязную простыню. Стряхнув ее с себя, я замоталась в нее, как в полотенце, и осторожно приоткрыла дверь спальни. По-спартански обставленная двухэтажная квартира, которую снимали на лето Виктор и Аксель, находилась на первом и втором этаже на улице Брантингсгатан в районе Ярдет. Во дворе был небольшой садик со столом, деревянными стульями и черным мангалом. На столе стояла пустая банка из-под «Фанты», доверху забитая окурками.

Из комнаты Акселя доносился мощный храп. На нижнем этаже располагались кухня и гостиная. Я спустилась вниз, сделала себе кофе и нашла сигареты, покопавшись в своей сумочке, валявшейся на полу в прихожей. Потом взяла с собой кофе, пачку сигарет и уселась на стул в саду.

Передо мной простирался парк Тессина. Солнце все еще стояло низко, но мне приходилось прищуриваться.

Не хотелось казаться навязчивой, быть обузой. Приглашение Виктора прийти на их сегодняшнюю вечеринку – наверняка всего лишь пустые слова, чтобы переспать со мной. В кабаке мне доводилось слышать и куда более высокопарные обещания. Похоже, Виктору было со мной весело. Как и мне с ним. Но лучше всего на этом и остановиться. Я затушила сигарету в банке из-под «Фанты» и поднялась, намереваясь пойти и разыскать свою одежду. В эту минуту у меня за спиной открылась дверь.

– А, вот ты где! – сонно проговорил Виктор. – Закурить найдется?

Я протянула ему сигарету. Он плюхнулся на стул, на котором только что сидела я, и заморгал, глядя на солнце. Я села рядом с ним и сказала:

– Я как раз собиралась уходить.

Я готовилась увидеть облегчение у него на лице. Благодарность, что я не из тех приставучих девчонок, которые не врубаются, когда им пора убираться восвояси.

Но Виктор удивил меня.

– Уходить? – выпалил он. – Почему?

– Я же здесь не живу.

– Ну и что?

– Вы же с Акселем не хотите, чтобы я тут болталась? Я прекрасно понимаю, что у нас все было на одну ночь, а теперь у тебя свои дела. Не хочу быть липучкой, которая не может отцепиться.

Он отвел глаза и посмотрел на парк Тессина. Меня охватило желание погладить его по короткой щетине на бритом затылке. Фотография на стене в его спальне показывала, что волосы у него густые и вьющиеся, когда немного отрастают. Виктор продолжал сидеть молча, и на какое-то мгновение мне показалось, что я разгадала его – что мыслит он так же, как и другие парни.

Наконец он произнес:

– Не знаю, как с тобой раньше обращались парни – как это принято там, откуда ты родом, – но мне кажется, что ты красивая. Ты настоящая, не такая, как все. Если хочешь уйти, конечно, я не буду тебя удерживать, но мне было бы приятно, если б ты осталась. Я собирался сходить в «Север-Илевен» и купить нам соку и круассанов, а чуть попозже заказать пиццу...

– О'кей.

Ответ последовал до того, как я успела подумать.

Мимо моего лица пролетела оса. Я отмахнулась от нее – никогда всерьез не боялась ос. В мире есть вещи пострашнее.

– О'кей?.. А правда, что это за мужики, с которыми ты общалась?

– Парни у нас дома... Даже не знаю, как сказать. Они хотят, чтобы ты легла с ним в постель, а потом ушла. Наутро у них всегда свои дела.

Я ни словом не упомянула о косых взглядах. Словах. Стыде, который возлагали на меня, хотя его должны были нести другие. Отдать свое тело тому, кто желал его, – детский лепет в сравнении с куда более серьезными вещами.

Виктор прикрыл глаза от солнца ладонью.

– Как давно ты живешь в Стокгольме?

– Месяц.

– Добро пожаловать.

– Спасибо.

* * *

Около семи вечера в квартиру повалил народ. Большинство было немного постарше меня, и поначалу я чувствовала себя потерянно. Виктор исчез в толпе, а я оказалась за столиком в саду вместе с Акселем. Потягивала напиток и курила сигарету, а он рассказывал истории, от которых я смеялась до колик, – о том, как они с Виктором путешествовали прошлым летом по Европе. Из дома вышли две девушки; они представились как Юлия и Сара. Юлия была красивая длинноволосая брюнетка, одетая в элегантное синее платье. На Саре была джинсовая юбка с белой майкой, а светлые волосы небрежно собраны в хвостик на затылке.

– Как подумаю об осени – на стенку лезть хочется, – проговорила Юлия, подаваясь вперед. – Я хотела бы бросить учебу, взять свободный год, но папа никогда мне этого не позволит. Он выходит из себя, стоит мне заговорить об этом... Черт, как я ненавижу Лунд!

– Бедняжка, – сказала Сара, пуская дым кольцами.

– Жаль, что у меня не хватило баллов, чтобы поступить в Торгово-экономический... Ну да ладно. Сегодня будем просто веселиться.

Юлия выпрямилась и взглянула на меня, словно только что заметила.

– А ты чем занимаешься?

Я откашлялась. Выпустила дым. Не хотелось рассказывать о своих планах человеку, с которым только что познакомилась.

– Я ничем особо не занимаюсь.

– Круто. Но ты ведь хочешь учиться?

Я подала заявление в несколько высших учебных заведений Стокгольма, так что просто молча кивнула. И подумала о том, что деньги на моем банковском счете тают на глазах.

– Хочу, конечно. Но ответ приходит не сразу, – сказала я.

– А откуда ты знаешь Акселя? – спросила вторая девушка, Сара, кивая ему.

– Я познакомилась с Виктором, если вы его знаете, вчера вечером в «Будда-баре».

– Так ты тут ночевала?

Я кивнула.

Они молча докурили и поднялись.

– Юлия и Виктор раньше были вместе, – пояснил Аксель, когда они ушли.

– Раньше?

– Они расстались месяца три назад. Это наша первая встреча с тех пор, как она вернулась домой из Лунда.

Юлия и Сара пошли с нами в «Будда-бар». Они все время старались держаться поближе к Виктору, бросая на меня недовольные взгляды. Чем больше я пила, тем больше меня раздражали их лица.

На какое-то время Виктор оторвался от проигрывателя и подошел к нам с Акселем. Я обняла его и бросила взгляд на Юлию – глаза у нее сузились. Он поцеловал меня, а я легонько укусила его в нижнюю губу. Когда ему пора было возвращаться в кабинку диджея, Виктор спросил, не хочу ли я пойти с ним. Обвив рукой мою талию, он прокладывал нам путь через людское море. Дело шло медленно, потому что кто-то все время останавливал его, чтобы переброситься парой слов. Наконец мы взобрались на сцену. Виктор напялил наушники, подкрутил какие-то ручки и принялся раскачиваться в такт музыке.

Я тоже стала двигаться под музыку. Потом взяла его руку, завела под подол платья и положила себе между ног. Трусики на мне не

было.

– Ты останешься сегодня у меня ночевать? – спросил он.

– Да. Если хочешь.

Виктор посмотрел на меня такими глазами, что ответ уже не требовался.

– А чем мы займемся? – шутливо спросила я.

Он рассмеялся и поставил новую песню.

Какое восхитительное чувство! Теперь я свободна. Свободна делать что хочу. Быть, кем захочу. Без прошлого, которое отравляло все вокруг и все внутри меня. Без тех, кто тянул меня вниз. Медленно, по капельке, я переделала себя и стала другой.

Оглядев толпу танцующих людей, я на мгновение закрыла глаза и подумала о жизни в Фьельбаке. Любопытные взгляды, преследовавшие меня, куда бы я ни направлялась, смесь восторга и сочувствия – липкая, тяжелая, удушающая. Здесь никто не знает. Никто ничего не видит. Мое место здесь. В Стокгольме.

– Я схожу в туалет! – крикнула я Виктору.

– Хорошо. Я закончу через десять минут. Давай встретимся у выхода.

Я кивнула и отправилась в дамскую комнату. Встала в очередь, улыбаясь при мысли о том, что Виктор – мой, и больше ничей. Музыка на танцполе доносилась издали, заставляя зеркало на стене слегка вибрировать в такт.

Я изучала свое отражение в зеркале. Волосы казались светлее, чем обычно, я чувствовала себя загорелой и свежей. Мне казалось, что теперь я выгляжу старше, чем пару недель назад. Девушка, стоявшая у раковины, направила себе в волосы спрей из розовой бутылочки. От сладкого аромата зачесалось в носу, однако он приятно контрастировал с запахом пота, алкоголя и прокуренной одежды.

За моей спиной открылась дверь – на мгновение музыка стала слышнее.

Кто-то похлопал меня по плечу, и я обернулась. Успела разглядеть Юлию, но тут в лицо мне вылился коктейль. Кусок льда ударился мне в лоб, упал на пол и скользнул прочь. Глаза щипало, я заморгала от изумления и боли.

– Какого черта? – закричала я, отступая назад.

– Шлюха деревенская! – прошипела Юлия, повернулась на каблуках и исчезла.

Стоявшие рядом девушки засмеялись. Я взяла салфетку и вытерла лицо. Унижение чувствовалось во всем теле, словно по мне бегали насекомые. Вернулось прежнее ощущение себя: я – та, что приседает, прячется в тени, сгибаясь под тяжестью многочисленных тайн...

Потом я выпрямилась и взглянула в зеркало. Больше – ни за что!

Неделю спустя мне пришло письмо. Меня приняли на экономический факультет Торгово-экономического института. Я скопировала письмо, разыскала адрес Юлии, купила конверт, засунула в него копию письма и фото, снятое Виктором при помощи автоспуска – я стою на четвереньках, Виктор позади меня, с искаженным от наслаждения лицом. Опуская письмо в ящик у дома, где жила семья Юлии, я думала только об одном: никогда больше никому не позволю меня унижать.

Месяц спустя я записалась в институт под своим вторым именем – Фэй, которое мама дала мне в честь своей любимой писательницы^[2]. Матильда перестала существовать.

За спиной у Фэй пробежал официант – наверняка спешил к тем пузатым мужикам, сидящим за столиком чуть в стороне от нее. К таким мужчинам всегда торопятся. Ничего удивительного – у них такой вид, словно их вот-вот хватит инфаркт.

Она разглядывала Алису, которая только что уселась напротив нее. Познакомившись с ней и другими женщинами из высших слоев общества, Фэй назвала их гусынями, поскольку их главным занятием было откладывание яиц для своих мужчин. Поначалу они сосредоточивали все свои усилия на том, чтобы родить наследников, а потом – чтобы защищать избалованных отпрысков своими крылышками в нарядах от «Гуччи». Когда детки отправлялись в свои тщательно подобранные детские садики, наступало время найти себе подходящие интересы. Ходить на йогу. Делать маникюр. Устраивать званые ужины. Приглядывать за уборщицей. Вести отношения с целой армией нянь. Следить за собственным весом. Или вообще его не иметь. Быть мокренькой и возбужденной. И самое главное: научиться закрывать глаза в тех случаях, когда их мужья возвращаются с позднего «делового ужина» с плохо заправленной в брюки рубашкой.

Поначалу Фэй насмехалась над ними. Над их необразованностью, отсутствием интереса к истинным жизненным ценностям, над их амбициями, не простиравшимися далее приобретения сумочки последней модели от «Валентино», и дилеммами, куда поехать на каникулы – в Санкт-Мориц или на Мальдивы. Но Як пожелал, чтобы она «поддерживала с ними дружеские контакты». Особенно с женой Хенрика Алисой. Так что теперь ей приходилось регулярно общаться с гусынями.

Ни Фэй, ни Алиса не испытывали друг к другу теплых чувств. Однако, хотели они того или нет, их жизни оказались сплетены благодаря фирме их мужей. Благодаря «невероятной дружбе» их мужей, как высказался журналист в одной финансовой газете.

Алисе Бергендаль было двадцать девять – на три года меньше, чем Фэй. Ее отличали высокие скулы, талия, как у десятилетнего ребенка, и такие длинные ноги, словно супермодель Хайди Клум встала на ходули. Кроме того, Алиса родила двух прекрасных здоровых детей. Вероятно, улыбаясь в течение всех родов. А в перерывах между схватками наверняка вязала милую шапочку своему чудесному малышу, порвавшему ее ароматное влагалище на две идеально равные части. Ибо Алиса Бергендаль была не только красива, молода, стройна и всегда источала восхитительные запахи. Она обладала творческой жилкой и огромным кругом общения – устраивала небольшие великолепные вечеринки, куда гусыням надлежало приходить и приводить своих мужей, иначе они рисковали попасть в черный список Алисы. А это среди стокгольмского высшего класса было равносильно попаданию в Гуантанамо.

С собой в ресторан «Риш» Алиса привела другую длинноногую женщину по имени Ирис – жену финансиста Йеспера, занимающегося трейдингом. В данной ситуации – голодранца, но, возможно, восходящей звезды. Ирис, похоже, принята в свиту Алисы с испытательным сроком – пока успех Йеспера не станет фактом. Скорее всего, ее судьба решится в ближайшие месяцы.

Они заказали себе по салатику – естественно, не по целой порции, а по половинке, – и три бокала кавы^[3]. И, подкладывая в рот небольшие кусочки и улыбаясь друг другу, обсуждали своих детей. Это была единственная тема для разговора. Помимо мужей.

– Йеспер взял выходные на пасхальные каникулы, – проговорила Ирис. – Представляете? Мы женаты уже четыре года, и он никогда не был в отпуске больше одной недели в году. И тут позавчера пришел домой и заявил мне, что мы едем на Сейшелы!

Фэй ощутила укол зависти. Проглотила его, запив глоточком кавы.

– Как мило, – сказала она.

Однако в голове у нее возник вопрос: что заставило Йеспера таким манером заглушать укоры собственной совести?

В ресторане яблоку негде было упасть. У окон сидели туристы, довольные тем, что им досталось местечко. Под столами теснились пакеты с покупками. Пытаясь выглядеть независимо, они то и дело оглядывались по сторонам широко раскрытыми глазами. Если взгляд падал на какую-либо значительную личность, они подавались вперед, чуть не ложась грудью в тарелку, и начинали перешептываться, восхищенные обилием телеведущих, артистов и политиков в одном помещении. Тех, в чьих руках реальная власть, – тех, кто тянет за веревочки из-за кулис, мало кто знал в лицо. Однако Фэй было прекрасно известно, кто они.

– Сейшелы – это и правда великолепно, – ответила Алиса. – Такая экзотика... Но как с безопасностью? Там было... беспокойно.

– А что, Сейшелы – на Ближнем Востоке? – неуверенно спросила Ирис, гоня по тарелке кусочек авокадо.

Фэй поспешно отпила глоток вина, чтобы не рассмеяться.

– Нет, правда – там? Где ИГ и вся эта ерунда?

Алиса нахмурила лобик, услышав бульканье из горла Фэй.

– Там наверняка все спокойно, – пробормотала Ирис, гоня вилкой половинку яйца. – Йеспер никогда не стал бы подвергать риску меня и малыша Орвара.

Малыш Орвар? Зачем люди дают своим детям имена, подходящие для морского пирата семнадцатого века? Впрочем, Фэй вынуждена была признать, что Жюльенна – тоже весьма надуманное имя. Но его предложил Як. Красивое и хорошо звучит в международном контексте. Ведь важно, пока ребенок еще в матке, обеспечить ему глобальное будущее. Этот момент они упустили, назвав ребенка Орваром, однако все можно изменить позднее. В прошлом месяце парнишка по имени Сикстен в садике у Жульенны вдруг превратился в Генри. Наверное, трехлетка был совершенно сбит с толку, но такое не принимают в

расчет, когда хотят обеспечить мальчику возможность реализовать себя на мировом рынке.

Допив вино из своего бокала, Фэй незаметно сделала знак официантке подлить ей еще.

– Ясное дело, он не стал бы подвергать вас опасности, – проговорила Алиса, томно покусывая лист салата. Но, поскольку она читала в каком-то журнале, что еду надо пережевывать не менее тридцати раз, чувственность вскоре улетучилась, уступив место образу жующей коровы.

Фэй с грустью покосилась на свою тарелку. Проглотив половинную порцию салата, она ничуть не наелась и теперь с завистью разглядывала блюда, которые только что принесли за соседний столик. Бифштекс «Рюдберг». Фрикадельки. Макароны. Все это поставили перед полными мужчинами в костюмах. Теми, кто может себе позволить отрастить брюшко. Про бедных говорят, что они толстые, а про богатых – что они импозантные. Фэй с трудом оторвала взгляд от фрикаделек. В компании Алисы не принято было есть фрикадельки со сливочным соусом и картофельным пюре.

– Разве тебе не пошло бы на пользу, если б тебя похитили на несколько недель, Ирис? – сказала Фэй. – Это же супердиета. Если ты попросишь их достаточно любезно, они, так и быть, дадут тебе коврик для йоги. – Она взглянула на нетронутый салат Ирис.

– О таком не шутят! Это ужасно!

Алиса покачала головой, а Фэй вздохнула.

– Сейшелы – группа островов в Индийском океане. Куда дальше от Ближнего Востока, чем мы сейчас находимся.

Повисла пауза. Ирис и Алиса сосредоточились на своих салатах, Фэй – на своем вине, которое снова осталось лишь на доньшке.

– Видели, кто там? – прошептала Ирис и подалась вперед, кивая в сторону выхода.

Фэй попыталась понять, кого она имеет в виду.

– Вон тот, который только что вошел. Разговаривает с барменом.

Теперь Фэй увидела его. Это был певец Йон Дескентис. Любимый музыкант Яка. Он уже несколько лет не выступает, лишь фигурирует в глянцевого журналах среди других звезд второго плана в связи с неудачными амурными делишками, финансовыми провалами и пикантными эпизодами. Сейчас его вместе с дамой – красивой

девушкой лет двадцати пяти с черными крашеными волосами и в кожаной куртке – провели и усадили за соседний столик.

– Два пива, – сказал он официантке. – Для начала.

Алиса и Ирис закатили глаза.

– Удивительно, что его вообще впустили, – пробормотала Алиса. – Заведение все больше начинает терять лицо.

Ирис так заерзала на стуле, что золотые браслеты от «Картье» зашелестели.

Фэй взглянула в сторону Джона Дескентиса. Она уже начала планировать день рождения Яка – ему точно понравится, если на его празднике выступит Джон Дескентис. Она поднялась и, ощущая спиной испуганные взгляды Алисы и Ирис, направилась к столику музыканта.

– Простите, что помешала... Меня зовут Фэй.

Йон Дескентис оглядел ее с ног до головы.

– Привет, Фэй, – ответил он с кривоватой улыбкой. – Ничего страшного, ты нам вовсе не помешала.

– У моего мужа Яка в апреле день рождения, и я планирую банкет в ресторане «Хассельбаккен». Он обожает тебя. Я хотела спросить, свободен ли ты в это время и не готов ли прийти на праздник и спеть несколько песен.

– Это Як Адельхейм? Предприниматель?

Черноволосая девушка поджала губки, но Йон выпрямился за столом.

Фэй одарила его улыбкой.

– Да, так и есть. Он владелец фирмы под названием «Компэр».

– Ясное дело, я знаю, кто он такой. Само собой, приду, без проблем. Я и не знал, что ему нравятся мои вещи...

– Он любит твою музыку с подростковых лет. У него есть все твои диски. Да-да, настоящие диски!

Фэй рассмеялась.

– Вряд ли он хвастается этим в интервью финансовым журналам, – усмехнулся Йон.

Девушка громко вздохнула, встала из-за стола и сообщила, что ей надо в туалет.

Фэй тут же уселась на ее место. Ее так и тянуло выпить пиво, которое официант поставил на стол, однако она взяла себя в руки.

Уголкем глаза отметила, как Алиса и Ирис сидят, уставившись на нее.

Вряд ли она сможет сдержаться и не рассказать об этом Яку. Собственно говоря, это следовало бы сохранить в тайне, сделать ему сюрприз, но она знала себя и понимала, что из этой затеи ничего не выйдет.

– Могу ли я... Можно мне твой номер телефона? Чтобы мы могли созвониться и обговорить детали. Уточнить гонорар и все такое.

– Конечно. Если ты дашь мне свой номер, я пошлю тебе эсэмэску.

Он отстучал ей эсэмэску и сложил губы в улыбке, в которой еще таился след прежнего шарма. Ходили разговоры, что не только из-за алкоголя Йон то и дело попадал в реабилитационные центры, но в этот момент он казался абсолютно трезвым.

В мобильнике пропищало. Фэй бросила быстрый взгляд на сообщение – мигающий смайлик – и вернулась за свой столик.

– Что ты ему сказала? – прошептала Алиса, хотя, скорее всего, слышала каждое слово.

Не знай Фэй наверняка, что у Алисы лоб обколот ботоксом, готова была бы поклясться, что у той появилась озабоченная морщинка.

– Он выступит на дне рождения Яка.

– Он? – прошипела Алиса.

– Да. Именно он. Йон Дескентис. Як его обожает.

– Яку это не понравится. Приглашены его деловые знакомые. Это будет выглядеть не лучшим образом.

– Алиса, я лучше знаю, что понравится, а что не понравится моему мужу. Занимайся своей семьей, а со своей я уж сама разберусь!

Выйдя наконец из «Риш», Фэй плотнее запахнула пальто. С залива Ньюбрувикен дул ледяной ветер. Небо казалось свинцовым. Люди шли быстрым шагом, наклонившись вперед. Распродажа со скидкой до 70 % в магазине «Шутерман» подходила к концу – на полках за витриной магазина было почти пусто.

У нее оставался час до того момента, как нужно явиться домой и отпустить няню. Она уже направлялась в сторону площади Стюреплан, когда рядом с ней резко затормозил ярко-красный «Порше Бокстер», так что водитель такси, ехавшего следом, отчаянно загудел.

Опустилось стекло, и через пассажирское сиденье перегнулась Крис Ньюдаль, сидящая за рулем.

– Подвезти, красотка? – спросила она наигранным голосом опытного ухажера.

Як терпеть не мог Крис, и Фэй встревоженно огляделась. Однако гусыни, разодетые в шмотки от «Гуччи», наверняка все еще в шоке от ее поведения, остались сидеть в «Риш», и Фэй вдруг осознала, как соскучилась по Крис. По ее грубоватому юмору, смеху и потрясающим историям о нелепых кавалерах на одну ночь и суровых вечеринках. Когда-то Фэй и Крис были неразлучны.

Открыв дверцу машины, Фэй плюхнулась рядом с подругой. Кожаные сиденья леопардовой расцветки заскрипели, когда она усаживалась.

– Симпатичная машина, – проговорила Фэй. – Скромная и незаметная.

Крис сгребла пакеты с покупками, валявшиеся на полу возле пассажирского сиденья, и небрежно забросила их в узкое пространство за сиденьями. Позади них загудела какая-то машина.

– Болван хренов! – воскликнула Крис, показала водителю средний палец и покатилась вперед.

Фэй покачала головой и рассмеялась. Рядом с Крис она всегда чувствовала себя на десять лет моложе.

– В чем суть взятки за молчание, если никогда не говорить людям, чтобы они заткнулись? – пробормотала Крис, глядя в зеркало заднего вида.

– Откуда ты берешь все эти шуточки?

– Конкретно эту реплику я подслушала в одном сериале.

Крис взглянула на Фэй – та предпочла бы, чтобы подруга следила за дорогой.

– Сколько у нас времени, пока тебе нужно будет вернуться к семейным обязанностям – всякой скучище, так что ты будешь горько сожалеть о потраченном на нее времени, когда поседеешь и начнешь ходить под себя?

Фэй в ужасе вцепилась в ремень безопасности – ей показалось, что Крис не замечает, как зеленый свет впереди сменился красным.

– Примерно час.

– Отлично.

Без всякого предупреждения Крис резко развернулась, чуть не столкнувшись в лоб с автобусом. Фэй еще крепче вцепилась в ремень

безопасности.

– Рванули на Юргорден, – проговорила Крис. Фэй смогла лишь молча кивнуть.

Найдя ресторан, который был открыт, они заказали себе кофе. Как обычно, Крис не обращала ни малейшего внимания на взгляды, которыми провожали ее другие посетители. Крис вела колонку в «Элль», где писала о женском предпринимательстве, часто выступала на телевидении. На прошлой неделе она была в гостях у Малу^[4].

Сразу по окончании института, который она, в отличие от Фэй, закончила, Крис открыла свою первую парикмахерскую, ставшую позднее частью концерна «Куин» – империи салонов по уходу за волосами, построенной на концепции, что все женщины имеют право чувствовать себя королевами. Имея за плечами образование парикмахера, Крис подрабатывала во время учебы на экономическом факультете. Уже при первой встрече с Фэй она заявила, что намерена создать империю. Через пять лет после окончания института салонов красоты сети «Куин» стало уже десять – они располагались в большинстве крупных городов Скандинавии. Но по-настоящему большие деньги Крис стала зарабатывать на продукции, которую разработала сама. Экологическое мышление, качество и потрясающе красивые упаковки в сочетании с яркой личностью Крис привели к тому, что ее линейку продукции для ухода за волосами распространяли крупнейшие дилеры Европы. Тем временем она стала потихоньку подбираться и к США.

– Не понимаю, как ты выдерживаешь еженедельные обеды с этой мумией и ее похоронным эскортом.

– Ты имеешь в виду Алису? Да нет, она очень даже симпатичная.

Фэй понимала, что Крис знает – она лжет. Но Як никогда не простил бы ее, прими она сторону Крис в отношении Алисы.

В студенческие годы у Крис был краткий, но интенсивный роман с Хенриком, мужем Алисы. Фэй, Як, Крис и Хенрик составляли тогда неразлучный квартет. Но в один прекрасный день Крис открыла газеты и увидела объявление о помолвке Хенрика с Алисой. Он предпочел любви благородное происхождение, деньги и внешнее смирение.

За годы, прошедшие с тех пор, Крис использовала мужчин как расходный материал. Фэй знала, что предательство любимого глубоко ранило Крис, и подозревала, что подруга до сих пор тоскует о

Хенрике, хотя ни за что в этом не признается. Между тем от Яка Фэй узнавала обо всем, что происходило за красивым фасадом, – обо всех изменах Хенрика. Муж рассказывал, как тот, всегда такой стеснительный, с годами и с растущим состоянием стал преображаться, словно пытаюсь нагнать упущенное время.

– Ну ладно, я тебе верю, – согласилась Крис. – Но разве не странно?

– А именно?

– Разве не странно, что она, при всех тех миллионах, которыми осыпает ее Хенрик, так и не нашла человека, который достал бы из нее штык, который она, похоже, проглотила?

Фэй захихикала.

Крис посерьезнела и понизила голос:

– Давай начистоту, Фэй. Не понимаю, как ты все это выдерживаешь. Я знаю, какой огромный вклад ты внесла в создание «Компэр» – вся эта чертова идея принадлежала тебе, и ты помогала Яку и Хенрику выстроить структуру предприятия. Однако этим и не пахнет, когда они дают интервью для финансовых газет и хвалятся своими успехами. Не вашими. Не твоими. А своими. Зачем тебе целыми днями сидеть дома и тратить время на... бог весть на что? Какое разбазаривание ресурсов! Ты одна из самых умных людей, кого я встречала, а я как-никак каждый день встречаюсь сама с собой.

Фэй улыбалась, но улыбка казалась натянутой. Крис уже открыла было рот, чтобы продолжить, но она прервала ее:

– Перестань. Мне нравится моя жизнь.

В горле жгло от гнева – как изжога в последние месяцы беременности. Фэй любила Крис, но ей не нравилось, когда та плохо отзывалась о Яке. Она умела все вывернуть наизнанку. Крис отказывалась понимать: все, что делает Як, он делает для них с Жюльенной. Она не видела всего того, чем он жертвовал ради семьи, тех тяжелых ситуаций выбора, в которых нередко оказывался, долгих часов, которые ему приходилось проводить, занимаясь делами фирмы. И какая разница, что она не получила общественного признания за все то, что вложила в «Компэр»? Як знает, сколько она сделала для фирмы. И Хенрик тоже. Этого вполне достаточно.

Для имиджа компании было выгодно поддерживать миф об уникальном сотрудничестве Яка и Хенрика. А вот у Крис нет семьи,

она меняет мужчин как перчатки, не понимает, что такое нести ответственность за семью, на какие жертвы приходится идти. Она ни в чем никогда не шла на компромиссы.

– Надеюсь, что ты права, – проговорила Крис. – Но что произойдет, если он тебя бросит? Скажи, что после рождения Жюльенны вы по крайней мере изменили брачный договор – чтобы обеспечить тебе защиту. На случай, если произойдет непредвиденное.

Фэй улыбнулась. Как мило со стороны Крис беспокоиться о ней.

Она покачала головой.

– Идея принадлежала не Яку, а Хенрику. Ясное дело, Як не хотел заключать никакого брачного договора, но этого потребовали инвесторы.

– Если вы разведетесь, ты не получишь ничего. Ноль.

Крис говорила медленно и отчетливо, словно обращаясь к ребенку. Что она о себе возомнила? Ей просто завидно, что она не нашла себе такого мужа, как Як.

Фэй сделала пару глубоких вдохов.

– Мы не разведемся. Мы счастливы, как никогда. Придется тебе смириться с тем, что это моя жизнь, и я буду устраивать ее по своему разумению.

Некоторое время Крис сидела молча, потом обезоруживающе подняла ладони.

– Прости, ты права. Обещаю больше не совать свой большой нос в чужие дела!

Она улыбнулась своей самой неотразимой улыбкой. Фэй понимала, что Крис действует из лучших побуждений. Ссориться с подружкой не хотелось.

– Давай поговорим о веселом. Что скажешь – не укатить ли нам куда-нибудь на выходные? Только мы с тобой.

– Великолепная идея, – ответила Фэй и посмотрела на часы. Ей уже надо торопиться. – Только мне нужно сперва переговорить с Яком.

Послав Крис воздушный поцелуй, Фэй набрала номер такси.

Когда она выбежала из ресторана, Крис посмотрела ей вслед долгим взглядом.

Стокгольм, август 2001 года

Лежа в постели, я писала дневник, изливая в него все свои чувства. Какое облегчение, что Матильды больше не существует! Никто не знает меня прежнюю. Никто не знает о том, что произошло. Когда меня спрашивали о семье, я отвечала, что мои родители погибли в автокатастрофе. И что у меня не осталось ни братьев, ни сестер. И это правда. У меня их действительно не осталось.

Но иногда во сне ко мне являлся Себастиан. Всегда недостижимый. Всегда за пределами той грани, где я могла бы дотянуться до него рукой. Мне по-прежнему было легко ощутить его запах – стоило лишь закрыть глаза.

Когда мне снился Себастиан, я всегда просыпалась в холодном поту. Перед глазами так отчетливо вставал он... Темные волосы, ясные синие глаза. Внешне он сильно походил на папу, хотя они были очень разными по характеру. Потом мне обычно долго не удавалось заснуть.

Однако мое новое имя – Фэй – придавало мне сил. Пока что я скрывала его от Виктора – опасалась, что он не поймет. Но всем остальным демонстрировала свою новую, уверенную в себе сущность, не имеющую ничего общего с Матильдой. А главное – письма из тюрьмы более не могли достичь меня. Ни одно из них я не открывала. Однако помню тот ужас, который испытывала, увидев на конверте папин почерк. Теперь же он не знал, где я, не мог связаться со мной. Его больше не существовало. Он остался в мире Матильды.

Я потянулась за сумочкой, засунула дневник во внутренний карман и застегнула «молнию».

Если б не эти сны, я могла бы и сама поверить собственной лжи – что мое прошлое похоронено. Но Себастиан продолжал являться мне по ночам. Сначала – живой, с пронизательным взглядом, проникающим в глубь души. Потом – висящий на ремне в кладовке.

Воскресное утро. Фэй поспешила прибраться после завтрака Жюльенны, чтобы Як не увидел того беспорядка, который она вечно оставляла за собой. Нет, она не превращала кухню в Пёрл-Харбор, однако Фэй прекрасно понимала, что именно Як имеет в виду, когда говорит, что неприятно спускаться утром в неприбранную кухню.

Она решила не беспокоить Яка вопросом об уикенде с Крис. Это вызовет лишь раздражение и приведет к ссоре.

Хотя ей и не хотелось признаваться в этом Крис, у них с Яком настал тяжелый период в отношениях. Такое случается время от

времени со всеми парами. Работа Яка требовала от него невероятной самоотдачи, и сама Фэй была не первой женщиной в мировой истории, которую порой охватывало ощущение, что ее муж демонстрирует все свои лучшие качества лишь на работе. Само собой, ей хотелось бы, чтобы у него оставалось больше времени и сил для нее и Жюльенны. Но она поспешно отгоняла от себя подобные мысли. Она принадлежит к небольшому проценту самых богатых людей в одной из самых благополучных стран мира. Ей не нужно работать, думать о счетах и даже забирать ребенка из садика. Целая армия нянь и уборщиц готова в любой момент прийти ей на помощь. Иногда она даже посылала пакеты с покупками домой с посыльным, чтобы не таскать их на себе.

Между тем на Яке лежала огромная ответственность, от которой он порой становился неразговорчив и холоден. По крайней мере, по отношению к ней. Но Фэй знала, что это временно. Через пару лет они снова смогут посвятить себя друг другу. Путешествовать вместе. У них будет больше времени для совместной жизни и совместных мечтаний.

– Ты ведь понимаешь, что мне не нравится работать почти круглосуточно? – говаривал он. – Само собой, я предпочел бы проводить время дома и наслаждаться жизнью с тобой и Жюльенной, не задумываясь над тем, как оплатить счета. Но скоро мы снова будем вместе, дорогая.

Возможно, прошло уже некоторое время с тех пор, как муж говорил это в последний раз. Но он сдержит свое обещание. Она верит ему.

Жюльенна лежала на диване с планшетом на коленях. Фэй подключила беспроводные наушники, чтобы дочь не мешала Яку. У него очень чуткий сон, так что Фэй научила дочь вести себя по утрам как можно тише.

Она опустилась на диван рядом с дочерью и убрала прядь волос с ее лица, без удивления отметив, что Жюльенна уже в тысячу первый раз смотрит «Холодное сердце». Сама Фэй включила на минимальную громкость утренние новости по телевизору, с наслаждением ощущая прикосновение теплого тельца Жюльенны, близость между ними.

Дверь спальни открылась. Фэй услышала, как Як движется в сторону кухни. Она прислушалась к его шагам, пытаясь выяснить, в каком он настроении. Затаила дыхание.

Як откашлялся.

– Ты не могла бы подойти сюда? – спросил он надтреснутым голосом.

Фэй поспешила в кухню, улыбаясь ему.

– Что это такое? – спросил он, делая широкий жест рукой.

– Что именно?

Она терпеть не могла этого ощущения непонимания, сбоя в коммуникации. Ведь они всегда были «Як и Фэй». Равные. Команда, знавшая друг друга до мозга костей.

– На такой столешнице бутерброд себе готовить не хочется, – проговорил Як, проводя ладонью по мраморной поверхности. – Во всяком случае, мне!

Он поднял ладонь, к которой прилипли крошки.

Как она могла так опростоволоситься! Какая небрежность с ее стороны! Ведь она куда умнее...

Фэй схватила тряпку. Сердце билось так сильно, что в ушах застучало. Она поспешно смахнула оставшиеся крошки себе на ладонь и выкинула в мойку. Бросив взгляд на Яка, включила кран и вымыла раковину щеткой. Потом повесила на место тряпку и поставила щетку обратно в серебристый держатель.

Як стоял неподвижно.

– Сделать тебе кофе, дорогой? – спросила Фэй.

Она открыла шкаф, в котором хранились капсулы для кофеварки, и автоматически достала две лиловых. Одну «лунго» и одну «эспрессо» в чашку с небольшим количеством сливок. Як любит крепкий кофе.

Повернув голову, он бросил взгляд в сторону гостиной.

– Каждый раз, когда я ее вижу, она сидит, уткнувшись в планшет. Ты должна что-то сделать. Почитай ей, поиграй с ней...

Несколько капель кофе потекли по наружной стенке белой чашки. Фэй вытерла их пальцем и вложила чашку в руку Яку. Он, похоже, даже не заметил этого.

– Знаешь, что рассказал мне Хенрик? Сага и Карл пользуются своими планшетами не более одного часа в день. Зато ходят в музеи, на уроки музыки и тенниса, читают книги. А еще Сага три раза в неделю занимается балетом – в школе Альханко.

– Жюльенна хочет играть в футбол, – сказала Фэй.

– Об этом даже речи быть не может. Ты ведь знаешь, какие ноги у футболисток! Как два пня. И потом, неужели мы позволим ей играть с девчонками из пригородов, чьи папаши будут стоять у поля и орать судье всякие неприличные слова?

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Жюльенна не будет играть в футбол.

Фэй положила руку ему на грудь, прижалась к нему. Провела рукой по животу, рука скользнула вниз, к ширинке.

Як удивленно уставился на нее.

– Прекрати.

В полированном стекле жарового шкафа она увидела очертания своей бледной пухлой руки. Ясное дело, Як не желает к ней притрагиваться. Слишком долго она позволяла себе ходить распустехой.

Фэй заперлась в ванной комнате и, раздевшись догола, принялась рассматривать свое тело под разными углами зрения. Грудь производила удручающее впечатление. Как два тюльпана, увядших в вазе. Стоит ли поговорить с Яком об операции по увеличению груди? Она знала, что Алиса сделала себе такую. Тут важно не перестараться. Не накачать себе два футбольных мяча.

Живот давно уже нельзя назвать плоским, ноги – дряблая бесформенная масса. Если она напрягала ягодицы, на коже образовывались углубления. Как лунный пейзаж.

Фэй подняла глаза. Лицо одутловатое и серое. Кожа и волосы лишены блеска, а на голове – непонятно что. Придвинувшись ближе к зеркалу, она заметила несколько жестких седых волосков. Поскорее вырвала их и смыла в раковину.

Лишь бы он не начал стыдиться ее. Может, уже жаловался друзьям? А они подтрунивали над ним? С сегодняшнего дня она будет питаться только полезной едой и тренироваться каждый день... нет, два раза в день. Больше никакого вина, роскошных ужинов, никаких перекусов по вечерам в ожидании возвращения Яка.

Он постучал в дверь.

– Ты скоро?

Фэй вздрогнула.

– Сейчас, дорогой, – проговорила она. Голос не повиновался ей.

Муж продолжал стоять под дверью, и Фэй занервничала.

– Я знаю, что в последнее время был очень занят, – произнес он. – Что скажешь по поводу того, чтобы поужинать вместе в среду? Только ты и я?

У Фэй, стоявшей без одежды посреди ванной, глаза наполнились слезами. Она торопливо оделась. Милый Як! Дорогой, любимый Як!

Она открыла дверь.

– С удовольствием, милый.

* * *

Два часа спустя Фэй стояла перед мясным прилавком в «Ика» на площади Карлаплан, высматривая что-нибудь вкусненькое на обед. Все, как обычно. Завышенные цены. Детские вопли, вечное гудение вентиляторов. Запах мокрых курток за десятки тысяч крон и шуб, сделанных из натурального меха – не каких-нибудь там политкорректных искусственных заменителей. Если уж здесь и позволяли себе носить что-нибудь синтетическое, то разве что от Стеллы Маккартни. И то только самое дорогое.

Взяв упаковку утиных грудок, Фэй направилась к кассам. Выбрала ту, за которой сидел Макс. Он обычно работал по воскресеньям.

Фэй проследила глазами за мускулистой рукой Макса, когда тот сканировал товары покупателей, стоявших впереди нее в очереди. Должно быть, он почувствовал ее взгляд, потому что внезапно обернулся и улыбнулся ей.

Когда настал черед Фэй, его улыбка стала еще шире. Глаза сияли.

– Как поживает самая красивая женщина Стокгольма?

Щеки у Фэй запылали. Она понимала, что он говорит это почти всем женщинам, но все же... Он заметил ее.

Из магазина она вышла легкой походкой.

Вернувшись домой, поспешила достать из сумки продукты. Нехорошо оставлять их просто так.

– Ты что, так и ходила?

Фэй обернулась. Як с хмурым видом стоял в дверях.

– Что ты хочешь этим сказать?

Муж указал рукой на ее одежду.

– Нельзя же ходить в магазин в домашней одежде! А вдруг ты наткнешься на кого-то, с кем мы знакомы?

Фэй закрыла дверцу холодильника.

– А Макс за кассой понравился. Он назвал меня самой красивой женщиной Стокгольма.

У Яка на лице задвигались желваки. Фэй осознала, что совершила ошибку. Ей следовало бы знать, что с ним такие шутки не проходят.

– Ты флиртуешь с мальчиками за кассой?

– Нет, я не флиртую. Я люблю тебя, Як, ты это знаешь, но я же не виновата в том, что мне делают комплименты.

Муж фыркнул.

Фэй проводила взглядом недовольную спину Яка, когда он направился в свой кабинет. Несмотря на спазм в животе, она почему-то обрадовалась его гневу. Подумала: «Ему не все равно. Ему на меня не наплевать».

* * *

Жюльенна заснула. Як и Фэй лежали в постели: он – раскрыв на животе лэптоп, она – за просмотром передачи по пятому каналу.

– Сделать звук потише?

Як сдвинул очки на кончик носа и опустил экран компьютера, чтобы взглянуть в телевизор.

– Да нет, ничего страшного, – с отсутствующим видом произнес он.

Ведущая, держа в руках карточки с разными сценариями, представляла очередного участника.

– Это Лиза Якобссон? – спросил Як.

– Да.

– Раньше она была такая красивая... Как же она постарела! И какая толстая...

И снова поднял монитор.

Когда он заснул, Фэй залезла в «Википедию», прикрыв рукой экран своего «Айфона». Лиза Якобссон оказалась на два года моложе ее.

Стокгольм, август 2001 года

Обряд посвящения в Торгово-экономическом институте держался в тайне – руководству не полагалось знать, как нас, первокурсников, будут унижать и опаивать. Нам сказали, что участие – добровольное, однако для меня выбора, строго говоря, не существовало. Я твердо решила сделать все необходимое, чтобы стать своей, влиться в компанию. Сейчас, когда жизнь началась с чистого листа, у меня наконец возникла возможность так сделать.

На маленьком лужке у воды в парке Хага нас собралось пятнадцать человек – все нервничали, все были девушки. Туда пришли примерно столько же второкурсников. Все, без исключения, парни. С собой они принесли несколько больших пакетов из «ИКЕА» с реквизитом. Выстроив нас в ряд, внимательно осмотрели всех по очереди. Велели нам снять с себя все, кроме белья, и дали каждой по черному мешку для мусора с отверстием, в которое надо было просунуть голову. После этого нам дали выпить по две стопочки водки. Рядом со мной оказалась рослая фигуристая девушка с веснушками и буйной рыжей шевелюрой.

– На колени! – крикнул негласный лидер второкурсников Микаэль – сын известного магната в области недвижимости.

У него были светлые волосы и маленькие пороссячи глазки – казалось, он привык, чтобы ему повиновались. Мы поспешили выполнить его указания.

– Хорошо, – продолжал он, доставая коричневое яйцо. – Желток этого яйца вы должны будете передавать друг другу без помощи рук, изо рта в рот. Когда он вернется к первой из вас, она должна будет проглотить его. Первой будешь ты. Как тебя зовут?

Все завертели головами, желая увидеть ту, которой выпал самый невыигрышный билет.

– Крис, – ответила девушка рядом со мной.

Микаэль разбил яйцо о колено, вылил белок на землю и протянул скорлупу с желтком Крис. Она взяла ее, без промедления вылила себе в рот желток и повернулась ко мне. Наши губы встретились, парни радостно завопили. Желток перешел ко мне, я изо всех сил боролась с рвотными спазмами. Повернув голову влево, повторила процедуру со следующей девушкой.

– Ты точно потом его проглотить? – спросила я Крис.

Она пожала плечами.

– Я родом из Соллентуны. Мне приходилось глотать и кое-что похуже.

Я хихикнула. Ее лицо сохраняло спокойное выражение.

– Ты пойдешь на вечеринку?

– Да. Хотя эти избалованные сопляки, одурманенные властью, вызывают у меня аллергию. Они просто пользуются случаем унижить девушек, задушив им голову. Эти гении – самые отстойные в институте. Именно поэтому ритуал проводится до начала семестра, пока мы не успели понять, какие они лузеры. Через две недели никто из девушек даже не посмотрит в их сторону.

– Тогда почему ты здесь?

– Чтобы отделить зерна от плевел – знать, кто они такие, и избегать их, – сухо ответила она. – Кстати, у тебя прекрасные губы. Если я напьюсь и не найду, с кем целоваться, то разыщу тебя.

В глубине души я понадеялась, что именно так она и поступит.

Вечер продолжался в прочих пьяных мероприятиях, которые, казалось, были направлены лишь на то, чтобы возбудить парней. Они вылили нам на волосы жидкость из банок с тухлой салакой, так что нам пришлось искупаться в одном белье. Они рисовали большие нули на лбу у тех, кто проигрывал в соревнованиях, а тем девушкам, кто быстро захмелел, парни оставляли на груди, поясице и ягодицах свои автографы. Все чаще кто-то, шатаясь, отходил в сторону, чтобы проблеваться, однако нам наливали еще и еще.

Когда совсем стемнело, настало время двигаться дальше. Мы в последний раз окунулись, и нам вернули нашу одежду. Они организовали старый автобус, чтобы отвезти нас на вечеринку – он был уже наполовину заполнен теми, кто не решился пойти на ритуал.

Когда мы вошли, все зажали носы. От нас исходил запах блевотины, морской воды и тухлой салаки. К тому же пахло водкой. Двух девушек пришлось внести в автобус – их положили в проходе в одном белье. У одной из них съехал лифчик, наружу торчала белая грудь с темным соском. Парни хохотали, указывая на нее пальцами. Один из них поднялся с места и устремился вперед с цифровым фотоаппаратом в руках. Крис отреагировала мгновенно: выбросила вперед руку, словно шлагбаум, потом сама поднялась на ноги, закрывая ему проход.

– И куда это ты собрался, малыш?

– Она все равно ничего не заметит, – проговорил он заплетающимся языком. – Она ведь спит. Отойди с дороги.

Крис сложила руки на груди и фыркнула. Я отметила, что в волосах у нее водоросли – тем не менее весь ее вид внушал уважение. Она стояла устойчиво, как сосна, хотя автобус трясло. Ее ноги словно приросли к полу. Парень, который был на голову выше ее, утратил самоуверенный вид.

– Не будь такой занудой, это просто шутка. Ты что, феминистка, что ли? – спросил он, с ухмылкой произнося слово «феминистка», будто ругательство.

Крис и бровью не повела. Теперь все взгляды были обращены на них.

– О'кей, мне плевать.

Парень рассмеялся и постарался выглядеть так, словно это не он только что схлестнулся с девушкой и проиграл ей.

– Куда ты направился? – крикнула ему вслед Крис, когда он побрел прочь.

Я затаила дыхание. Она с ним еще не закончила?

– Сесть хочу, – неуверенно ответил он.

– Забудь об этом, ты вернешься сюда.

Он повернулся и нехотя сделал несколько шагов обратно к ней.

– Снимай джемпер, – велела Крис.

– Что? – У парня округлились глаза. – Не собираюсь!

Он огляделся, ища поддержки, но все лишь с любопытством наблюдали за этой сценой.

– Сними свой ужасный джемпер из начала девяностых и дай его сюда. Поторопись; ты же видишь, что ей холодно?

Он сдался, сделал, как она велела, покачал головой и вернулся на свое место. Под розовым джемпером скрывалось бледное жирное тело с отчетливыми висячими мужскими сиськами – парню явно было не по себе.

Крис разбудила девушку, подняла ей руки и бережно надела на нее джемпер.

– Дай мне бутылку, – сказала она, снова плюхаясь рядом со мной, и сделала несколько глотков пива.

– Отлично сработано, – прошептала я, ставя бутылку себе на колени.

– Спасибо. Но надевать на бедняжку это уродство – почти насилие, – пробормотала Крис.

Отведя Жюльенну в детский сад, Фэй бесцельно бродила по Эстермальму. Хватит сидеть дома. Нужно больше двигаться. Сжигать жир, стать стройной и тренированной. Старение надо остановить любой ценой.

В животе урчало. Позавтракать она еще не успела. Только выпила черного кофе, чтобы быстрее сжигать жиры во время прогулки. Образы съестного проносились в мозгу, как в гастрономическом калейдоскопе. Если она вернется домой, то не сможет устоять перед искушением и уничтожит все припасы. Фэй прибавила шагу. Прошлась по улице Карлавеген в сторону парка Хумлегорден. Поморщилась, ощущая, как вспотела спина. Потеть ей совсем не нравилось. Но, как говорила Алиса, «пот – это слезы жира». Хотя на лице у той она никогда не замечала ни бисеринки пота.

Фасады домов девятнадцатого века с важным видом склонялись над ней, строгие и неприступные. Небо было голубым, а солнце отражалось в белом, только что выпавшем снегу, еще не покрытом серой пленкой. Несмотря на пот, Фэй чувствовала себя в приподнятом настроении. Предложение Яка о совместном ужине – поворотная точка. Этот ужин *станет* поворотной точкой.

То, что их отношения находятся в стадии застоя, во многом – ее вина. Пора снова стать той, кого он хочет. Наступает новый отсчет времени.

Для себя Фэй твердо решила не принимать предложения Крис поехать отдохнуть на выходные. Она нужна дома – было бы эгоизмом отправиться на бессмысленный уикенд. Она избегала отвечать на звонки Крис – заранее знала, как та отреагирует и что скажет.

Фэй прибавила шагу. Казалось, она буквально ощущает, как слетают лишние килограммы, шаг за шагом, грамм за граммом. Ненавистный пот впитывался в одежду.

Возле красной кирпичной стены Восточного реального училища стояли и курили украдкой несколько учеников. Две девушки и два парня. Когда они смеялись, изо рта и носа у них вырывались серые клубы дыма. Казалось, они не знают забот. Несколько лет назад – в

другую эпоху, в другой жизни – это могли бы быть она, Як, Хенрик и Крис.

Як – весельчак и шутник. Бесшабашный аристократ, у которого в кармане всегда лежало приглашение на очередной банкет. В искусстве общения и умения рассмешить других ему не было равных. Хенрик был стратегом и мыслителем. Он происходил из очень простой семьи в одном из пригородов Стокгольма и выбрался оттуда лишь благодаря успехам в учебе. Изучал промышленную экономику в Королевском техническом институте, параллельно учась в Торгово-экономическом...

Фэй прошла мимо кондитерской. Пирожные, торты и булочки с корицей громоздились друг на друга. Слюнки потекли рекой, и она отвела глаза. Еще прибавила шагу. Спаслась бегством. На Ньюбругатан дала себе передышку. Зашла в «Кафе Мокко», заказала себе чашку зеленого чая. Без сахара. Вкус был отвратительный, горький, однако она все равно выпила, поскольку читала, что зеленый чай ускоряет сжигание жира. Рассеянно перебирая стопку газет, обнаружила воскресное приложение к «ДИ» за прошлую неделю с Хенриком и Яком на развороте. Дорогостоящая фотосессия. Они сидели в старинном мотоцикле с коляской. Солнцезащитные очки и кожаные куртки. Як – в седле, Хенрик – в коляске, в кожаном шлеме пилота на голове. Довольные лица, широкие улыбки.

Заголовок гласил: «Миллиардная империя рвется в бой». Открыв газету, Фэй пролистала ее, ища интервью. Репортер Иван Уггла целую неделю провел с ними бок о бок. Странно, что Як ничего ей не сказал... Правда, у него часто брали интервью – однако не для таких огромных репортажей.

Текст начинался с зарисовки в их офисе на острове Бласиехольмен. Як поделился, как тяжело им пришлось работать в те времена, когда создавался «Компэр». Рассказал, как работал днем, а по вечерам выстраивал бизнес-планы. Изначально планировалось, что «Компэр» станет фирмой телефонных продаж.

«Я понимал: для успеха я должен пожертвовать всем, отдать все фирме и Хенрику. Ни времени, ни денег не оставалось ни на что – только работа, работа, работа, чтобы создать “Компэр” и содержать самих себя. Чтобы выиграть, приходится делать высокие ставки».

Правда заключалась в том, что Яку вовсе не надо было подрабатывать, поскольку сама она бросила учебу, чтобы содержать его, и целыми днями протирала столы в кафе «Мадлен». Примерно тогда же они вместе разработали стратегию самораскрутки, которая оказалась оптимальной для предприятия.

Интервью продолжалось в том же духе. В 2005 году «Компэр» из самой успешной торговой фирмы превратилась в инвестиционную компанию. Скупая малые предприятия и повышая эффективность производства, можно было продать их с огромной прибылью. Нередко их разбивали на части и продавали дороже, чем можно было выручить за всю фирму в целом. Это означало, что за все эти годы они много кому наступили на больные мозоли, но прибыль говорила сама за себя, и в мире бизнеса, где победителей не судят, Яка Адельхейма и Хенрика Бергендаля единодушно объявили гениями.

Еще через некоторое время они продали почти всё, чтобы вложить средства в компанию – поставщика электроэнергии, а также предприятия общественного блага: частные дома престарелых и школы. С теми же прекрасными результатами. Казалось, все, к чему прикасаются Як и Хенрик, обращается в золото, и все стремились пообщаться с юными Мидасами. Название фирмы, взятое еще в ранние годы, – то самое, которое придумала Фэй, – они сохранили. Нелепо что-то менять, когда тебе постоянно сопутствует удача.

Те ранние годы, когда Фэй содержала Яка, одновременно помогая заложить основу «Компэр», ныне словно вычеркнуты. Иногда она ломала голову, помнят ли об этом Як и Хенрик или же они переделали прошлое даже в собственном сознании. Ее вклад не вписывался в распространяемый СМИ образ двух молодых мужчин, настойчивых и дерзких предпринимателей – Яка Адельхейма и Хенрика Бергендаля. К тому же сценарий был идеален, она сама в свое время указала им на это. Як со своим аристократическим происхождением, яркой внешностью и манерами денди – и Хенрик, выходец из рабочей окраины, грубоватой наружности, словно олицетворяющий собой человека из низов, проложившего себе путь к успеху. Непобедимое сочетание! Фэй лучше было держаться в тени, чтобы не усложнять эту простую и эффектную картину.

Репортер отправился однажды утром вместе с Яком на пробежку по Юргордену. Иван Уггла с энтузиазмом повествовал о том, как долго

они бегали и сколько километров пробежали. Слухи о том, что «Компэр» вот-вот будет котироваться на бирже, Як со смехом отбросил на бегу.

На последнем развороте красовалось фото Яка, снятое в конторе. Он стоит, склонившись над письменным столом, погруженный в важный разговор, указывая на какую-то бумагу. Рядом с ним, ближе к камере, видна Ильва Лендорф в голубой юбке-«карандаш», со строгим хвостиком на затылке.

Когда-то Ильва блеснула в издательской отрасли. Заставила кривые, указывающие вниз, снова рвануть вверх. Отличилась новым мышлением, умением оптимизировать, ставить под сомнение утверждения типа «Так мы делали всегда». Изменяла структуры, ломала каменные стены. Тремя годами ранее Фэй познакомилась с ней на вечеринке, и Ильва сказала, что ищет чего-нибудь нового. Ее энергия и острый ум понравились Фэй – по ее совету Як две недели спустя принял Ильву на работу. Спустя год она стала финансовым директором «Компэр». Свою роль сыграло и то, что наличие женщины в руководстве выглядело очень современно, на что Фэй тоже обратила внимание Яка. Этой женщиной она стать не могла, поскольку они приняли совместное решение – в первые годы Фэй будет дома с Жюльенной.

Она провела пальцем по фотографии – по фигуре Ильвы, ее спине, попке, стройным загорелым ногам до самых черных «лодочек». Она стала такой, какой мечтала стать Фэй. Разница в возрасте составляла всего пять лет, но казалось – не менее двадцати. Вместо того, чтобы находиться в гуще событий в офисе, быть красивой и успешной, Фэй сидела сейчас в «Мокко», пила горький зеленый чай и мечтала о булочке на стойке у кассы. В мрачном настроении Фэй сложила газету. Свой выбор она сделала. Ради Яка. Ради семьи.

Лежа на коврике для йоги в только что купленном тренировочном костюме, Фэй выполняла позу собаки, когда Як вернулся домой. Он отбросил портфель и встал позади нее. Комната наполнилась запахами туалетной воды и алкоголя. Закончив упражнение, Фэй поднялась и подошла к нему. Когда она попыталась поцеловать его в щеку, он отвернулся.

– Хорошо повеселились? – спросила Фэй и снова ощутила спазм в животе.

Як рывком схватил со столика пульт и выключил телевизор, где прокручивался ролик по йоге для начинающих.

– Ты разговаривала с Йоном Дескентисом, чтобы пригласить его выступить на моем дне рождения? – спросил он.

– Я подумала, что...

– Фэй, он – алкаш. Ты устраиваешь не студенческую вечеринку. Там будут клиенты. Инвесторы. Родственники, которые всю жизнь смотрели на меня как на лузера, из-за моего папаша. На этом вечере они увидят, как высоко я поднялся. Увидят, что я не такой, как мой забулдыга-отец.

Он тяжело дышал, голос сорвался на фальцет.

– И тут ты приглашаешь Йона Дескентиса в качестве развлекательной программы... Словно мы – полное убожество!

Фэй невольно отступила на пару шагов.

– Ты всегда его слушаешь. У тебя есть все его пластинки. Я подумала, что ты...

– Прекрати. Как это будет смотреться со стороны, если Йон Дескентис выступит на моем празднике? Я не желаю, чтобы нас ассоциировали с такими, как он. Он – алкоголик. В точности, как мой папаша.

Як опустился на диван, громко вздохнул.

– На самом деле я сам виноват, – проговорил он. – Я не должен был поручать тебе организацию праздника. Черт подери, ты устроила день рождения Жюльенны в «Макдоналдсе»!

Фэй хотела сказать, что таково было желание самой Жюльенны и что всем детям очень понравилось, но слезы стали жечь ей глаза, когда Як презрительно ухмыльнулся.

– Как я мог подумать, что ты сможешь организовать прием для трехсот человек в «Хассельбаккене»?^[5]

– Я справлюсь, Як, ты это прекрасно знаешь. Забудем Йона Дескентиса – я ему пока не звонила. Позволь мне организовать все это для тебя. Я так хочу, чтобы у тебя был великолепный праздник – такой, о котором ты мечтал...

– Поздно.

– Что ты хочешь сказать?

– Я обратился в бюро по организации мероприятий. Ты можешь вернуться к своим... к своей тренировке.

Он сделал жест в сторону ее спортивного костюма. Внутри у нее все сжалось еще сильнее.

Як подошел к подставке для дисков, достал несколько штук, пошел в кухню и выкинул их в помойное ведро. Ей не нужно было проверять, чтобы понять, какие именно.

Фэй закрыла лицо руками. Как она могла быть такой дурой? Как она не догадалась, что подобное испортит репутацию Яка? Она должна была сообразить. Ведь она знает его, как никто...

Фэй свернула коврик для йоги и погасила свет. Когда она умылась и почистила зубы, Як уже спал. Он лежал к ней спиной, далеко на своей половине кровати, отвернувшись лицом к окну. Она осторожно придвинулась к нему – настолько близко, насколько было можно, не потревожив его сон. Вдохнула его запах.

В ту ночь она долго не могла заснуть.

* * *

На следующее утро между ними все еще ощущался холодок. Як сидел и работал в кухне, а Фэй лежала на диване перед телевизором, смотря реалити-шоу.

Из холла донесся резкий телефонный сигнал, однако на этот раз Фэй решила не брать трубку. Услышала вздох, донесшийся из кухни, раздраженные шаги – и звонки прекратились.

Минуту спустя Як с недовольным лицом появился перед ней.

– Это тебя, – сказал он.

Она протянула руку, но Як, проигнорировав ее, положил телефонную трубку на журнальный столик и вернулся в кухню.

– Ты так и не перезвонила мне по поводу поездки, – услышала она в трубке голос Крис. – Ты переговорила с Яком?

– О, нет. Подожди минутку.

Фэй поднялась и пошла в туалет. Заперлась там.

– Алло? – Села на крышку унитаза. – Сейчас никак не получается. У меня очень много дел, к тому же я должна организовать день рождения Яка. Может быть, отложим до лета?

Крис вздохнула.

– Фэй, я... я слышала от одной знакомой, что организация дня рождения Яка поручена их бюро.

Фэй выдвинула ногой весы из-под раковины, встала на них. Никаких изменений. Она обречена всегда оставаться толстой.

– Да, я поняла, что у меня на это нет времени. Извини, пожалуйста, я сейчас не могу говорить, у меня очень много дел.

– Послушай... – прозвучал на другом конце теплый голос Крис.

Фэй вдруг вспомнила, как они веселились в тот вечер, когда пошли в бар с Яком и Хенриком, и Крис вступило, что надо потанцевать на столе. Як держал Фэй за руку, крепко сжимая ее ладонь.

– Что?

– Может быть, все же поедем, чтобы ты могла посмотреть на все немного со стороны? Плевать на день рождения Яка. Уверена – никакое бюро не организует его лучше, чем ты.

Фэй задвинула весы обратно под раковину и пообещала себе неделю не взвешиваться. Дождаться заметных результатов.

– У меня возникла одна мысль, – продолжала Крис. – Мне в моей фирме нужен человек вроде тебя. Со светлой головой, понимающий в бизнесе и знающий, чего хотят женщины. Тебе не хотелось бы выбраться из дома и снова пойти работать? Как-никак Жюльенна уже пошла в садик...

Фэй закрыла глаза. Видеть свое отражение в зеркале было невыносимо.

– Подготовительный класс, Крис.

– Что-что?

– Это называется не садик, это называется подготовительный класс... Нет, спасибо, я не хочу и не нуждаюсь в работе. Если бы мне нужна была работа, я давно все организовала бы сама.

– Но...

– Знаешь, в чем твоя проблема, Крис? Ты считаешь себя лучше меня. Ты вообразила, что все хотят жить такой же бессмысленной жизнью, как и ты, но мне не кажется таким уж увлекательным занятием совокупляться со своим двадцатичетырехлетним личным тренером или напиться до такой степени, чтобы назавтра ничего не помнить. Это вульгарно и нелепо. Вместо того чтобы поучать меня, ты могла бы понять, что тебе пора повзрослеть. Я люблю мужа, люблю

дочь, у меня есть *семья*! Я хочу быть с ними. И подозреваю, что в глубине души ты завидуешь мне и моей жизни. Думаю, в этом все дело. И я понимаю, что ни один мужчина не выдержал бы жизни с тобой. И...

Крис бросила трубку. Фэй уставилась на свое отражение в зеркале. Она уже и сама не понимала, кто эта женщина, которая смотрит на нее.

Стокгольм, август 2001 года

Здание, куда нас в конце концов привезли, располагалось в пустынной промзоне. В углу соорудили временную барную стойку. Грохот басов был слышен даже на улице. Вскоре все разделились на парочки, обнимались, целовались и то и дело ускользали парами в маленькие комнаты на верхнем этаже...

Я протрезвела. Закатила глаза, поймав взгляд Крис, – ей, похоже, тоже было скучно. Отправила эсэмэску Виктору, спрашивая, чем он занят. Невольно улыбнулась, когда писала ее. За пару дней до того мы всерьез обсуждали мой переезд в его новую квартиру в Ярдет, поскольку я все равно практически никогда не бывала в малюсенькой однокомнатной квартирке на Виллагатан, которую недавно сняла.

– Жалко времени, убитый вечер, – буркнула Крис. – Лучше я поеду в город, чтобы хорошенько повеселиться.

Я окинула взглядом студенческую версию Содома и Гоморры.

– Можно мне с тобой?

– Конечно, только вызову такси. Но сначала заедем ко мне и приведем себя в порядок. От нас воняет.

Крис снимала однокомнатную квартирку на площади Санкт-Эриксплан. По всем тридцати пяти метрам жилой площади была разбросана одежда. Постель стояла неубранная, на стенах – ничего, кроме книжной полки с учебной литературой. Если б я задалась вопросом, как ей удалось поступить в Торгово-экономический институт, то нашла бы ответ на письменном столе. Там среди счетов и рекламы валялся листок с результатами выпускных экзаменов. Крис получила 2,0. Лучший из возможных результатов. Я не удивилась.

Мы быстро приняли душ.

– У тебя великолепная грудь, – сказала Крис, когда я вышла из ванной в ее трусиках. – И чертовски красивое тело. Здорово, что есть

люди, не купившиеся на идеал красоты, наводящий на мысли об анорексии.

– Спасибо, – растерянно проговорила я.

Впервые мне довелось услышать комплимент по поводу своей груди и своего тела – от девушки.

– Ты можешь одолжить мне лифчик? От моего воняет тухлой салакой...

Я показала свой застиранный лифчик.

– Да на фига он тебе? Это все равно что ездить на «Феррари», накрыв его чехлом. Сделай одолжение всем лесби и мужчинам-натуралам – выпусти на волю эти классные сиськи!

– Сжечь лифчик? – Я улыбнулась.

– *Yeah, sister!*^[6] – воскликнула Крис, схватила свой провонявшийся лифчик и стала крутить его над головой.

Я рассмеялась, оглядела себя в маленькое зеркало, стоявшее у нее на полу в прихожей, и пожала плечами. Когда я смотрела на себя глазами Крис, то вдруг начинала нравиться себе куда больше.

– Куда пойдём?

– Рванем в какой-нибудь из дешевых баров вокруг института. Там сидят настоящие лакомые кусочки. Не какие-нибудь наследники и сыночки банкиров – они уже давно выродились, – а те, кто по-настоящему интересен. На, примерь вот это!

Крис кинула мне серый кусок ткани.

– Это что – прихватка? – скептически спросила я, разглядывая платье, которое вряд ли закрыло бы мне попу.

– Чем меньше, тем больше, малышка, – заявила Крис, покрывая свои ресницы невероятным количеством туши.

Я надела платье, которое не оставляло простора для воображения. Вырез казался весьма смелым. Я повернулась. Спина тоже оказалась открытая.

– Горячо! – воскликнула Крис, когда я встала перед ней в позу. – Если ты в этом платье никого себе не подцепишь, то уж тогда никогда, помяни мое слово.

– У меня есть парень, – напомнила я.

– Второстепенные подробности, – отмахнулась Крис. – Иди садись, я сделаю тебе прическу. А то у тебя такой вид, словно ты только что вывалилась из переполненного автобуса.

Она помахала ножницами и щипцами для завивки.

Я отнеслась ко всему этому скептически, однако покорно села. Спорить с Крис как-то не приходило в голову.

* * *

Час спустя мы открыли дверь бара «N'See» и вошли внутрь. Как и обещала Крис, в помещении было полно студентов старших курсов нашего института. Несколько лиц показались мне знакомыми.

– Займи нам места, а я возьму пива, – сказала Крис, протискиваясь к бару.

Меня смущало то, что она заплатила и за такси, и за пиво, однако пока я была просто не в состоянии угостить ее. Стипендии едва хватило на еду и квартиру, оставалось всего ничего, и я как раз находилась в интенсивных поисках подработки.

В дальнем углу зала я обнаружила свободный столик. Из динамиков зазвучала песня группы «Оазис» «Don't Look Back in Anger» – слишком громко, чтобы чувствовать себя комфортно.

Дверь на улицу стояла нараспашку. Веранда уже закрылась, и несколько посетителей стояли там, словно колеблясь, зайти им внутрь или нет. Я проверила телефон. Никаких сообщений от Виктора.

Крис поставила на стол два бокала с пенным напитком. Стекло на них запотело, скользило в руке, когда я подносила бокал ко рту. В голове слегка стучало от всего выпитого в течение дня, но пиво быстро исправило положение. Крис нарисовала что-то на запотевшем стекле моего бокала. Я повернула его, чтобы посмотреть, что именно. Сердечко.

– Зачем? – спросила я.

– Это приносит удачу, – проговорила она, пожимая плечами.

Я стерла сердечко. В моей предыдущей жизни удача никогда не играла никакой роли.

Подняв бокал, я выпила большую часть холодного пива, мечтая погрузиться в забвение. Матильды больше нет. Теперь я – Фэй, и больше никто. Может быть, ей повезет больше? Я нарисовала на бокале новое сердечко.

Крис как раз рассуждала о том, как инфантильно вели себя парни на ритуале посвящения, когда в дверь вошли два человека.

– Ты меня слушаешь? – спросила она, тронув меня за руку.

Я рассеянно кивнула. Сердечко на запотевшем стекле еще виднелось, но стало бледнее. Крис подняла глаза к небу и обернулась, чтобы посмотреть, что привлекло мое внимание.

– Ух ты! – пробормотала она.

– Что такое?

– Ты что, не знаешь, кто это? – спросила Крис, указывая большим пальцем на дверь.

– Нет. А что, я должна его знать?

Мне очень хотелось еще пива, но приходилось ждать, пока меня снова угостят.

– Это Як Адельхейм, – шепнула Крис.

Имя ничего мне не говорило. Я стерла пальцем сердечко, которое нарисовала.

В среду в половине седьмого вечера раздался звонок в дверь. Это была Юханна – няня, которую Жюльенна любила больше всех. Пока Як работал у себя в кабинете, Фэй надела свое самое красивое белье от «ЛаПерла», переделась в черное платье «Дольче и Габбана», которое ему так нравилось, и тщательно наложила макияж.

– Какая ты красивая! – сказала Юханна и наклонилась, чтобы снять уличную обувь.

– Спасибо! – ответила Фэй и покрутилась на каблуках, отчего Жюльенна, сидящая на диване в гостиной, восторженно захихикала.

– Свидание – это так романтично, – сказала Юханна. – Куда вы собираетесь?

– В Театральный ресторан.

Столик Фэй заказала еще накануне. Ей приятно было услышать, как изменился голос официанта, когда она представилась и сообщила, что она и ее муж Як Адельхейм намерены нанести визит.

Жюльенна смотрела «Лотту с Горластой улицы». Усевшись рядом с ней, Фэй обняла ее и пояснила, что уложит ее Юханна и что они с папой, скорее всего, вернуться поздно.

Юханна уселась на диван рядом с Жюльенной, обняла ее одной рукой и спросила, как прошел день и чем она занималась. Жюльенна придвинулась ближе к ней и стала радостно рассказывать.

Фэй благодарно улыбнулась Юханне. Им с Яком так необходим этот вечер...

Фэй хотелось, чтобы Як увидел ее во всей красе, просиял, как это бывало в первые годы их совместной жизни. Зайдя в гардеробную, она надела лодочки от «Ив Сен-Лоран», подошла к сервировочному столику с напитками и налила виски. С бокалом в руке постучала в дверь кабинета. Прежде чем открыть дверь, вдохнула запах. В виски ей больше всего нравился запах – вкус она находила отвратительным.

Як сидел за рабочим столом, уткнувшись в компьютер. Комната в башне была такой же тихой, как обычно. За окнами царила непроглядная темень.

– Да-да? – пробормотал он, не поднимая глаз.

Волосы были взлохмачены. Как обычно, Як проводил рукой по челке, когда работал. Фэй поставила перед ним бокал. Двумя пальцами подвинула его ближе по крышке стола. Як удивленно посмотрел на нее красными, усталыми глазами.

– Что такое?

Она отступила назад и покрутилась на месте, впервые за много месяцев ощущая себя по-настоящему красивой.

– Я надела твое любимое платье. То, которое ты купил мне в Милане.

– Фэй...

– Подожди, самое пикантное еще впереди, – проговорила она, приподняла подол платья и показала ему черные кружевные трусики.

Они обошлись ей более чем в две тысячи крон и были украшены изящнейшим французским кружевом. Размер М. Если приложить усилия, то вскоре она сможет купить себе трусики размера S. И даже XS.

– Ты прекрасна. – Як даже не взглянул на нее.

– Я достала тебе костюм. Выпей виски, потом переоденься. Сначала напитки в «Гранд-Отеле», а потом нас ждет столик в «Театральном ресторане». Такси приедет через полчаса. Я с удовольствием пошла бы пешком, но в такой обуви это будет трудно...

Она показала ему черные туфли на высоких каблуках.

На лицо Яка легла тень. Фэй увидела свое отражение в стеклах кабинета в башне. Нелепая фигура в платье-футляре от «Дольче и Габбана», на высоченных каблуках и с ожиданиями до небес. Он

забыл, что именно сегодня они собирались в ресторан. Пить, смеяться, разговаривать – чтобы он вспомнил, как любил когда-то общаться с ней. Вспомнил вечера, которые они провели вместе в Барселоне, Париже, Мадриде и Риме. Их первые месяцы в Стокгольме, когда они буквально не могли оторваться друг от друга...

Фэй закусила губу, чтобы не расплакаться. Стены комнаты придвинулись, словно пытаюсь сдавить ее. Тьма за окном казалась черной дырой, пытавшейся засосать ее целиком. Выражение лица Яка становилось все более несчастным. Она ненавидела, когда он жалел ее. В его глазах она, наверное, казалась преданной собачкой, жаждущей любви хозяина.

– Я совершенно забыл об этом. Сейчас такая куча работы... Ты не представляешь себе, что Хенрик...

Она заставила себя улыбнуться. Не быть навязчивой и требовательной. Быть милой и сговорчивой. Не требовать внимания к себе. Однако отражение в стекле показывало, какой неестественной получилась улыбка. Перекошенная маска.

– Я все понимаю, дорогой. Работай. В ресторан ходим в другой раз. Ничего страшного. У нас впереди – вся жизнь.

Лицо Яка задергалось. Мелкие, короткие спазмы – тик, который у него всегда возникал от стресса.

– Прости. Я обязательно тебе это компенсирую. Обещаю.

– Знаю. Не думай об этом.

Фэй сглотнула и повернулась спиной, пока он не увидел, как у нее заблестели глаза. Выходя, она мягко закрыла за собой дверь его кабинета.

* * *

На диване в гостиной Жюльенна пыталась заплести в косичку рыжие волосы Юханна.

– Какая ты умница! – сказала ей Юханна.

Обычно Фэй любила поболтать с ней. Но сейчас ей хотелось только одного – чтобы Юханна исчезла. Слезы наворачивались на глаза, в горле стоял ком.

– Меня мама научила, – сказала Жюльенна.

– Как здорово! Какую книгу сегодня будем читать?

– «Мадикен». Или «Пеппи».

После разговора с Яком на прошлой неделе Фэй скупил в книжном магазине все книги Астрид Линдгрен, которые нашла.

Фэй кашлянула. Веснушчатое лицо Юханны повернулось к ней.

– Уже уходите? – спросила она.

– Нет. Планы изменились. Придется перенести. Много работы навалилось.

Фэй попыталась усмехнуться, но тьма, таившаяся внутри ее, грозила вырваться наружу, то поднимаясь, то опускаясь.

Юханна склонила голову набок.

– Как жалко! Ты так старалась... Хочешь, я все равно уложу Жюльенну?

– Нет, спасибо.

Фэй проглотила ком в горле, когда Жюльенна уцепилась за рукав Юханны. Достав из сумочки две сотенные, она протянула их няне. Юханна отмахнулась свободной рукой.

– Не надо, я же пробыла у вас минут пятнадцать.

– Ты все же распланировала ради нас этот вечер. Возьми, я вызову тебе такси.

Жюльенна, всхлипывая, продолжала тянуть няню за рукав.

– Я не хочу, чтобы Юханна уходила! Хочу, чтобы она была тут!

Юханна наклонилась и погладила ее по щеке.

– Мы увидимся послезавтра, когда я приду забирать тебя из садика. Я могу почтить тебе прямо в такси по дороге домой.

– Обещай!

– Честное-пречестное. Пока, моя дорогая!

Заперев дверь за Юханной, Фэй сняла туфли, швырнула их на пол в прихожей, отвела Жюльенну в ванную и велела ей чистить зубы.

– Выплюни пасту, а потом мы пойдем читать «Мадикен».

– Я хочу, чтобы Юханна читала! Она лучше читает!

– Юханны сейчас здесь нет. Тебе придется довольствоваться мною.

Фэй понесла Жюльенну в комнату. Девочка извивалась в ее руках, дрыгала ногами, то и дело попадая коленками по животу. Фэй было больно, ком в горле разросся, так что стало трудно дышать.

Она поставила Жюльенну на пол и встряхнула ее. Сильно. Слишком сильно.

– Хватит уже!

Плач внезапно оборвался.

Жюльенна уставилась на нее, словно пребывая в шоке. Никогда раньше Фэй не срывалась при дочери, всегда улыбалась ей, гладила по щеке, говорила, что она лучше всех на свете. Но сейчас в ней шевельнулась тьма. Отдаленный гул из потайных уголков. То, что было давно похоронено. В другой эпохе. В другой жизни.

Жюльенна залезла в постель и свернулась калачиком. Фэй знала, что должна утешить ее, попросить прощения, загладить неприятный эпизод. Но сил не было. Внутри ощущалась лишь полная пустота.

Она закрыла глаза, пытаясь снова стать собой. Но прошлое настигло ее, напомнило ей, какая она маленькая и ничтожная. Кто она на самом деле.

– Спокойной ночи, – тихо проговорила Фэй, погасила свет и вышла из комнаты.

* * *

Она без всякого плана бродила по галлерее «НК». Старинный изысканный универмаг оставался одним из немногих мест, даривших Фэй хотя бы временное успокоение. Иногда ощущение удушья становилось таким явным – единственное, что ей помогало, это побродить по роскошным бутикам и повертеть в руках все эти красивые вещи.

Продавщицы узнавали ее. Молодые женщины улыбались ей своими увеличенными за счет инъекций губами – и она знала, что они готовы на все, лишь бы поменяться с ней местами. В их глазах у нее есть все! Миллионы в банке, статус, муж, гарантирующий ей место в иерархии...

В «НК» в этот час было почти пусто. У магазина «Тайгер» она всегда думала о нападении на министра иностранных дел Анну Линд – и о том, как преступник убежал прочь по галлерее. Одно из тех сюрреалистических мгновений, когда наносное сталкивается с безобразной действительностью. На мгновение весь мир замер,

изумленными глазами взирая на Швецию, которую во многих уголках света считали раем на земле – страну без проблем, без преступности, населенную одними лишь рослыми блондинками с высоким бюстом, обставленную мебелью «ИКЕА» и воспетую квартетом «АББА». Образ насквозь фальшивый, как и вся ее жизнь. Столь же невероятный, как вид Анны Линд, истекающей кровью рядом с серыми костюмами и белыми рубашками в магазине «Тайгер».

В животе у Фэй немилосердно урчало, пока она рассматривала черный комбинезон почти за десять тысяч. Вместо того, чтобы есть, теперь она только пила соки, которые заказывала с доставкой до квартиры. Пять бутылок в день. Зеленые, желтые, белые и красные. Если верить рекламе, в них содержались все необходимые питательные вещества. В сочетании с отличным вкусом. На практике вкус у них был омерзительный. Особенно зеленая бутылка. Фэй приходилось зажимать себе нос, пока она пила эту жижу, подавляя рвотный рефлекс. Тоска по еде, которую можно было просто пожевать, доводила ее до умопомрачения.

Уже две недели она прожила на соках, лишь иногда позволяя себе фрукты. В результате она не только постоянно испытывала усталость, но к тому же вела себя нелюбезно с Жюльенной и Яком. В Интернете Фэй читала, что резкие перепады настроения – обычный побочный эффект при похудании, но не желала в это верить. Как это она не справится с простой диетой, не теряя хорошего настроения, если другие каждый день совершают чудеса? Высадились на Луне. Победили Гитлера. Построили Мачу-Пикчу. Бритни Спирс вернулась к своей карьере после срыва в 2007 году. Тогда уж и она, Фэй, сможет поголодать, оставаясь милой и любезной со своими близкими. Особенно учитывая то, что Жюльенна стала робкой и пугливой после того вечера, когда ее мама потеряла над собой контроль. Но она не могла поговорить об этом с дочерью. Просто не знала, что сказать. Убеждала себя, что время лечит все раны. Во всяком случае, с ней это было именно так.

Выходя из бутика, Фэй была настолько занята своими мыслями, что чуть не врезалась в женщину, которая широко улыбнулась ей.

– Привет! – воскликнула Лиза Якобссон. – Как приятно снова встретиться! Как твоя миленькая дочурка?

– Спасибо, с ней все прекрасно, – ответила Фэй, мучительно пытаюсь вспомнить, когда встречалась с телеведущей в жизни.

– А Як? – Лиза сочувственно склонила голову набок. – Бедняга! Похоже, он работает днем и ночью... Какое счастье, что у него есть такая заботливая жена, как ты.

Лиза продолжала рассуждать о том, какая Фэй замечательная жена, и та почувствовала, как у нее улучшается настроение. Выходит, она совсем изголодалась по комплиментам...

– Давайте как-нибудь соберемся вчетвером, – сказала Лиза.

Теперь Фэй вспомнила, что Лиза сожительствует с коллегой по телеканалу, занимающемуся развлекательными программами средней популярности. Однажды на театральной премьере Лиза и ее друг довольно долго простояли и проговорили с Яком и с ней.

– Посмотрим, – коротко ответила Фэй, и широкая улыбка Лизы вдруг стала неуверенной. – К сожалению, мне пора.

Стокгольм – джунгли, в которых она и еще несколько жен миллионеров – королевы. Фэй знала, что другие анализируют каждое ее слово, каждый взгляд, пресмыкаются и подлизываются лишь потому, что она – жена Яка.

Знала она и то, что Лиза без секундного колебания бросит своего мужчину ради Яка. Или другого такого же, как он. Женщин притягивают власть и деньги. Даже таких псевдофеминисток, как Лиза.

А богатство – это та власть, которая осталась в руках Фэй, и это чувство так опьянило ее, что на мгновение даже урчание в животе отступило. Хотя она и ненавидела себя за это.

Расставшись с Лизой, Фэй спустилась по эскалатору в парфюмерный отдел и прошла мимо огромного рекламного щита, на котором была изображена тощая модель с сильно намазанными глазами и полуоткрытым ртом. Это лишний раз напомнило ей обо всех тех килограммах, которые пока не удалось сбросить.

Як не прикасался к ней с того вечера, как забыл об их свидании; даже не смотрел в ее сторону, когда она ложилась на свою половину кровати.

В животе снова заурчало.

Фэй достала мобильный телефон и послала эсмэску Яку.

«Я люблю тебя!» И приложила «эмодзи» в виде сердечка.

Затем зашла на страницу Яка в «Фейсбуке» и обнаружила, что он изменил фото профиля. Раньше это была фотография, изображавшая их вместе с Жюльенной перед замком Дроттнингхольм. Новая фотография представляла собой профессиональный снимок с сайта «Компэр». Фэй открыла список тех, кто «лайкнул» это фото, просмотрела профили всех молодых девушек в этом списке. Все они были как на подбор – голодные, сексапильные, в поиске. Все стройные, с дорогостоящими увеличенными губами и густыми длинными волосами.

Фэй заставила себя убрать телефон в сумочку.

Продавщицы за прилавком парфюмерии провожали ее глазами. Она взяла бутылочку духов от «Гуччи» и распылила содержимое в воздухе. Нет, не то. Она ищет более сладкий, молодежный аромат. Сделав несколько шагов назад, заметила розовую бутылочку «Ив Сен-Лоран», которая сразу привлекла ее внимание. Взяв пробную полоску, дважды нажала и понюхала. Куда лучше. Этот аромат напоминал ей что-то, но что именно – она не могла вспомнить.

Продавщицы устали пялиться на нее и отвернулись. Фэй взяла коробочку с парфюмом и положила в корзину. Разумеется, духи. Не какую-нибудь дешевую туалетную воду.

В телефоне пискнуло. Неужели Як наконец ответил?

«Ты так и не позвонила мне. Джон Дескентис».

Фэй вздохнула. Она-то надеялась, что он сам обо всем догадается, раз она ему не позвонила...

«Сожалею, но я уже забронировала другую программу. Может быть, в другой раз».

Как раз в тот момент, когда она убирала телефон в сумочку, он снова запищал.

«Мы не могли бы встретиться и поговорить?»

«Не могу. Иду в кино».

В кино? Откуда она это взяла? В юности Фэй обожала ходить в кино. Они с мамой и Себастианом красиво одевались, ехали в Греббестада, ходили в кондитерскую, а потом смотрели два фильма за один вечер. Оба фильма, которые показывали в крошечном кинотеатре. Себастиан держал ее в темноте за руку. Потом они ехали домой, наевшись попкорна и напившись газировки, и мама с Себастианом всю дорогу обсуждали кино. Только когда машина переезжала маленький

мостик перед Мёрхульттом, где каждый год плавали лебеди с выводком, разговоры смолкали.

Фэй поежилась. Мысли все чаще уносили ее на темные тропы...

Мобильник снова звякнул у нее в руке.

«Обожжаю кино. Какой кинотеатр?»

«Риголетто».

«Отлично. Увидимся там».

Фэй покачала головой. Что происходит? С какой стати она собралась в кино с Йоном Дескентисом? Однако на душе потеплело от того, что кто-то искал встречи с ней. Может быть, это отвлечет ее от мыслей о Яке и несостоявшемся свидании?

Когда Фэй открыла тяжелую входную дверь кинотеатра, Йон Дескентис уже ждал, сидя на скамейке. На мгновение она готова была развернуться и уйти, но побоялась, что он это увидит.

– Так ты все-таки пришла, – голос звучал хрипловато, но весело. – А я-то подумал, что получится как с праздником...

Фэй уселась рядом с ним на почтительном расстоянии.

Йон Дескентис был, как обычно, в темных джинсах и черной футболке. Через руку была перекинута темно-коричневая кожаная куртка, в руке – ведро попкорна самого большого размера.

– Как я написала, планы изменились.

– Может быть, в следующий раз, когда у него будет день рождения? – проговорил Йон, по-прежнему улыбаясь. Придвинулся ближе к ней. – Какой фильм ты собиралась смотреть?

От него исходил легкий запах одеколона, выделанной кожи и пива. Неожиданно для нее самой ее тело отреагировало на этот запах.

Она указала на афишу, где Брэдли Купер смотрел прямо в камеру ясными голубыми глазами.

– Этот я тоже с удовольствием посмотрел бы, – сказал Йон.

– Зачем тебе понадобилось со мной встречаться? – спросила Фэй. – Чего ты хочешь от меня?

– Мне подумалось, приятно было бы встретиться и поболтать, – проговорил он и поднялся. – Когда мы сидели в «Риш», ты показалась мне настоящей. В отличие от всех остальных...

Он не закончил предложение.

Фэй глубоко вздохнула.

– Прости, я не хотела тебя обидеть. Просто у меня выдался трудный день.

– У всех нас бывают такие дни. У каждого свои тайны. И свое дерьмо. Разница только в том, что о моем можно было прочесть во всех газетенках.

– Что ты сказал?

Что он имел в виду? Неужели ему известны все ее секреты?

– Как в моей песне «Тайны». «У каждого из нас свои тайны и свое дерьмо», – пою я. Но ты, вероятно, не слышала эту песню?

Двери салона распахнулись, и Йон указал на них. Фэй снова глубоко вздохнула. Увидела перед собой Себастиана и маму – как они смеются над лирической комедией, поедая попкорн из больших картонных ведерок. Свободные, пусть и на время.

Они купили билеты, и Фэй вошла вслед за Йоном в пустой зал. Они уселись на последний ряд, и Фэй снова достала телефон. Як все еще не ответил ей. В душе разрастался страх. Неужели он разлюбил ее? Неужели она больше не привлекает его?

В первые минуты фильма Фэй отчетливо ощущала на себе взгляд Йона. Она и сама не понимала, почему так происходит, но его близость действовала на нее странным образом. Не успев принять осознанного решения, протянула руку и провела по его колену. Не отрывая глаз от экрана и сурового острого профиля Брэдли Купера, расстегнула ширинку и с удивлением обнаружила, что у его спутника нет под джинсами трусов. Никто из них не произнес ни слова, но она слышала его тяжелое дыхание, и это ее возбуждало. Наклонившись, Фэй взяла его член в рот. До нее доносилось все более звучное дыхание Йона – но, как ни абсурдно, он, постанывая, продолжал то и дело запихивать в рот попкорн. В трусиках у Фэй стало мокро, она забыла, с кем находится, – сейчас она была с Яком, стараясь сделать ему хорошо, чтобы он понял, как ему повезло с ней. Не открывая глаз, поднялась, чтобы стянуть с себя трусики. Села верхом на колени Йону, Яку, и опустила на его крепкий член. Он вошел в нее, касаясь тех мест, о которых она уже успела забыть, и Фэй двигалась все резче, не открывая глаз, жарко шепча:

– Еще, Як, о, еще!..

В ту секунду, когда она кончила, Йон наполнил ее горячей и липкой жидкостью. И громко застонал, пока жаркий голос Брэдли

Купера заполнял собой пустой кинозал.

Несколько мгновений Фэй сидела в объятиях Йона Дескентиса, размякшая и ошалевшая. Потом резко поднялась. По ногам текло, и то, что несколько секунд назад так возбуждало, теперь вызывало лишь брезгливость.

Схватив сумочку, она вышла из зала, не обернувшись.

Стокгольм, август 2001 года

– А что такого особенного в этом Яке Адель... как там его? – спросила я, когда Крис поставила передо мной очередной бокал пива.

– Адельхейм, – уточнила Крис и села напротив. – Ты шутить или вправду не знаешь?

– Нет. Помимо самого очевидного. Что он хорош собой, но довольно стандартный красавчик.

– Красота – что с нее? Он из дворян. Из семейства со слегка подмоченной репутацией. Все в институте мечтают с ним подружиться, все вертится вокруг него. Девчонки от него без ума. Сама я трахалась бы с ним до умопомрачения, – сухо добавила Крис.

Я только что отпила большой глоток, и мне пришлось зажать рот рукой, чтобы не забрызгать пивом весь стол. Строго говоря, в комментарии Крис не было ничего смешного, но от выпитого все вокруг завертелось, и каждое ее слово казалось забавным.

В этот момент Як и его друг направились к нашему столику. Казалось, они ищут, куда бы присесть.

– Что происходит? – прошептала Крис, сидевшая спиной, но заметившая мой любопытный взгляд.

– Они ищут себе столик... и...

Крис округлила глаза, сжала губы.

– Они идут сюда, – прошептала я.

– Проклятье! Не смотри на них! Прекрати пялиться! Лучше смейся. Смейся так, словно только что услышала лучший анекдот в своей жизни!

Я откинулась назад и рассмеялась деланным смехом, чувствуя себя невыносимо глупо. Крис тоже засмеялась. Это был громкий, преувеличенный смех – по-моему, на грани безумия. Як Адельхейм и его друг дождались, пока мы отсмеемся.

– Можно мы присядем за ваш столик? – спросил он. – Обещаем не мешать.

Друг за его спиной слишком крепко сжал бокал с пивом и покачнулся, глядя вокруг слегка мутным взглядом.

– Конечно, – равнодушно ответила Крис и взглянула вверх с наигранным удивлением.

Як сел в ложу рядом со мной, а его друг уселся возле Крис, протянув мне через стол нетвердую руку.

– Хенрик.

– Ма... Фэй, – представилась я, еще не привыкнув к своей новой личности.

Сбросить с себя старую кожу оказалось труднее, чем я думала.

Повернувшись, я обменялась рукопожатием с Яком. Он улыбался мне. У него была красивая открытая улыбка. Голубые глаза смотрели прямо на меня. Он был впрямь хорош, этого я не могла отрицать. Однако у меня есть Виктор – я не из таких девушек. К тому же Крис, скорее всего, разобьет свой бокал о мой нос, если я попробую приблизиться к Яку.

– Приятно познакомиться.

Когда все обменялись рукопожатиями, Крис подалась вперед и демонстративно спросила меня, что я думаю о новом президенте США Джордже Буше. На мгновение закатив глаза, я пустилась в небольшое рассуждение, которое в целом являло собой пересказ передовицы в утреннем номере газеты «Дагенс нюхетер». Як и Хенрик тут же включились в дискуссию, затеяв дебаты на основании моих аргументов. Як стоял на моей стороне, Хенрик возражал. Из-за уровня звука – Брайан Адамс исполнял «Summer of 69» – я слышала их лишь урывками.

Через некоторое время я уже забыла все, что Крис рассказывала о Яке. В моих глазах он стал просто отличным парнем, с которым легко разговаривать. Хенрик заказал нам всем еще пива.

– В благодарность за то, что вы разрешили нам сесть за ваш столик, – пояснил он, придвигая нам два бокала.

При этом не сводил глаз с Крис. Она же не удостоила его взглядом.

Бармен объявил, что через полчаса заведение закрывается и пора делать последние заказы. Крис заерзала.

– Мне нужно в туалет, – проговорила она.

Хенрик тут же поднялся с места, чтобы пропустить ее. Як повернулся ко мне.

– Какие у вас планы на вечер?

Я заколебалась. Покосилась на свой мобильный, все еще не принесший мне никаких вестей от Виктора.

– Ой, я даже не знаю... Крис захочет пойти куда-нибудь еще, а я пойду с ней. А вы?

Як сидел так близко, что мне стало немного неловко. Он реально действовал на меня, пронимал до глубины души. Я еще не решила, как к этому относиться.

Хенрик остался стоять, оглядывая зал.

– Думаю, мы пойдем и продолжим веселиться дома у Хенрика. Само собой, вы можете присоединиться, если хотите.

– Может быть. Только я должна сначала спросить Крис.

– Хорошо, – проговорил Як, не отводя от меня глаз. – А ты чем занимаешься? Работаешь? Или учишься?

Темные густые ресницы обрамляли его глаза, от чего те казались еще синее. Наши ляжки соприкасались под столом.

– Учусь в Торговом, – небрежно ответила я, отхлебнув глоток пива.

Мне всегда с трудом удавалось скрыть свою гордость, когда я рассказывала, чего добилась. Оправилась от того, что произошло, заработала необходимые оценки, сделала то, о чем мечтали многие, – не имея тех возможностей, которые были у большинства студентов Торгово-экономического института в Стокгольме.

– Вот как? Я тоже. Ты на первом курсе?

– Ага.

Я повертела в руках бокал, размышляя, куда же подевалась Крис.

– Ну и как тебе? Нравится?

Его внимание было полностью направлено на меня, и от этого я поежилась. Мне хотелось спрятаться в тени. Виктор никогда не смотрел на меня такими глазами. Именно поэтому я чувствовала себя с ним так естественно. При нем мои тайны оставались тайнами. А Як, казалось, видел меня насквозь.

Крис вернулась к столику, с любопытством оглядела нас.

– Он... э... тебя ведь зовут Як? – неуверенно переспросила я, и он кивнул. – Як спрашивает, пойдём ли мы с ними домой к... Хенрику. Но мы ведь собирались куда-то ещё?

Мне трудно было скрыть, чего мне на самом деле хочется.

В глазах Крис я прочла, что моя предприимчивость произвела на нее впечатление. Но, к моему удивлению, она лишь пожала плечами и ответила:

– Может быть. Посмотрим. Сперва я хочу потанцевать.

– Мы могли бы пойти в «Стюрекомпаниет», – вставил Хенрик.

– Ненавижу стоять в очереди, – со вздохом проговорила Крис и потрянула своими рыжими волосами.

– Всё в порядке; Як сделает так, что нас пропустят, – сказал Хенрик. – Правда, Як?

– Само собой, – ответил тот, не отрывая от меня глаз. – Без проблем.

Он встал и протянул мне руку. Я покосилась на свой телефон. Никаких сообщений. Виктор вдруг стал казаться мне не таким уж и важным. Засунув телефон в сумочку, я взяла руку Яка.

* * *

Как и пообещал Як, охранники сразу замахали нам рукой, пропуская без очереди. По пути в VIP-зал его все время останавливали парни, желавшие поговорить, и девушки, которые кокетничали с ним, хлопая ресницами и выпячивая губы. Я же воображала себе, что у меня иммунитет к притягательности Яка, и забавлялась, наблюдая, как и мужчины, и женщины совершенно очарованы им.

В VIP-зале он сделал круг почёта, пожимая всем руки, как президент во время государственного визита. Мы с Крис и Хенриком пристроились у бара, пока Як заканчивал свой круг. Хенрик заказал коктейли и стопочки водки. Большинство народу в клубе уже достигло необходимого уровня опьянения. Кто-то кричал друг другу в уши, брызгая слюной. Женщины были одеты в платья минимальных размеров или открытые топы с коротенькими юбками; мужчины – в тонких рубашках пастельных оттенков и джинсах или брюках-чинос. Я в своем взятом напрокат платье оказалась достойной конкуренткой –

ощущала на себе пристальные мужские взгляды. Меня оглядывали и оценивали, однако всеобщее внимание доставляло мне удовольствие. Не могла не заметить, как оно влияло на Яка, когда он то и дело появлялся в поле моего зрения.

– Он всегда так исчезает? – спросила Крис Хенрика, неуклюже двигавшегося в такт музыке.

– Да. Он ведь всех всегда знает... – Он вздохнул, но в следующее мгновение просиял: – Как здорово, что вы пошли с нами! Мне не приходится стоять тут одному.

Я шагнула ближе к ним, чтобы лучше слышать.

– Так здесь все его знают? – спросила я.

– Нет. Иногда я сам задаюсь вопросом, знаю ли я его. А мы как-никак давно дружим и собираемся вместе создавать фирму...

Наклонившись к барной стойке, Хенрик отпил пару глотков коктейля.

– Возможно, дело в том, что никто не может понять его до конца, этим он так всех берет. Во всяком случае, такова моя теория. Плюс эта комбинация благородного происхождения и декаданса в семье... И в довершение ко всему – несколько сочных семейных конфликтов и трагедий.

Язык у него заплетался, он потягивал коктейль через розовую трубочку. Потом выпрямился и поправил очки.

Як остановился перед компанией девушек у другого конца барной стойки. Девушки захохотали, когда он, шутя, сделал несколько танцевальных движений. А когда отошел от них, они проводили его хищными взглядами.

Як подошел к нам и обнял нас с Крис за талию. Я ощутила тепло его ладони. Он провел большим пальцем туда-сюда. У меня защекоotalo во всем теле.

– Разве вы не собирались танцевать? – весело спросил Як, прежде чем повернуться к Хенрику. – Почему ты не увел их на танцпол? Я что, все должен делать сам?

Хенрик развел руками.

– Ты же знаешь, танцор я неважный.

– О да, с болью вынужден это признать... Об этом знаю не только я, но и каждый владелец ночного клуба в городе.

Хенрик покраснел, но, кажется, не обиделся. В их отношениях не было ни капли злонамеренности.

Як подмигнул ему.

– По последней рюмочке – и пойдём танцевать?

Вид у Хенрика был усталый, однако он кивнул.

– Конечно.

Як позвал бармена, который поклонился, пожал ему руку и обменялся несколькими словами. Внезапно перед нами появились четыре шота.

– Я угощаю! – крикнул бармен и, похлопав Яка по плечу, повернулся, чтобы принять другой заказ.

Мы подняли тост, откинули головы назад, выпили до дна и поморщились. Отставив от себя стопку, Як снова положил руку мне на талию и скользнул ею по моему боку до самого живота. Я бросила тревожный взгляд на Крис, но та, похоже, ничего не замечала, занятая беседой с Хенриком. Казалось, они нашли друг друга. В руке у меня оказался очередной коктейль, и алкоголь заглушил угрызения совести. Единственное, что имело значение, – прикосновение Яка к моему животу здесь и сейчас было очень приятным ощущением.

И все же я не могла не думать о Викторе. И о том, что совершенно неуместно стоять вот так с парнем, с которым я знакома всего несколько часов. Ведь я влюблена в Виктора – разве не так?

Кроме того, мне вовсе не хотелось нелепым флиртом портить только что завязавшуюся дружбу с Крис. Я безгранично восхищалась ею. В ней чувствовалась стихия. И Як, похоже, важнее для нее, чем для меня.

Однако было в нем нечто такое, от чего у меня голова шла кругом. Его рука остановилась, пальцы лежали у меня на бедре. И мне хотелось, чтобы он продолжал прикасаться ко мне...

Внезапно я поняла, что пора с этим заканчивать – еще до того, как что-то началось. Я высвободилась и отметила, что Як удивился – хотя изо всех сил постарался это скрыть.

– Мне пора, – проговорила я и поставила недопитый коктейль на стойку бара.

– Уже? Мы же собирались домой к Хенрику – закончить вечер у него...

– Мне нужно домой, – решительно ответила я. – К моему бойфренду.

– А, у тебя уже кто-то есть, – небрежно проговорил Як, но в его глазах мне почудилось разочарование. Впрочем, возможно, я просто видела то, что хотела увидеть.

– Да.

– Пожалуй, я все же тебя провожу.

– Что? Зачем это?

Он указал на что-то у меня за спиной, и я обернулась. Крис и Хенрик стояли, словно сплетенные вместе, и целовались врасплох. Моя подруга положила руку Хенрику на затылок, крепко прижимая его к себе.

Я снова обернулась к Яку.

– Ну всё, пошла. Пока.

Як взял меня за руку выше локтя.

– Подожди. Дай я тебя провожу. Где ты живешь?

– В Ярдет. То есть там живет мой парень, и я собираюсь там переночевать. Зачем тебе провожать меня? Ты можешь выбрать любую девушку из тех, с кем разговаривал. Не представляю себе, чтобы кто-то из них сказал тебе «нет».

Я кивнула в сторону девушек, извивавшихся на танцполе под последний шлягер «Шугарбейб».

– Но только я этого вовсе не хочу. Я хочу проводить тебя. С тобой интересно. Ты красивая. И не такая, как все.

– Правда?

В животе у меня все на мгновение сжалось – я вспомнила все те случаи, когда мне говорили, что я не такая, как все, имея в виду совсем не это. Нечто совсем другое.

– Да, – ответил Як. – И еще мне нравится твое имя. Оно тебе очень подходит.

Он посмотрел мне прямо в глаза – умоляюще, как маленький мальчик. Я вздохнула.

– О'кей. Но тогда мы пойдем ко мне домой – на Виллагатан. И ты проводишь меня только до двери.

Як просиял.

Протиснувшись через толпу у дверей клуба, мы зашагали по улице Стюрегатан. Як закурил и протянул мне свою сигарету, а себе

достал другую. Оказавшись на улице, мы не сказали друг другу ни слова, однако молчание казалось приятным.

Мимо проползло такси. Я скосила глаза на Яка – он улыбнулся мне. Мы свернули в сторону парка Хумлегорден.

– Что это за фирма, которую вы собираетесь создать?

– Сами пока не знаем. Ищем подходящую идею. Но как только найдем, возьмемся за дело на все сто – напишем профессиональный бизнес-план, найдем инвесторов, станем миллионерами...

– Инвесторов?

– Да, мы хотим все сделать сами. На своих родителей я не рассчитываю. Папа... мы с ним не общаемся. Мама живет со своим новым мужем в Швейцарии, посылает мне открытки на Рождество – но не более того. А нам нужен капитал. Чтобы снять помещение, нанять сотрудников, потратиться на маркетинг и рекламу...

Небольшое, едва заметное изменение голоса. Я не поняла, что оно означало. Як проследил глазами за человеком, шедшим по другой стороне улицы. Сделал глубокую затяжку. Это была уже третья сигарета за время нашей краткой прогулки.

– Мы с Хенриком поклялись стать экономически независимыми до того, как нам стукнет тридцать. – Он выпустил колечко дыма.

– А у вас есть название? Вашей пока не существующей фирмы...

Я ухмыльнулась, чтобы показать, что я его поддразниваю.

Однако на мой шуточный вопрос Як ответил серьезно.

– У нас было несколько идей, но ни одна не пришлась ко двору. Я хочу, чтобы название сразу говорило – наша фирма лучшая, вне конкуренции.

Як выпустил еще одно колечко дыма.

– Что скажешь по поводу «Компэр»? – спросила я, подумав. – Самоуверенное название, которое показывает, что фирма не боится сравнения с другими^[7].

Як остановился и посмотрел на меня.

– Мне нравится, – проговорил он. – Приятно звучит.

– Не забудь поблагодарить меня, если вы решите его использовать, – сказала я, улыбаясь.

Мы вышли на Карлавеген, и я начала дрожать. Становилось холодно, а у меня не было верхней одежды.

Из открытого окна в нескольких метрах от нас доносилась музыка. Внезапно дверь подъезда в этом доме отворилась. Оттуда вывалились мужчина и женщина. Як сделал несколько быстрых шагов, успел придержать дверь ногой, открыл ее передо мной и театрально поклонился.

– Что ты делаешь? – спросила я, обнимая себя обеими руками.

– Продолжение вечеринки!

– Ты знаешь тех, кто здесь живет? – изумленно спросила я, заходя следом за ним в подъезд.

– Скоро узнаю. И ты тоже. Пошли. – Як взял меня за руку и повел по широкой каменной лестнице. – Выпьем пару коктейлей и свалим.

– Ты шутишь? – захихикала я, давая себя увести. – Ты собираешься прийти в незнакомый дом и просто позвонить в дверь?

– Да. – Як почти бегом поднимался по лестнице, волоча меня за собой.

– Ты сумасшедший! – воскликнула я, смеясь.

Як обернулся и быстро поцеловал меня. Легкое прикосновение подействовало, как электрический разряд.

Мне пришлось остановиться и перевести дух, прежде чем я смогла войти вслед за ним в квартиру, откуда доносилась музыка.

На табличке было написано «Линдквист». Мы позвонили. Дверь нам открыла женщина лет тридцати, раскрасневшаяся от выпитого. У нее за спиной звучали музыка, гул голосов, звон бокалов и смех. Як улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой, а я в смущении спряталась у него за спиной.

– Добрый вечер! – радостно заговорил он. – Мы не могли пройти мимо – услышали, что у вас тут вечеринка и вы веселитесь на славу! Можно мы с моей девушкой зайдем к вам и немного согреемся?

Я вздрогнула, когда Як назвал меня своей девушкой, но сохранила лицо. Все во мне перевернулось, когда он произнес это слово, имея в виду меня. Женщина сердечно рассмеялась, закивала и шагнула в сторону.

– Проходите. Меня зовут Шарлотта.

Мы представились. Все остальные гости, похоже, прошли в квартиру в уличной обуви, и мы сделали то же самое. Шарлотта зашла впереди нас в зал, где под гигантской хрустальной люстрой веселились

около сорока празднично одетых людей. Остановившись прямо посреди зала, Шарлотта подняла бокал.

– Слушайте все! Это Як и Фэй. Им показалось, что у нас тут очень весело, – и они решили зайти к нам!

По залу пробежал смешок. Кто-то крикнул «Добро пожаловать!», кто-то – «Налейте им!». Не успев и глазом моргнуть, я уже стояла и беседовала с женщиной-юристом по имени Аманда, лет на десять старше меня.

Все здесь были такие веселые, открытые, дружелюбные и светские. Вскоре я и думать забыла о том, как неуютно почувствовала бы себя в этой ситуации Матильда. Фэй любила, когда вокруг люди, любила разговоры, смех, раскованную атмосферу, звуки, взлетающие к потолку и роскошной хрустальной люстре. Фэй чувствовала себя здесь как рыба в воде.

К тому же я знала, что Як где-то рядом. Его присутствие придавало мне уверенности. Разговаривая с Амандой, я постоянно ощущала, где он находится. Словно все помещение склонялось к нему. Як всех ослепил, кружил по комнате, шутил, смеялся, всем подливал, словно был хозяином дома и вечеринки. Во всем, что он делал, была колдовская очаровательная самоуверенность. Никогда еще мне не приходилось общаться с человеком, блиставшим так, как Як Адельгейм.

Наши глаза встретились. Он подмигнул, улыбнулся и поднял бокал. Пузырьки в шампанском бурлили в свете хрустальной люстры.

Кто-то положил руку ему на плечо, и Як обернулся. Исчез. Внезапно мне стало его не хватать. Его взгляда, нашего взаимопонимания без слов, его улыбки. Я отвернулась и стала прислушиваться к Аманде, рассказывавшей о невыносимых условиях труда в одном из крупнейших адвокатских бюро Стокгольма. Теперь, когда взгляд Яка не сопровождал меня, салон вдруг стал казаться холодным и пустым. Кто-то вложил мне в руку еще бокал шампанского.

* * *

Час спустя гости стали расходиться. За окнами начало светать. Мы покинули квартиру в числе последних. Як выудил откуда-то недопитую бутылку вина и приставил к губам.

– На посошок, – с ухмылкой заявил он.

– На халяву, – ответила я.

– Да ладно.

Сделав пару больших глотков, он протянул мне бутылку. Я подумала о том, что его губы только что прикасались к горлышку – мне казалось, я ощущаю его вкус, смешанный с тепловатым белым вином.

Мы брели по пустынному городу, болтая без умолку. Я едва успевала вдохнуть между приступами смеха. Як пересказывал разговоры, изображая в лицах участников вечеринки. Я же рассказала про Крис и парня в автобусе.

До моего подъезда мы добрались слишком быстро. И замерли в молчании. Сразу показалось странным и диким, что я сейчас наберу код, открою дверь и войду в подъезд без него.

– Ну что ж, – выговорил Як, внезапно смутившись. – Увидимся.

– Ага.

– *So long, Faye!*^[8] – произнес он, словно повторяя реплику из дешевого голливудского фильма, и развернулся на месте.

– Подожди!

Як остановился на ходу, обернулся, провел рукой по волосам и вопросительно посмотрел на меня.

– Да?

– Да нет, ничего...

Он снова развернулся. Пошел прочь. Поднял бутылку.

Я стояла как столб. Ждала, что он обернется. В последний раз взглянет на меня. Помашет. Кинется обратно. Поцелует меня – на этот раз по-настоящему. Я все еще помнила прикосновение его губ.

Но он лишь закурил, шагая вразвалку по Карлавеген. Потом повернул налево и исчез из виду.

Держа Жюльенну за руку, Фэй другой рукой толкала перед собой тележку в «Ика Карлаплан». Их кухарка уже два дня как болела, а ей хотелось порадовать Яка домашней едой. Своим знаменитым блюдом – спагетти болоньезе. Секрет заключался в сельдерее. И в трех сортах лука. А еще соус должен тушиться долго-долго.

Когда они были молоды и бедны, каждую неделю по понедельникам Фэй готовила целую кастрюлю, которой им обоим хватало до четверга. Размышляя об этом, она взяла красный лук, желтый лук, белый лук и сельдерей.

– Я хочу покатить тележку, – заявила Жюльенна.

– Справишься?

– Да-а, – протянула дочь, закатив глаза.

– Ну хорошо, моя дорогая.

Фэй передала ей ручку тележки, взъерошила волосы Жюльенны, на мгновение задержала на ней взгляд, стоя посреди супермаркета. Она так любила дочь – иногда казалось, что сердце вот-вот разорвется на части...

– Скажи, если будет тяжело, – сказала Фэй и пошла в сторону прилавка с заморозкой, чтобы взять мясной фарш.

Жюльенна тащила тележку за собой.

Они миновали пожилого мужчину, помогавшего женщине такого же возраста достать с полки консервную банку. Фэй не могла оторвать от них глаз. Он протянул банку женщине, которая стояла, тяжело облокотившись об роллатор. Она похлопала его по руке – в мерцающем свете потолочных ламп сверкнуло обручальное кольцо.

Фэй задалась вопросом, как долго они женаты. Разве не так и они с Яком будут когда-то относиться друг к другу? Она всегда ясно видела перед собой, как они, неразлучные всю жизнь, вместе стареют, вместе покрываются морщинами и слабеют. От этого образа будущего она никогда не откажется. Хотя у них с Яком сейчас непростой период, в конце концов все будет именно так. Если б она спросила эту пожилую пару, те наверняка тоже могли бы рассказать о трудностях, с которыми сталкивались в жизни. О трудностях, с которыми они справились...

Жюльенна подняла глаза.

– Мама, почему ты плачешь?

– Потому что это так мило...

Жюльенна растерянно огляделась.

– Что мило?

– Что он... эээ, ничего особенного.

Пожилая пара свернула в проход между полками и скрылась из глаз.

Взяв последнее необходимое, Фэй направилась к кассе. Жюльенна – за ней. Вечерние газеты обещали, что именно они разгадали загадку – как похудеть просто и быстро. Фэй взяла «Экспрессен» и еще раз проверила, что ничего не забыла. От соков она отказалась – и за три дня набрала то, что скинула. И еще немного.

Фэй выбрала ту кассу, за которой сидела молодая симпатичная девушка, работавшая быстро и эффективно. Какая-то женщина положила на ленту упаковку тампонов. В тот момент, когда кассирша считывала сканером штрих-код, Фэй сообразила, что у нее задержка. И весьма серьезная. Месячные должны были прийти две недели назад. Скорее всего, это вызвано диетой, однако она хотела знать точно.

Подошла их очередь.

– У вас есть... – Фэй покосилась на Жюльенну, которая была полностью поглощена маленьким пуделем у входа, – тест на беременность?

– Вон там, в автомате, – ответила кассирша, показывая рукой.

Вздохи и косые взгляды, когда Фэй вышла из очереди. Выбрав в автомате аптечные товары, она нашла тест на беременность. Жюльенна все еще разглядывала маленького пуделя. Фэй взяла две упаковки и вернулась на кассу.

– Четыреста восемьдесят девять крон, – сказала кассирша, просканировав тесты.

Фэй достала карту «Американ экспресс» и расплатилась.

– Простите, – проговорила она, – вы, случайно, не знаете... Макс в отпуске?

Кассирша приподняла брови. Кажется, она даже чуть заметно улыбнулась.

– Макса уволили. Говорят, он приставал к покупательницам.

– Понимаю, – пробормотала Фэй. – Спасибо.

И, крепко держа Жюльенну за руку, поспешила прочь из магазина.

Як добился, чтобы Макса уволили. В этом она не сомневалась. И это должно означать, что он все же равнодушен к ней? Несмотря ни на что?

Жюльенна, державшая в руках газету, прищурившись, разглядывала фото на первой странице.

Что произойдет, если выяснится, что она беременна? Как отреагирует Як? При первой встрече он сказал, что мечтает иметь

четырех детей. Но с тех пор, как появилась Жюльенна, не высказывал никакого интереса к этой теме. О детях даже не заходила речь. А сама она? Хочет ли еще ребенка? Да, конечно. Особенно сейчас. Маленькая сестричка или братик для Жюльенны помогли бы им с Яком снова сблизиться, так что закончилось бы то странное состояние, в котором они сейчас пребывали.

И Жюльенне было бы веселее иметь братика или сестричку. Они могли бы подружиться. Сама она всегда мечтала о сестре. О союзнице.

Фэй поспешно отогнала эти мысли. Она давно уже научилась держать их в узде, не давая пускаться вскачь. Бессмысленно думать о том, что от тебя не зависит.

* * *

Когда они вошли в квартиру, Жюльенна кинула газету и куртку прямо на пол. Фэй повесила свою куртку на крючок, внесла пакеты в кухню и начала доставать продукты. Уголком глаза она видела, как дочь вышла из своей комнаты с «Айпэдом» в руках и кинулась на диван, не снимая сапог.

– Сними обувь, прежде чем ложиться на диван! – сказал Фэй.

Ответа не последовало. Отставив сковородку, она отправилась в гостиную и принялась стаскивать с Жюльенны грязные и мокрые зимние сапоги.

– Не хочу!

Жюльенна стала дрыгать ногами в воздухе, задевая диван – грязь и глина попали на обивку. Проклятье, теперь ей придется срочно постирать и высушить чехлы, пока Як не вернулся домой... Глина попала и на ковер.

– Не хочу! Не хочу! Не хочу!

Жюльенна продолжала остервенело дрыгать ногами.

Фэй удалось снять сапоги, она стащила Жюльенну с дивана, но та тут же с криком кинулась обратно. Фэй пошла в кухню и вернулась с тряпкой. Может быть, ей удастся оттереть грязь, если поторопиться? На Жюльенну она не обращала внимания. С облегчением обнаружила, что бóльшую часть грязи удалось отчистить, и склонилась, пытаясь

отмыть ковер. Жюльенна дрыгнула ногой в ее сторону, и Фэй схватила ее за ногу.

– Так нельзя!

– Можно!

Изнутри поднималась тьма. И знакомая, и непривычная. Фэй тяжело сглотнула, сжала и разжала кулаки.

Должно быть, Жюльенна заметила перемену в настроении матери – всхлипывая, она изумленно уставилась на Фэй.

Последний раз проведя тряпкой по ковру, та поправила прядь волос и повернулась спиной к Жюльенне.

– Ты – толстая, – сказала дочь.

Фэй обернулась.

– Что ты сказала?

Жюльенна смотрела на нее с упрямым блеском в глазах.

– Толстуха, – проговорила она, указывая на мать маленькой ручкой. – Ты – толстуха.

Фэй шагнула к ней.

– Я вовсе не толстая. Так говорить нельзя!

– Ты – толстая. Так папа говорит!

– Папа сказал, что я толстая?

Голос не повиновался ей. Внезапно она растерялась, замерла посреди комнаты, не зная, что делать. Жюльенна поняла, что зашла слишком далеко, и снова заплакала.

Фэй поплелась прочь. Все вокруг вращалось. Она не понимала до конца, где находится. Слышала за спиной голос Жюльенны, которая, всхлипывая, звала ее.

Фэй заперлась в туалете. На несколько секунд прислонилась лбом к двери, чтобы остудить голову. Достала тест на беременность. Жюльенна стояла под дверью, колотилась в нее и кричала. Фэй спустила до колен брюки и трусы. Села на унитаз, открыв зубами упаковку. Держа полоску теста между ног, расслабилась, чтобы струйка мочи попала на полоску, не заботясь о том, что капли брызгают на пальцы. За дверью продолжала кричать Жюльенна.

Стокгольм, сентябрь 2001 года

Сидя в автобусе, я разглядывала машины, пронесившиеся мимо. Было жарко и душно. Водитель открыл люк на потолке, чтобы

впустить свежий воздух, но почти ничего не изменилось – лишь легкий сквозняк пробежал по плечу. На сиденье рядом со мной сидела крупная потная женщина с плачущим ребенком на коленях.

Проехали парк Хумлегорден. Здесь мы с Яком гуляли. В душе у меня события той августовской ночи проигрывались сотни и сотни раз.

С тех пор я хваталась за малейший повод отправиться в Чайнтаун – так Крис называла кварталы между Торгово-экономическим институтом и Северным реальным училищем – в надежде встретить Яка. Но он так и не появлялся.

Помимо этого, жизнь впервые стала веселой и увлекательной. Учеба давалась мне легко – впрочем, так было всегда. С того дня, как я пошла в первый класс, школа стала для меня заповедником – тем местом на земле, где я легко достигала успехов. Преподаватели не скупались на похвалу. Предметы были интересными и увлекательными и безумно мне нравились.

Почти все свободное время мы с Крис проводили вместе. Ни ей, ни мне не нужно было много зубрить. Крис – потому, что ее вполне устраивала оценка «удовлетворительно»; мне же потому, что я еще с малых лет легко могла запомнить любой текст, прочтя его пару раз.

Виктор, ранее игравший в моей жизни главную роль, теперь превратился в статиста. Даже самой себе я не могла до конца объяснить, что же изменилось, но после встречи с Яком мои чувства к Виктору остыли. Я стала отдаляться от него. Придумывала несуществующие контрольные и зачеты, чтобы объяснить, почему у меня нет времени встречаться с ним. Не снимала трубку, когда он звонил, и порой не перезванивала ему дня два-три. Мой запланированный переезд к нему в квартиру я откладывала и тормозила, пока он не перестал заводить об этом речь.

Моя холодность подействовала на Виктора, сделав его неуверенным и сентиментальным. Он все больше старался, назойливо окружал заботами; я же становилась все холоднее. Наши отношения явно сходили на нет, но он цеплялся за меня, как утопающий за соломинку. Названивал мне днем и ночью, осыпал меня подарками и знаками внимания, постоянно спрашивал, где я и чем занимаюсь. Неожиданно начал интересоваться моим прошлым, моей семьей, моей жизнью до него. Я отказывалась отвечать. Да и что я могла бы рассказать? Но моя замкнутость, нежелание рассказывать о себе

толкали его на все более отчаянные попытки. Словно я стала шифром, который Виктор пытался разгадать. Казалось, он всерьез надеялся, что я снова полюблю его – стоит только ему разгадать мою тайну.

Самое ужасное – то, что с Виктором все было в порядке. Он был красивый, добрый, нацеленный на успех. Обращался со мной как с принцессой. Проявлял преданность и надежность – редкие качества в стокгольмских джунглях.

Однако он не был Яком Адельхеймом. И я все отчетливее понимала, что мне придется с ним расстаться. Но все же оттягивала этот момент. Впрочем, дальше откладывать уже было невозможно.

Когда автобус остановился у парка Тессина, я не испытывала ни малейшего сомнения. Тяжело будет причинить ему боль, но с этим пора заканчивать.

– Простите, я выхожу, – сказала я.

Женщина с ребенком тяжело поднялась, пропуская меня. Вид у нее был усталый и подавленный. Под узкой футболкой виднелись валики жира по бокам, свисавшие на пояс джинсов. Мальчишка пускал слюни. Зеленые сопли висели на носу, как гроздь винограда. Боже мой... Я никогда не стану такой. Мой ребенок всегда будет идеальным. Мой ребенок от Яка... Я вздрогнула и покраснела, стыдясь своих мечтаний. Однако все мои мечты теперь были о Яке. И во сне, и наяву. Для Виктора просто не оставалось места.

Двери автобуса зашипели, распахнулись, в глаза мне брызнул солнечный свет. Виктор ждал меня, как обычно, в центре парка. Я представила себе, как он в прекрасном настроении заходит в ворота – в уверенности, что мы пойдем есть пиццу. А затем двинем домой, посмотрим фильм, займемся сексом и заснем вместе. Между тем этому не суждено сбыться.

Умом я жалела его, но не испытывала никаких чувств. Тоска по Яку заслоняла все, и я становилась равнодушной. К тому же поведение Виктора все больше стало раздражать меня. Он вырос в благоприятной атмосфере, ему все далось легко. Поначалу я запала на его наивность, но теперь она вызывала у меня лишь досаду. Он ничего не знал о жизни, о которой я, увы, знала слишком много. Виктор понятия не имеет, кто я. Вернее, что я из себя представляю.

Он был в джинсовой рубашке и светлых брюках-чинос. Широко улыбнулся мне, наклонился вперед и чмокнул меня в щеку.

– Я скучал по тебе, – сказал, обнимая меня за талию. – Ты слишком серьезно относишься к учебе. Куда пойдём? В «Вальхаллу» или в «Теодорас»?

– Нам нужно поговорить, – сказала я. – Пойдем сядем.

Потянула его за собой к зеленой скамейке. Виктор обернулся ко мне и снял солнечные очки. Медленно сложил их, убрал в карман рубашки. Глаза его беспокойно забегали.

– Что-нибудь случилось? С тобой всё в порядке? – спросил он, делая вид, что не понимает, что я собираюсь сказать.

Неподалеку от нас группа местных алкашей играла в петанк^[9]. До нас доносились их веселые хриплые голоса.

– Я больше не хочу быть с тобой. Между нами все кончено.

Я и сама слышала, как холодно прозвучал мой голос. Сделала над собой усилие, чтобы казаться расстроенной. Виктор смотрел перед собой пустым взглядом.

– Понятно... Я что-то сделал не так?

Он ерзал на скамейке, избегая моего взгляда. Сглотнул, потом еще раз.

– Нет. Ты ни в чем не виноват.

Мне трудно было смотреть ему в глаза – я боялась, что он заметит мое презрение, поэтому стала следить за матчем по петанку. Из-за алкоголя, гулявшего в крови участников, шары попадали то туда, то сюда, но мужики все равно радовались и ликовали. Позади алкашей споткнулась и упала на дорожке какая-то девочка. Ее мама подбежала к ней. Обтерла грязные окровавленные коленки, взяла ее на руки, обняла.

– Я могу что-то изменить? Может быть, тебе просто нужно время...

Голос звучал глухо. До него начали доходить мои слова, и он был близок к тому, чтобы заплакать. Я огляделась. Если Виктор расплачется, я встану и уйду. Не выношу, когда кто-то плачет. План по слезам у меня перевыполнен на всю оставшуюся жизнь.

– Нет. Мне очень жаль, но я больше не влюблена в тебя.

– Но я-то влюблен в тебя! Ты – самое лучшее, что у меня есть. Самый прекрасный человек, которого я встречал...

Виктор положил руку поверх моей ладони. Гладил, массировал, словно это могло заставить меня изменить свое решение. Словно меня,

а не его надо было утешать.

Большая проблема большинства людей, как я поняла, состоит в том, что они перекалывают свои печали на других. Хотят ими поделиться. Они верят, что мы все автоматически грустим по поводу одних и тех же ситуаций – только потому, что у нас похожие ДНК. Но горе не становится легче от того, что ты им поделился. Напротив, оно становится еще тяжелее. А Виктор и понятия не имеет, что такое настоящая беда.

– О'кей, я понял, – проговорил он, кивая. – Но могу я попросить тебя пойти со мной ко мне домой, чтобы мы могли поговорить обо всем в спокойной обстановке? Мне так невыносимо сидеть тут у всех на глазах... Подари мне последний вечер. Только один. Потом я исчезну из твоей жизни – уйду без всяких протестов. Пожалуйста!

Он так крепко сжал мою руку, что мне стало больно. Я знала, что мне следовало бы сказать «нет». Все равно один вечер его не утешит. Однако это был самый простой выход из сложившейся ситуации, и я решила воспользоваться им.

Пока мы шли до его квартиры, я успела много раз пожалеть об этом – но, может быть, разрыв пройдет легче, если дать ему выговориться? Вместе с тем мне хотелось оттянуть неприятный разговор – сил не было выслушивать его упрёки и заверения в любви. Ему нужен был ответ, а я не могла ему ничего дать. Знала только одно: мое сердце принадлежит другому, я должна идти дальше.

Чтобы выиграть время, я предложила сходить за пиццей, подозревая, что впереди долгий вечер и мы оба успеем проголодаться. Виктор не ответил мне. Молча сидел на кровати, уныло опустив плечи.

– Скоро вернусь, – сказала я, избегая смотреть в его глядящие на меня с упреком глаза.

Достав из сумочки бумажник, закрыла за собой входную дверь. Подумала: «Один вечер я ему подарю. А потом – свободна».

Двадцать минут спустя я вернулась. Виктор поглядел на меня странным взглядом, когда я поставила коробки с пиццей на стол в его однокомнатной квартирке. Почти с триумфом. Он по-прежнему сидел на незастеленной кровати, а рядом лежал предмет, который я узнала. Сердце замерло в груди. Мой дневник. Виктор рылся в моей сумочке. Тут же лежал и мой блокнот – тот, в который я записывала лекции и

который в последнее время заполнился наивными рисунками. Имя Яка – в сердечке. Мое имя с его фамилией. Глупо. Нелепо.

Но в глазах Виктора все это было вовсе не нелепо.

– Теперь я знаю, кто ты на самом деле, – спокойно проговорил он.

Голос звучал невыразительно и глухо. Словно что-то в нем сломалось.

– Я знаю, кто ты такая. Вопрос в том, знает ли *он*...

Слово «он» прозвучало как угроза. Меня охватила паника. Никто не должен об этом узнать. В дневнике – моя прошлая жизнь. Правда, которая изменит все. На меня будут бросать те же взгляды, как когда я была Матильдой. Меня ждет то же унижение. Никто не должен снова смотреть на меня такими глазами. Особенно Як.

– Ты изменила мне. Переспала с Яком Адельхеймом. У меня есть полное право все рассказать ему. Он знает о нас? О том, что у тебя есть парень?

Я прекрасно понимала, что бессмысленно пытаться что-либо объяснить. Не имело значения, что мы с Яком не переспали, что между нами ничего не было, кроме мимолетного поцелуя.

Виктор напоминал раненое животное; глаза у него почернели от ненависти и отчаяния. Я поняла, что он способен на все, лишь бы вернуть меня – или отомстить. Заставить меня почувствовать ту же боль, которая сейчас разрывает его на части. Он расскажет правду обо мне – не только Яку, но и всему миру. И тогда моя новая жизнь под именем Фэй закончится. Все рухнет.

Паника в душе вдруг сменилась хорошо знакомой ледяной холодностью. По всему телу разлилось удивительное спокойствие – я вдруг осознала, что никаких вариантов нет. Виктор просто не должен мне помешать.

Встретившись с ним глазами, я испытала лишь ненависть. Как дорого я заплатила, чтобы добиться того, чего добилась, – а теперь он осмеливается судить меня! Что он знает о той боли, которую мне пришлось пережить, о тех поступках, которые я вынуждена была совершить, о тех видениях, с которыми я обречена жить до конца своих дней!

Но все это я предпочла придержать при себе. Мужчины устроены примитивно. Ими легко манипулировать – и Виктор вовсе не исключение. Мне удавалось это раньше, смогу и сейчас.

Я уселась рядом с ним. Взяла его руку. Заговорила с теплом в голосе, глядя его по спине. И почувствовала, как он невольно расслабился.

– Поступай, как знаешь. Я понимаю тебя. Понимаю, что ты расстроен и обижен. Но я не изменяла тебе с Яком и не хочу, чтобы мы расстались врагами. Мы сделаем так, как ты хотел. Проведем вместе последний вечер. Даже целую ночь. И утро. А потом делай, как считаешь нужным. Сделай мне больно, если хочешь. Расскажи все Яку. Это твое право. Но я хочу, чтобы мы провели вместе последнюю ночь.

Я почувствовала, как Виктор смягчился. Ему так хотелось поверить мне... Мог ли он отказаться от последнего шанса побыть со мной? Я знала его. Разбиралась в мужчинах.

Мы поужинали пиццей и открыли две бутылки вина. Я только пригубила из своего бокала, почти все выпил Виктор. Мы занялись сексом на диване. Он взял меня грубо и брутально. Я не стала противиться. Зажмурившись, думала о Яке. Вызывала его лицо перед своим внутренним взором, заставляла себя отделиться от тела, пока Виктор, всхлипывая, совершал во мне толчки. Потом он повернулся ко мне спиной. Я встала и пошла подмыться. Морщась от боли, попыталась как можно осторожнее вытереться полотенцем. Когда я вернулась в комнату, он спал беспробудным сном.

Выйдя на маленький балкончик, я закурила. Огни города мерцали в полумраке, до меня доносились голоса и музыка. Докурив, я зажгла еще одну сигарету. Зашла к Виктору, который спал с открытым ртом, похрапывая во сне. Я потрогала его за плечо. Никакой реакции. От вина и переживаний он совершенно отключился. Положив сигарету на кровать, я постояла, желая убедиться, что дешевое постельное белье загорелось. Поначалу оно только тлело. Потом появились язычки пламени.

Ледяное спокойствие, которое я испытывала до того, улетучилось. Меня охватила паника, в висках застучало. Повернувшись спиной к огню, я кинулась к входной двери. Когда захлопнула ее за собой, и кровать, и занавески уже пылали.

Выбежав на улицу, я почувствовала, что меня сейчас вырвет. Улыбающиеся люди, бредущие мне навстречу, подходили слишком близко, разговаривали слишком громко. Я крепко вцепилась в сумочку. Дневник снова был в надежном месте. А я – по-прежнему свободна.

Тест на беременность оказался положительным. В животе у Фэй поселился зародыш. Новый человечек: наполовину – она, наполовину – Як. Он всегда мечтал о сыне. Может быть, у нее получится подарить ему наследника?

Сидя за кухонным столом, Фэй провела рукой по животу. Осознала, что ничего не ела уже несколько часов. Приготовленный ею мясной фарш с соусом стоял на плите нетронутый, поскольку Як пока не появлялся. Теперь ничто не мешает ей есть. Ребенку нужны питательные вещества, чтобы расти. Фэй поднялась и подошла к плите. Тронула пальцем соус и почувствовала, что тот все еще теплый. Положила себе спагетти, залила соусом и съела всю порцию, стоя у кухонного островка. Вкус показался ей божественным. Закрыв глаза, она жевала, ощущая, как приятное тепло сладко распространяется по всему телу. Так чудесно было наконец поесть, что слезы навернулись на глаза.

О весе она подумает, когда малыш родится. Сейчас ее важнейшая задача – есть за двоих.

Как и в прошлый раз, она вернется к тренировкам сразу после родов, но при этом будет следовать строгой диете, когда отлучит ребенка от груди. Она не замкнется на ребенке – будет отдавать предпочтение Яку и их отношениям. И сын ознаменует собой новое начало – для их брака, для нее как для женщины и жены.

Положив себе еще одну порцию, Фэй понесла тарелку к столу.

Час спустя дверь открылась, и она почувствовала, как защекотало в животе от сладкого предчувствия. Окликнула Яка, и тот заглянул в кухню. Скоро озабоченная морщинка между его бровей разгладится.

– Дорогой, у меня для тебя потрясающая новость, – сказала Фэй. – Иди сюда, сядь со мной.

Як вздохнул.

– Я устал. Твоя новость не может подождать, пока...

– Нет, иди сюда.

Фэй не могла ждать ни секунды.

Як приподнял бровь, но присел за кухонный стол. Она знала, что осчастливит его своим сообщением, поэтому проигнорировала его напряженное выражение лица.

– Так что? – спросил он.

Фэй улыбнулась ему.

– Дорогой, я беременна. У нас будет еще один ребенок.

Выражение его лица не изменилось.

– Возможно, это мальчик, – продолжала Фэй. – Ты всегда мечтал о сыне.

Провела рукой по животу и улыбнулась. Он всегда любил ее улыбку – говорил, что она такая заразительная... Но сейчас лишь устало провел ладонью по лицу.

– Что такое? – спросила Фэй.

В горле снова встал ком.

– Сейчас неподходящий момент, Фэй. Я не хочу больше детей.

– Что ты хочешь этим сказать?

Что с ним такое? Почему он не рад?

– Мне кажется, Жюльенны вполне достаточно.

– Но...

Голос изменил ей. Она смотрела на Яка – и не узнавала его взгляда.

– Не получится. Мне очень жаль, но тебе придется... сама понимаешь...

Фэй встряхнула головой.

– Ты хочешь... ты хочешь, чтобы я сделала аборт?

Як кивнул.

– Само собой, это неприятно, но другого выхода нет.

Ей хотелось кинуться на него, встряхнуть его за плечи. Но она понимала, что сама во всем виновата. Застигла его врасплох, не дала ему привыкнуть к этой мысли...

Як поднялся.

– Все хорошо? – спросил он.

Фэй сглотнула ком в горле. Он с утра до ночи убивается ради нее и Жюльенны. Чего она еще может требовать?

– Да, я понимаю, – пробормотала она.

Лицо Яка смягчилось. Наклонившись, он чмокнул ее в лоб и сказал:

– Пойду лягу.

По дороге в спальню обернулся.

– Завтра позвоню своему врачу – надо сделать это как можно быстрее.

Дверь спальни закрылась, и Фэй вскочила. Побежала в туалет, сорвала крышку. Спагетти и соус с мясным фаршем хлынули наружу, смешиваясь с резким вкусом желчи. Спустив за собой, она припала головой к холодному фарфору и разрыдалась.

Стокгольм/Барселона, сентябрь 2001 года

Почти сутки я проспала мертвецким сном, когда меня разбудил резкий телефонный сигнал. Это был Аксель. Когда я услышала его надломленный голос, когда он рассказал, как Виктор погиб, заснув в постели с зажженной сигаретой, из глаз у меня потекли слезы. Я громко всхлипывала, дрожа всем телом.

Я вынуждена была сделать то, что сделала, выбора у меня не было, но цена оказалась высока. Цена всегда высока.

После разговора с Акселем я долго лежала в постели, подтянув колени к груди, сосредоточившись на дыхании. Вдох-выдох.

В ушах у меня все еще звенели слова Виктора: «Я знаю, кто ты. Вопрос в том, знает ли он...» Виктор ни за что не согласился бы молчать. Если б он остался жить, Фэй пришлось бы умереть.

* * *

Несколько дней спустя за окном упали большие капли дождя. Они освежили воздух, смыли удушливую жару, нависшую над Стокгольмом.

Крис уехала. Ее родители пригласили ее поехать вместе с ними в их квартиру на Мальорке, а я опять осталась в Стокгольме абсолютно одна. Когда послала ей краткую эсэмэску о смерти Виктора, она предложила прилететь домой, но я заверила ее, что со мной всё в порядке.

Я с головой ушла в микро– и макроэкономику, статистику и финансовый анализ. Единственным делом моей жизни стала учеба. Быть успешной, стать лучше всех. Все зависело только от меня, за меня никто учиться не будет. А я уже приняла решение. Я создам для себя иную жизнь. Открою собственную фирму, буду ездить только бизнес-классом, зарабатывать больше, чем мне нужно, выйду замуж за красивого мужчину (Яка), заведу красивых воспитанных детей, буду

иметь дома и квартиры в разных интересных местах, о которых только читала или видела их в кино. Я хочу всего. И я всего добьюсь.

Зазвонил телефон, лежавший у кровати на зарядке. Скорее всего – Крис, которой не терпится рассказать о своих похождениях в Испании. Я улеглась на кровать и посмотрела на дисплей, прежде чем ответить. Неизвестный номер.

– Да, алло!

– Привет!

– Кто это? – спросила я, хотя мгновенно узнала этот голос.

– Это Як. Як Адельхейм.

Я закрыла глаза. Не желала выдавать свои эмоции.

– А, привет... – проговорила я.

– Помешал?

Голос у него звучал радостно и возбужденно. На заднем фоне слышалась музыка.

– Да нет, не очень. Ну, рассказывай.

Я изо всех сил старалась говорить небрежно. Перекатилась на спину.

– Хотел спросить, не хочешь ли ты куда-нибудь поехать. Прямо сегодня вечером. Мне надо отдохнуть от Хенрика.

– Хорошо. В каком баре увидимся?

– В баре? Нет, я имел в виду, что мы куда-нибудь поедем.

Я рассмеялась. Он спятил.

– Поедем?

– Да, на несколько дней. Вернемся в воскресенье. Кинь в чемодан пару платьев и давай встретимся на Центральном вокзале – поедем в Барселону.

– О'кей.

Я заметила, что затаила дыхание.

– Так ты готова со мной поехать? – удивленно спросил Як.

– Да.

– Тогда встречаемся через тридцать минут.

Я положила трубку, все еще до конца не понимая, на что согласилась. Потом вскочила с постели и принялась собираться.

* * *

Когда самолет приземлился, мы были изрядно захмелевшие. Пить начали еще в Арланде и на всем пути над Европой продолжали вливать в себя напитки. После недолгого ожидания в очереди сели в такси. Я все время хихикала, меня покачивало – я остро ощущала, как кровь несется по жилам, заполняя каждую венку, каждый капилляр.

– *Hotel Catalonia, por favor,* – сказал Як, когда мы уселись на заднее сиденье. – *Esta en el Born, lo conoce usted?*^[10]

Машина рванула с места, и в ту же секунду я ощутила ладонь Яка у себя на бедре. Его прикосновение буквально обожгло меня.

– А я и не знала, что ты говоришь по-испански.

– Ты еще многого обо мне не знаешь, – усмехнулся он и подмигнул мне.

Его рука плавно скользнула выше, и вся кровь во мне устремилась по жилам к низу живота.

– А что это за отель?

– Ты не будешь разочарована.

Я улыбнулась и отвернулась. Как я могу разочароваться в Яке?

Темная сентябрьская ночь была жаркой и влажной. Легко одетые люди толпами бродили по улицам в поисках прохлады, ужина и общения. Опустив стекло, я наслаждалась потоком свежего воздуха, бывшего мне в лицо. Мне надо было охладиться.

До этого момента я никогда не бывала дальше Дании, куда мы с семьей однажды ездили в отпуск на машине. Тогда наш отпуск резко оборвался. Но об этом мне сейчас вспоминать не хотелось. Ветер, дувший в лицо, уносил воспоминания – я внушала себе, что заменю их новыми. Каждая клеточка тела обновляется, заменяется; значит, и с воспоминаниями может произойти то же самое.

– Я люблю этот город. Скоро ты сама почувствуешь, как тут легко дышится, – сказал Як и закрыл глаза. Его длинные темные ресницы веером легли на щеки.

– Ты бывал здесь раньше?

Он снова посмотрел на меня. Уличные фонари и неоновые вывески мерцали, отражаясь в его голубых глазах.

– Дважды.

Мне хотелось спросить, что это были за поездки – такие же, как эта? Приходилось ли ему сидеть в других такси с невысказанными обещаниями в воздухе, положив руку на бедро другим женщинам?

Может, у Яка Адельхейма это стандартный прием? И он просто следует своему обычному алгоритму соблазнения? Однако это не имело значения. Трое суток в этом городе с Яком – настолько увлекательно, что я точно не намерена тратить время на бессмысленную ревность. Сейчас я здесь. И рука Яка лежит на моем бедре.

Мы свернули на бульвар, постояли у светофора, пережидая красный, а потом въехали в красивый квартал. Улочки стали теснее. Под шинами машины ощущалась булыжная мостовая. Мы остановились, пропуская встречную машину. Под мышками стало липко от пота, но я решила не обращать на это внимания – закрыла глаза, наслаждаясь звуками. Смех, звон приборов, разговоры и музыка. Повсюду – бары, рестораны, кафе. Сладкий запах марихуаны.

Мне хотелось взять Яка за руку, крепко сжать ее, посмотреть ему в глаза и сказать ему, какой он замечательный, как я рада оказаться здесь с ним. Но я твердо решила не проявлять инициативы, ничего от него не требовать.

– Вот мы и приехали, – объявил Як.

Белый фасад со стеклянными дверями. Над ними – вывеска, где большими буквами написано название отеля – «Каталония Борн». Юный портье поспешил к нам, обогнул машину и открыл мне дверь.

– *Gracias*^[11], – сказала я и улыбнулась ему. Сразу затосковала по теплой руке Яка, едва поднявшись, чтобы выбраться из машины.

– Ты уже кое-что усвоила, – крикнул мне тот, расплачиваясь за такси.

Портье взял наши сумки, мы зашли в холл, и Як заговорил с администратором на ломаном испанском, переходя на английский, когда пропасть непонимания становилась непреодолимой. Мы заполнили анкеты и сдали свои паспорта. Зажужжал ксерокс – и нам их снова вернули.

– Ну вот, теперь всё в порядке, – сказал Як.

Администратор подозвал ожидавшего портье, и мы последовали за ним в лифт, который привез нас на пятый этаж. Когда я вошла в номер, оказалось, что Як заказал нам люкс. Никогда в жизни я не видела ничего подобного.

– Невероятно! – выдохнула я, и все мои намерения изобразить человека искушенного в одно мгновение рассеялись. – Боже мой, здесь

поместилось бы десять таких квартир, как у меня!

Посреди огромной гостиной монументально возвышался роскошный диван с двумя креслами перед плоским телевизором. Рядом стоял сервировочный столик с разнообразными напитками. Вместо наружной стены – огромные панорамные окна с видом на город.

Откинув плотные портьеры, за которыми скрывалась дверь на террасу, я открыла ее и вышла наружу. Жара сменилась нежным приятным теплом. Подо мной мигали огни города. Отовсюду доносились запахи и звуки. Где-то играла гитара. Темное и бескрайнее море обнимало узкую полосу пляжа.

– Что скажешь? – спросил Як.

Он встал позади меня, обнял и положил голову мне на плечо.

– Даже не знаю, что сказать, – ответила я и повернулась к нему, взглянув ему в глаза. Более всего мне хотелось кинуться на него, поцеловать, сорвать с нас одежду, затолкать его в джакузи, сесть сверху, почувствовать его в себе...

– Владелец отеля – мой знакомый, – пояснил Як. Он прошел мимо меня, потрогал воду.

– Швед?

– Да. Мы будем жить тут бесплатно.

– Ты шутишь?

– Насчет денег я никогда не шучу, – ответил Як. – Пойдем поужинаем?

* * *

Выйдя из отеля, мы свернули налево. Каблук у меня застрял между камнями булыжной мостовой, я покачнулась. Як удержал меня, схватив за руку. В номере я успела поправить макияж, сменить белье и надеть черную юбку. Я чувствовала себя красивой. И мне не приходилось сомневаться, что Як хочет меня. Он все время бросал на меня жадные взгляды. Мне хотелось предложить наплевать на ужин, остаться в номере и трахаться до потери пульса, но тянуло хоть одним глазком увидеть город.

На каждом углу стояли группы людей. Хриплый смех эхом отдавался в узких улочках. К нам подошел какой-то мужчина с темными глазами, в футбольной майке.

– Гашиш?

Як стал выяснять цену. Мужчина говорил, размахивая руками. Сделка провернулась быстро – Як протянул ему несколько купюр и получил взамен маленький пакетик. Развернув его, извлек коричневый комочек.

– Понюхай.

Закрыв глаза, я втянула носом сладкий запах. Раньше я никогда не пробовала ни марихуаны, ни чего-либо другого, что было бы крепче алкоголя и сигарет. Но здесь, в Барселоне, вместе с Яком, это казалось совершенно естественным. Як сам был как наркотик, и мне хотелось попробовать все на свете наркотики.

Аккуратно завернув бумажку, он спрятал пакетик в карман. Музыка зазвучала громче – мы оказались на небольшой площади. Вдоль фасадов теснились столы и стулья. Люди курили, пили и ели.

– Здесь? – спросил Як, указывая рукой.

– Давай, – ответила я, слишком поглощенная окружающей атмосферой, чтобы принимать решение, где именно мы будем ужинать.

Уселись за столик. К нам подошел официант с белой рубашке с бабочкой, и Як заказал нам тапас, себе – пива, а мне – мохито.

Вскоре нам принесли напитки. Подавшись вперед, Як взял веточку мяты из моего бокала и положил в рот.

– В чем твой секрет, Фэй?

– О чем ты?

– В тебе есть всё. Ты красивая, пьешь, как мужик, тебя считают самой умной на курсе. Хенрик поговаривает о том, чтобы сделать тебя акционером нашего предприятия. Должны же у тебя быть какие-то недостатки... Может быть, ты на самом деле мужчина? Или у тебя косолапость?

Он опустил голову, делая вид, что заглядывает под стол. Смеясь, я толкнула его ногой под столом. Столик покачнулся, и Як тоже расхохотался.

– И потом, с тобой весело, – продолжал он. – Тебе здесь нравится?

Внезапная перемена в лице. Серьезность и даже некоторая неуверенность. Голубые глаза смотрели прямо на меня, проникая в душу. Я задрожала, отвела глаза. Не хотела показывать, что влюблена в него до безумия. Таким мужчинам, как Як, важно бороться за победу, охотиться на дичь, иначе они утратят интерес.

Я понимала: нельзя допустить, чтобы он узнал о Матильде. Но с этим проблем не вознет. Воспоминания о прошлом бледнели с каждым днем. Только Себастиан приходил ко мне порой во сне. Но это случалось все реже и реже.

– Город хорош, а вот компания могла бы быть и получше, – сказала я, дерзко глядя на него.

– Вот так?

Вертя в руках бокал с пивом, Як ухмыльнулся, глядя на меня.

– Кстати, что там у тебя с твоим бойфрендом? – спросил он.

Перед глазами у меня возник образ Виктора, крепко спящего в горячей постели.

– С ним все кончено, – коротко бросила я.

Як не встречался с ним, не знал деталей, а я не собиралась посвящать его в это.

Свет стеариновых свечей отражался в глазах Яка.

Официант поставил перед нами тарелку с вяленой бужениной и треугольниками сыра. Я взяла кусочек буженины. На ощупь она показалась мне неприятной, но во рту буквально таяла.

– Мне здесь нравится. Я никогда раньше не бывала в Испании.

– А где ты бывала?

– В Дании. Во Фьельбаке.

– Ты оттуда родом?

– Да. Из Фьельбаки, не из Дании.

Я вспомнила поездку в Данию, в «Леголэнд», которая предсказуемо закончилась катастрофой.

– И как там?

– Полная противоположность тому, что здесь, – ответила я, сделав жест в сторону площади. – Пустынные улицы. Единственное заведение, куда можно пойти, если хочешь сходить в ресторан. Все обо всех всё знают.

– А твои родители живут там до сих пор? Есть у тебя братья-сестры?

Не сводя с меня глаз, Як потянулся за кусочком буженины.

Перед глазами встало лицо Себастиана – разбитое до крови в тот ужасный вечер.

Я несколько раз сглотнула.

– Мои родители умерли. Я – единственный ребенок.

Появился официант с нашей едой. Дольки картофеля, креветки с чесноком в оливковом масле, фрикадельки в томатном соусе.

Я поднесла ко рту бокал. Ром обжигал горло. Мохито тут забористый. Не такой, как дорогие, но скупно составленные коктейли на площади Стюреплан. Я почувствовала себя неуютно. Усилием воли попыталась вернуть себе контроль за выражением лица, однако все выпитое по пути от Стокгольма не слишком облегчало эту задачу. Желая выиграть время, я закурила.

– Я хотел бы как-нибудь туда поехать.

Як не стал спрашивать про все остальное. За это я полюбила его еще больше.

– Да нет, туда тебе ехать не захочется.

– Захочется. Я люблю новые места. Никогда не устаю открывать для себя новые места.

«И новых женщин», – подумала я, но ничего не сказала.

– У меня есть друзья, которые ездили летом отдыхать в Фьельбаку. Говорят, там очень здорово, – проговорил он, собирая кусочком белого хлеба оливковое масло на тарелке.

– Як, а в чем *твой* секрет? – спросила я, желая сменить тему. Отпила еще мохито, чувствуя, как звезды на ночном небе спускаются все ближе.

– Мой папа – алкоголик и игроман, – быстро ответил он. Оторвал еще кусочек хлеба и опустил в масло с чесноком. – Настоящий лузер, спустивший бóльшую часть наследства. Позор семьи. Но отнять у меня мою фамилию он не мог. И она открывает мне многие двери. Однако это не его заслуга. Мне следует благодарить за это других родственников и предков.

– Об этом я и понятия не имела.

– Да. Не могу сказать, что мне хотелось бы написать это на своей визитной карточке. Об этом вообще мало кто знает. Когда меня спрашивают, я отвечаю, что он живет за границей. Так проще. Но в

высших кругах в Стокгольме это ни для кого не секрет. Моего папашу все знают.

– А мама?

– Вышла замуж за другого. Ее новый муж – тоже порядочная скотина, но по крайней мере скотина трезвая. Не умеет она выбирать мужчин. Возможно, так и выходит, если смотреть только на то, сколько у них денег. Они живут в Швейцарии. С шестнадцати лет я живу один. Мой дядя Карл позволил мне жить в одной из его квартир и выделял мне определенную сумму в месяц на еду и коммунальные платежи с условием, что я буду учиться.

– А братья-сестры?

– Нет. Я – единственный ребенок, как и ты.

Як провел рукой по волосам, но челка тут же снова упала на лоб. Какой-то мужчина продавал алые розы, переходя от одного стола к другому. Когда он подошел к нам, Як покачал головой, и продавец пошел дальше.

– С тобой легко общаться, – проговорил Як. – Я рассказываю тебе такое, что обычно никому не рассказываю.

– Забавно. Я ощущаю то же самое. Интересно, с чем это связано...

Едва произнеся эти слова, я осознала, что это ложь. Так многого я не рассказываю Яку...

– Возможно, дело в том, что мы с тобой похожи. – Он закурил и затянулся. – Другие и не замечают, как мы с тобой одиноки.

Меня поразило, что Як считает себя одиноким. Я всегда видела его в окружении людей.

– А какие мы? – с любопытством спросила я. От мысли, что он считает нас похожими, у меня закружилась голова.

– Нам нравятся другие люди – но до определенной степени. Мы видим их насквозь. Притворяемся. Делаем вид, что мы как они, что мы довольны. Но на самом деле...

Он замолчал, пристально глядя на меня.

– Фэй, в душе ты – романтик. Ты думаешь, что это незаметно со стороны. Изображаешь небрежность, равнодушие. Но на самом деле ты мечтаешь, чтобы жизнь стала богаче, красивее. Тебя не устроит обычная жизнь среднестатистического шведа. Ты хочешь подняться на вершину, завоевать весь мир. У тебя есть амбиции. Именно поэтому ты

не пожелала остаться в Фьельбаке, а переехала в Стокгольм. И поэтому мы тянемся друг к другу. Мы похожи. Мы оба голодные. Но у тебя есть один минус, который стоит на пути завоевания мира. Ты – женщина. А это мужской мир.

Мне хотелось возразить, сказать ему, что он ошибается. Но в глубине души я поверила его словам. Так что, сглотнув, попросту кивнула. Открыла было рот, чтобы ответить, но меня прервал официант, принесший новые блюда. Скоро весь наш стол заполнился тарелками. Каламарес, шампиньоны во фритюре, паэлья, баранья колбаса и айоли. Мой пустой бокал с напитком сменился большим бокалом красного вина, а Яку принесли новое пиво. Мы накинулись на деликатесы, и я осознала, что не смотрела на часы с тех пор, как покинула свою квартиру.

Покончив с едой, мы еще долго сидели в уютном ресторанчике. Пили вино и пиво, разговаривали. С каждой секундой я все больше теряла голову. От вина и обилия впечатлений все кружилось перед глазами. Все тело отяжелело от еды и наслаждения. Никогда еще я не бывала так счастлива. Звезды с неба перебрались в грудь.

Затянувшись сигаретой, я смотрела, как дым поднимается к ночному небу.

– Завтра пойдем на пляж, – предложил Як. – Или ты предпочтешь бассейн на крыше отеля?

– Посмотрим, как пойдет.

Выбирать я была не в состоянии. Мне хотелось всего и сразу.

– Ты права. Не будем загадывать.

Расплатившись, он повел меня обратно в отель. Теперь в узеньких улочках попадалось гораздо меньше народу. Я специально спотыкалась на булыжной мостовой, чтобы иметь основания опираться о Яка.

Когда мы вошли в наш номер-люкс, я вдруг вспомнила, что еще не видела спальню. Распахнув дверь, повернула диммер. Как и в гостиной, здесь было панорамное окно во всю стену. Везде – произведения современного искусства. Два больших кожаных кресла и гигантская кровать. А перед окном стояла старинная ванна на позолоченных львиных ножках.

– Як! – крикнула я. – Смотри, у нас в спальне ванна!

Он встал у меня за спиной.

– Знаю. Когда-нибудь и у меня тоже будет такая.

– И у меня, – сказала я.

– Отлично. Значит, договорились.

– О чем?

– О том, как мы обустроим наш дом.

Я сделала вид, что не услышала. Пока я знала его недостаточно хорошо, чтобы понять его игру. Трудно было определить, что он говорит в шутку, а что всерьез. А я не из тех наивных девчонок из привилегированных слоев, выросших за высоким забором, которые убеждены, что манеж всегда расчищен. Я знала, что жизнь – не сказка со счастливым концом. Но в данный момент она более всего походила на сказку. Для такого неизбалованного человека, как я, это уже немало значило.

Подойдя к ванне, я включила кран и потрогала воду.

– Давай опробуем.

– Сейчас?

– Да.

Отвернувшись от него, я стянула через голову маечку, расстегнула юбку, которая упала на пол у моих ног. Туфельки пока оставила. Спиной я ощущала его взгляд и наслаждалась тем, что он – в моей власти. Медленно расстегнула лифчик и сняла трусики. Потом сбросила туфли, оставшись совершенно голой. В окне я видела его отражение – он остолбенел. Сейчас контроль за ситуацией был в моих руках.

Як сел на кровать, не сводя с меня глаз, начал снимать с себя ботинки и брюки. Я наслаждалась тем, что он принадлежит мне. Он – мой.

– Ты идешь или тебе помочь?

– Пожалуй, мне надо помочь.

Я медленно обернулась. Почувствовала, как вино бросилось мне в голову. Шагнула к нему, стянула с него футболку и брюки. У него было великолепное тело. Мускулистое, загорелое. На груди и плечах проступали рельефные мышцы. Я встала перед ним. Глядя ему в глаза, опустила на колени. Он наклонился вперед, чтобы поцеловать меня, но я отвела его голову и взялась за трусы. Як приподнялся, чтобы дать стащить мне их с него. Его член указывал в потолок. Наклонившись, я

взяла его в рот. Секунда. Две. Три. Я продолжала смотреть ему в глаза. Потом откинулась назад.

– Нет, сначала надо искупаться, – сказала насмешливо и направилась к ванне.

Як поднялся и пошел за мной. Ванна наполнилась до половины; вода была горячая, с легким запахом хлора. Секунду спустя я почувствовала его руку у себя на плече. Захват был грубый, почти агрессивный. Он потянул меня через комнату обратно к кровати. Толкнул меня так, что я упала на живот. Я выгнула спину, показывая, что хочу не меньше, чем он, – и что я по-прежнему держу все под контролем. Когда Як вошел в меня, я охнула. Полсекунды боли. Но он был осторожен и не торопил меня. Я встала на четвереньки, и он начал совершать во мне толчки. Дверь на террасу стояла нараспашку, с улицы доносились голоса и звуки музыки. Где-то гудела машина. Я слышала эти звуки словно издалека, сквозь шум в ушах. Ощущала его руки на своей талии, когда он входил в меня. Боже, как мне нравилось с ним трахаться!

– Еще! – стонала я. – Еще!

Як положил руку мне на затылок, прижал мое лицо к подушке и сделал, как я хотела. Все во мне задрожало, и оргазм разнесся по всему телу. Секундой позже Як тоже кончил с громким стоном. Он подался вперед и навалился на меня всей своей тяжестью. Некоторое время мы лежали молча, переполненные интенсивностью только что пережитого.

Потом перебрались в ванну. Як сходил за пакетиком марихуаны и скрутил косяк, который мы передавали друг другу, сидя в теплой воде.

– Ты такая сексапильная, – проговорил Як.

– Ты тоже ничего, – ответила я. – Сойдет для сельской местности.

Он плеснул на меня водой, и я вскрикнула, но мой крик тут же сменился неудержимым смехом.

Потом мы забрались голышом под одеяло. Як обнял меня одной рукой, притянул к себе. Его пальцы заскользили по моему телу, избегая, однако, груди и вагины. Только они направлялись вниз, как тут же останавливались и меняли направление. Это сбивало с толку. Мое дыхание стало прерывистым. Контроль уже был не в моих руках. Голова у меня закружилась при мысли, что я отдала Яку бразды правления. Это напугало меня, но и очень возбудило.

– Спокойной ночи, моя будущая женушка, – прошептал Як.

Через несколько минут я услышала, как он похрапывает.

А я все еще была в возбуждении. Положила руку на его член, ощутила, как он набух, залезла под одеяло и взяла его в рот. Як проснулся и скинул с нас одеяло. Не говоря ни слова, я села на него верхом, положила руки ему на грудь и запрокинула голову. Он закинул руки за голову. Смотрел на меня жадным взглядом, но тоже не проронил ни слова.

Я кончила еще раз. А потом он кончил в меня. Потом я перекатилась на свою сторону.

– С этого дня мы будем говорить друг другу «спокойной ночи» только так, – заявила я.

Дом Хенрика и Алисы Бергендаль находился в Госхаге на Лидингё – с собственными мостками для купания и пляжем. Казалось, ему место не здесь, а где-нибудь в Лос-Анжелесе. На шестистах семидесяти квадратных метрах разместилось всё – от домашнего кинотеатра, спортзала и крытого бассейна до винного погреба, бильярдной, теннисного стола и по крайней мере пяти ванных комнат. В гостиной невероятного размера – там без проблем можно было бы припарковать несколько фур – потолки достигали десяти метров в высоту.

Пока Фэй, Хенрик, Як и Алиса ужинали при свечах с видом на залив Хёггарнсфьярден, их дети играли с няней на другом конце дома. Комнаты детей были расположены как можно дальше от тех помещений, где Хенрик с Алисой проводили большую часть времени.

Снаружи бушевал холодный ветер. Волны катились на берег, подбираясь к ним, но потом сдавались и откатывались назад.

Алиса заказала на дом готовую еду – на огромном столе красовались бесчисленные блюда из ливанского ресторана. Фэй скосила глаза на Алису. На хозяйке дома было красное платье, открытое по бокам, так что все могли видеть торчащие ребра, напоминающие велосипедную парковку. Она проигнорировала все вкусы – сидела и жевала лист салата. Скоро дойдет до того, чтобы просто облизывать листья...

Сама Фэй пробовала разные закуски ливанского мезе^[12] и пила насыщенное «Амароне». Ребенок у нее в животе все равно закончит

свою коротенькую жизнь в металлическом ведре. Сегодня вечером она примет таблетку, купленную в аптеке. Первую из двух.

– Тебе понравилось? – с улыбкой спросила Алиса.

Она следила за каждым куском, который Фэй подносила ко рту. Наверняка считала в голове калорийность и с удовольствием заносила их на свой счет со знаком минус.

– Очень, – ответила Фэй. – Ливанская еда – прекрасная идея.

Як рассмеялся.

– Ливанская или нет – ты ешь все, что перед тобой поставят. Все метешь.

Фэй уткнулась в тарелку. Значит, вот какой ее себе представляют? Человека, который ест все без разбора?

Хенрик подался вперед, глядя на нее.

– Как у тебя дела? – спросил он. – Ты больше не заходишь к нам в офис.

– Мне кажется, пора оставить вас в покое. У вас так много работы...

– Да, работы хватает. Но для тебя мы всегда нашли бы время.

– Спасибо, Хенрик, но теперь мое дело – сторона.

Почему они разговаривают, как чужие? Заполняют пустоту ненужными разговорами, как вежливые знакомые... Раньше им – ей, Яку и Хенрику – было весело вместе. Говорили они и о серьезных вещах. С ней обращались как с равной, даже порой как с начальницей, когда она давала им по пальцам в дискуссиях о бизнес-структурах и финансовых инструментах. В конечном счете именно Фэй высказала ту бизнес-идею, которую Як и Хенрик использовали при создании «Компэр». Сейчас же она чувствует себя как ребенок, посаженный за взрослый стол.

– Ты готов, Хенрик? Вот-вот придет такси.

Як поднялся и вытер рот салфеткой. Они с Хенриком собирались в город на встречу со старыми друзьями. По пути должны были посадить ее с Жюльенной у дома. Фэй услышала, как дочь сбегает вниз по лестнице.

– Я не хочу домой, – выпалила Жюльенна, умоляюще глядя на Яка. – Хочу побыть еще.

– Хорошо, тогда оставайся вместе с мамой. Алиса, ты ведь не возражаешь, если они побудут еще немного?

Фэй закусила губу. Как она мечтала добраться до дома и растянуться на диване в домашней одежде с бокалом и бутылкой вина! И пить до тех пор, пока не отлетят все мысли о завтрашнем дне...

– Само собой, пусть дети поиграют, – ответила Алиса.

Как всегда, она сияла, глядя на него. Гораздо больше, чем когда смотрела на собственного мужа.

– Чудесно, – Як кивнул, и Жюльенна убежала вверх по лестнице.

Фэй и Алиса проводили мужей до двери.

– Резвитесь, мальчики, – напутствовала их Алиса и поцеловала Хенрика в губы.

– Няня придет завтра к девяти, – напомнила Фэй.

– Да-да. Ну что ж, тогда до скорого, – произнес Як и ушел.

Женщины поставили тарелки в посудомоечную машину и сложили недоеденную еду в холодильник.

– Остальное оставь, – сказала Алиса. – Завтра утром домработница все уберет.

Она достала еще одну бутылку вина, и они уселись напротив панорамного окна.

– Что у тебя завтра? – спросила Алиса.

– Просто прием у врача.

– Ничего серьезного?

– Нет, ничего.

– Как мило, что Як собирается тебя сопровождать...

Фэй смогла выжать из себя лишь неопределенное «угу».

Алиса с большими глазами, как у лани, и безупречной кожей. Счастлива ли она? Что вызывает у нее истинные чувства?

Фэй почувствовала, что устала играть. Они обе сидят в золотых клетках, как два павлина. Хотя сама Фэй в последнее время все больше чувствовала себя потрепанной голубкой с площади Хётorget. Крысы с крыльями, как с отвращением называла их Крис.

Фэй не желала разговаривать с птицей в клетке. Ей хотелось пообщаться с живым человеком. Они выпили еще по паре бокалов.

Алиса рассказывала нуднейшую историю о том, чем ее сын Карл занимается в садике. Существует ли в мире Алисы что-то еще, кроме Хенрика, детей и статуса их семьи? Есть ли за этим фасадом настоящая личность? Настоящие чувства? Настоящие мечты? Или это с самой Фэй что-то не так, раз она не довольствуется тем, что имеет?

Подавляющее большинство людей мечтают о такой жизни, которую ведет она. Когда можешь все себе позволить, когда не надо работать, когда тебе сопутствует успех, когда у тебя красивые дети, когда ты приглашена на открытие нового бутика «Луи Виттон» и готова выложить за очередную сумочку больше, чем среднестатистический швед зарабатывает в месяц...

– Чем бы ты занималась, не будь у тебя Хенрика? – спросила Фэй у Алисы.

– В смысле?

– Кем бы хотела работать?

Алиса долго обдумывала ее вопрос – словно никогда раньше над этим не задумывалась. В конце концов она пожала плечами.

– Дизайнером интерьеров, наверное. Люблю украшать дома изнутри.

– Тогда почему не займешься этим?

Свой дом Алиса обставляла не сама – для этого был нанят дорогой и раскрученный дизайнер, в списке заслуг которого значилось немало богатых вилл на Линигё.

Алиса снова пожала плечами.

– А кто тогда будет заниматься детьми?

Фэй обвела гостиную широко раскрытыми глазами.

– Тот же человек, который делает это сейчас. Няня. Скажи честно – разве тебе никогда не хотелось заняться чем-нибудь другим? Делать то, что тебе нравится – независимо от Хенрика и детей...

Она захмелела и отдавала себе в этом отчет, но сдержаться не могла. Ей хотелось приоткрыть дверцу Алисиной золотой клетки – по крайней мере на мгновение. Хотя со стороны могло показаться, что и сама она ведет подобный образ жизни, разница была колоссальная. У нее было образование, но они вместе с Яком сделали сознательный выбор, поскольку оба считали, что так будет лучше для семьи. В отличие от Алисы, она не зависела от мужа.

Фэй сделала еще глоток. Ребенок получит напоследок хорошую дозу похмелья.

В горле встал ком, она закашлялась.

– Я сама по себе личность, – проговорила Алиса, облизывая губы. – Не хочу ничего менять.

Она была действительно сказочно хороша. Павлиньи перья сияли во всей красе.

– Ты очень красивая, – сказала Фэй.

– Спасибо.

Алиса с улыбкой повернулась к ней, но Фэй все не могла оставить болезную тему.

– Тебя не огорчает, что Хенрик и не посмотрел бы в твою сторону, не будь у тебя такой внешности? Ведь именно поэтому мы сидим сейчас в этом доме. Потому что нас можно показывать. Как кукол. Впрочем... мда, меня, во всяком случае, раньше можно было показывать.

Она подлила еще вина в свой бокал – тот как-то незаметно опорожнился.

– Перестань. Ты прекрасно знаешь, что это не так.

– Ясное дело, все именно так и есть.

Алиса не ответила, но подняла бокал, чтобы Фэй подлила и ей. Похоже, на нее не действуют калории, содержащиеся в вине.

Повисла пауза. Фэй вздохнула. Из глубины дома донесся детский крик.

– Ты знаешь, что я тебе всегда завидовала? – пробормотала Алиса.

Фэй с изумлением посмотрела на нее. Во взгляде собеседницы появилось новое, грустное выражение. Неужели начала проступать настоящая Алиса?

– Нет, – ответила она. – Об этом я и понятия не имела.

– Хенрик всегда так почтительно отзывается о тебе – говорит, ты самая умная женщина, какую он когда-либо встречал. Ты понимаешь, о чем они говорят, понимаешь, как устроено предприятие. Ешь, что хочешь, пьешь пиво, можешь их рассмешить... Пожалуй, именно это – что ты можешь рассмешить Хенрика – всегда вызывало у меня самую большую зависть. Он... да, он очень уважает тебя.

Фэй заерзала на месте, думая о том, насколько то, о чем говорит Алиса, уже не соответствует действительности. Все это – уже в прошлом. Больше нечему завидовать. Некого уважать. Иногда она сама задавалась вопросом: а существовало ли что-то? Или она сама все себе насочиняла?

Порой в памяти воскресали нежелательные фрагменты. Все те случаи, когда Фэй не могла разыскать Яка, хотя он был ей нужен.

Некоторые воспоминания – такие, как рождение Жюльенны, – были настолько болезненными, что она не решалась даже приближаться к ним. Вытесняла. Прощала. Снова и снова.

Фэй сменила позу, поставила бокал на небольшой столик. В комнату вбежала Жюльенна и спросила, можно ли ей искупаться в бассейне.

– Карл и Сага тоже будут купаться? – спросила Фэй, покосившись на Алису.

– Да! – с нажимом проговорила дочь, энергично кивая.

Когда она убежала, Алиса вздохнула.

– Да, я понимаю, что Хенрик никогда бы на мне не женился, не будь у меня моей внешности и моего происхождения. Я не настолько наивна. Но он делает меня счастливой, он добр ко мне. Я знаю женщин, которым живется куда хуже. – Она подняла бокал и произнесла слегка заплетающимся языком: – В этом треклятом обществе женщине не разрешено признаваться, что она хочет заботы. А я хочу. Хочу, чтобы Хенрик был хозяином в доме. Мне плевать, что время от времени он ходит налево.

Она замахала рукой и чуть не пролила красное вино на белую обивку дивана.

Фэй не сводила с нее глаз.

Все эти бесконечные рассказы Яка об увлечениях Хенрика. Ей вовсе не казалось, что это забавно. Но она и представить себе не могла, что Алиса в курсе. Просто думала: «Бедная, красивая и несчастная...»

– Алиса, я...

– Перестань. Я знаю, что это так. И ты тоже наверняка знала, – Алиса пожала плечами. – Но потом он все же приходит домой ко мне. Со мной он спит и завтракает. Играет с нашими детьми. Я знаю, что он по-своему любит меня. Я – мать его детей. Честно говоря, его измены для меня – не проблема. Я... я уже привыкла.

Она посмотрела в окно на черную воду.

– Я бы не выдержала, – тихо проговорила Фэй.

Внутри потеплело. Як не такой, как Хенрик. А она не такая, как Алиса.

Алиса обернулась к ней.

– Но Фэй, ведь он...

– Даже не произноси это вслух! – выкрикнула Фэй так громко, что Алиса отшатнулась. – Я знаю, что многие мужчины в нашем окружении изменяют своим женам. И женщины – тоже, если уж на то пошло. И если ты готова терпеть это, я рада за тебя. Но у нас с Яком – духовное родство! Мы так много построили вместе... Если ты хоть раз посмеешь намекнуть на что-то такое, я разрушу все, что тебе дорого. Понятно?

Испуганный взгляд Алисы заставил ее взять себя в руки. Нельзя показывать, кто она на самом деле. Кем она была когда-то...

Покачнувшись, Фэй поднялась.

– Спасибо за приятный вечер. Нам пора домой.

Когда за ней и Жюльенной захлопнулась дверь, она обернулась. Бросила взгляд в окно возле двери. Алиса все еще сидела на диване, устремив взгляд на черную воду.

Стокгольм, сентябрь 2001 года

В такси по пути из Арланды я мысленно приготовилась, что Як исчезнет – и жизнь войдет в привычную колею. Счастье мне положено разве что в небольших дозах. «Я довольна тем, что мне досталось», – убеждала я себя, пока такси несло в сторону Стокгольма.

Однако Як продолжал держать мою руку в своей, пока за окном проносились северные пригороды.

– Чем займешься сегодня?

– Не знаю, – ответила я.

Мы миновали Ярва, скорость снизилась – на въезде в город были пробки. Меня это несколько не огорчило. Скорее наоборот.

– Я тоже не знаю. Пойдем выпьем пива?

Так мы и сделали. В тот вечер я осталась ночевать в однокомнатной квартирке Яка на Кунгсхольмене.

* * *

На следующий день мы не вылезали из постели до самого обеда. Разговаривали, смотрели кино и занимались любовью. Но во второй половине дня меня начала заедать совесть, и я уселась на балконе,

чтобы позаниматься. Выходные в Барселоне прошли незабываемо, но теперь мне надо нагонять упущенное.

Внезапно до меня донесся крик – это кричал Як, сидевший на диване и смотревший телевизор.

– Что такое? – крикнула я, но он не ответил.

Захлопнув книгу, я поспешила к нему.

Як неподвижно сидел перед телевизором. Лицо у него побелело как полотно.

То, что показывали в репортаже Си-эн-эн, было ужаснее всего, что я когда-либо видела. Самолеты. Взорванные небоскребы. Тела людей, падавшие с высоты в сотни метров. Люди, прыгающие из окон. Лица бродивших по улицам Манхэттена – окровавленные и потерянные.

– Что это такое? – спросила я, с недоверием глядя на экран.

Як посмотрел на меня со слезами на глазах.

– Самолет врезался во Всемирный торговый центр. Поначалу все подумали, что это несчастный случай, но потом в другой небоскреб тоже врезался самолет. Захвачено несколько самолетов. Похоже, это теракт.

– Теракт?

– Да.

В студии царил полная растерянность. Мы же сидели перед телевизором, словно загипнотизированные, потрясенные увиденным. Такого никто не мог предсказать!

Як поднялся и запер входную дверь. Принес бутылку виски и два бокала. Когда башни рухнули, одна за другой, мы разрыдались. Смерть и разрушение так ужасно контрастировали с нашим счастьем...

Внезапно я почувствовала, что хочу быть ближе к Яку, ощутить его силу, знать, что он может защитить меня. В его объятиях мои шрамы не болели. Он и не подозревал о них, но это не имело значения. Его присутствие уже само по себе снимало боль. словно его собственные шрамы идеально подходили к моим.

Внезапно я поняла причину бэби-бума в сороковых годах. Как мужчины и женщины в роковое время жаждали утешения, ища примитивного, самого простого... Уверенность через размножение – основа для сохранения вида.

Я потянулась к пульта и отключила звук. Як вопросительно уставился на меня.

– Какого...

Что-то в моих глазах заставило его замолчать. Я притянула его к себе. Сняла с него всю одежду, один предмет за другим, пока он не оказался совсем голым. Потом Як раздел меня, и мы легли на диван. Когда он вошел в меня, меня буквально залило чувство спокойствия. Лишь бы мне лежать вот так, под ним, ощущая его плоть – остальное все не важно. Он как сама жизнь внутри меня. Кадры из телевизора все еще мелькали перед глазами, словно отпечатавшись на сетчатке. Раз за разом я видела тела, падающие из горящих башен. Дым и огонь, когда огромные, внешне непоколебимые здания рухнули.

Я плакала.

Но мне нужно было еще. Этого недостаточно. Вот чего я боялась – что мне всегда будет мало.

– Еще, – прошептала я.

Як замер. Его тяжелое дыхание прервалось. Через тонкую стенку мы слышали, что соседи смотрят те же новости.

– Трахай меня как можно сильнее, – проговорила я. – Сделай мне больно.

Я почувствовала, как он колеблется.

– Зачем?

– Не спрашивай, – ответила я. – Просто мне это сейчас очень нужно.

Як вопросительно посмотрел мне в глаза, но потом сделал, как я сказала. Крепче схватил меня за бедра, его толчки стали сильнее. Дыхание участилось, он потянул меня за волосы. Без размышлений. Не пытаюсь быть нежным.

Мне было больно, но именно боли я и желала. Боль – моя старая знакомая. Она давала мне спокойствие. Мир горел, а боль была моим якорем среди хаоса.

Одиннадцатое сентября.

Этот день уже отпечатался в моей жизни. В этот день четыре года назад папу арестовали за убийство мамы. Через год после того, как Себастьяна обнаружили в кладовке висящим на собственном поясе. Мне было пятнадцать лет, когда он умер. Вероятно, именно тогда я стала такой, как сейчас. В тот день я стала Фэй.

Як совершал толчки все более остервенело – я услышала, что он тоже плачет. Мы соединились в горе и боли, и когда он наконец тяжело

опустился на меня, я знала, что мы вместе пережили мгновения, которые не забудем никогда.

В тот день мы долго сидели на диване, держась за руки, и смотрели, как мир вокруг нас рушится.

* * *

Последующий год стал самым лучшим в моей жизни. Этот год заложил основу нашей совместной жизни, создал неразрывные связи между мной и Яком.

Он рассказал мне все о своем детстве. О постоянной тревоге, ссорах дома, постоянной нехватке денег. О Рождестве без подарков, о родственниках, которые то жалели, то осуждали отца. О том, как все рухнуло, когда мама оставила семью. Дом, из которого все потихоньку пропадало – продавалось или закладывалось; странные посетители в странное время суток, приходившие, чтобы потребовать долг или выпить с отцом. Облегчение, когда Як смог оставить эту жизнь позади.

О себе же я не рассказала ничего. А Як и не заговаривал никогда о моей прошлой жизни. Он принял то, что я одна в этом мире, что у меня никого не осталось. В каком-то смысле ему это даже, возможно, нравилось – что я принадлежу только ему. У нас были лишь мы, и он был моим героем.

После занятий мы с Яком встречались в маленьких кафе на Хантверкаргата или в Чайна-тауне, иногда одни, иногда вместе с Хенриком и Крис, говорили о жизни, экономике, политике и своих мечтах. Мы были равны. Хотя мы с Крис порой ощущали себя королевами в мире Яка и Хенрика. Иногда я видела ревность в глазах Яка, когда он замечал взгляды других мужчин. И ему не нравилось, когда я куда-то отправлялась без него. Ему всегда важно было знать, где я, чем занимаюсь. Мне его ревность казалась трогательной. Я хотела принадлежать ему. Поэтому перестала что-либо делать без него. Крис иногда начинала протестовать, однако мы так часто встречались все вчетвером, что это было даже не особо заметно. Я перестала носить короткие юбки и блузки с глубоким вырезом. Помимо тех случаев, когда мы с Яком оставались одни. Тут он хотел, чтобы я надевала все самое короткое и облегающее.

– Ты не такая, как другие женщины, – говорил он мне иногда.

Я никогда не спрашивала, что именно он имеет в виду. Просто впитывала в себя его слова. Мне нравилось быть особенной.

Сексом мы занимались повсюду. Иногда назначали друг другу встречу между лекциями и, хихикая, запирались в туалете, чтобы тут же начать срывать друг с друга одежду. Мы трахались по всему Стокгольму. В Городской библиотеке, в «Макдоналдсе» на Свеавеген, в Крунубергспаркен, в пустом лекционном зале, в торговом центре «Стюрекомпаниет», в ресторанах «Ист» и «Риш», в пустом вагоне метро среди ночи, на домашних вечеринках, в доме родителей Хенрика и на балконе. Два-три раза в день. Як был ненасытен. Мне не нужно было так часто, но секс был хорош, и от всего этого я чувствовала себя самой желанной женщиной на земле. Меня возбуждал уже один его взгляд, брошенный на меня, ибо я знала, как страстно он желает меня. Ему не нравилось, когда я говорила «нет», он обижался и дулся, так что я перестала говорить «нет». Мне казалось, что это совсем нетрудно. Если он счастлив, то и я счастлива.

Каролинская больница. Монотонное гудение вентилятора. Просиженные плюшевые диваны начинали надсадно скрипеть, стоило кому-либо пошевелиться. Малейший кашель эхом отдавался от голых стен.

Фэй покрутила в руках телефон, нашла фотографии с их свадьбы. Загорелые, полные надежд на будущее лица. Сияющие, красивые гости. Газета «Экспрессен» даже послала фотографа, сделавшего потрясающие снимки с балкона. Ее вполне устроила бы более скромная свадьба в Швеции. Просто в Ратуше. Но Як настоял на роскошной свадьбе в Италии. В особняке у озера Комо. Четыреста гостей, из которых она знала полдюжины. Толпа незнакомцев, которые поздравляли ее и целовали в щечку.

Платье для нее Як выбирал сам. Это было нечто воздушное из шелка и тюля, пошитое для нее на заказ самим Ларсом Валлином. Оно было красивое, но не ее. Если бы выбор был за ней, она выбрала бы нечто куда более простое. Но, увидев взгляд Яка, когда она шла ему навстречу, порадовалась, что не стала противиться его воле.

Фэй отложила телефон. Вот-вот появится Як. Проведет рукой по волосам, сядет рядом, обнимет ее и попросит прощения за то, что опоздал. За то, что заставил ее сидеть одну в ожидании.

– Все радости и горести мы понесем вместе, – сказал он на свадьбе в своей прекрасной речи, от которой все женщины за столом прослезились и с завистью посмотрели на нее.

Среди женщин, ожидающих в холле, она была старше всех – и единственная, кто пришел без мужа. Помимо одной маленькой девочки – лет шестнадцати на вид, которая была с мамой. Парни нежно обнимали своих девушек, внимательно смотрели им в глаза, гладили их по ладоням. Говорили негромко и серьезно. Все ощущали, что нечто весьма интимное выставляется на всеобщее обозрение. Все хотели побыть одни. Без посторонних взглядов. Без невысказанных вопросов. Время от времени выходила медсестра и кого-то вызывала. Все смотрели вслед ушедшей.

Вот медсестра произнесла имя Фэй, и та в очередной раз кинула взгляд на дисплей телефона. Никакой эсэмэски от Яка. Ни одного пропущенного звонка. Ей пришлось проверить, есть ли связь.

Поднявшись, она последовала за медсестрой в кабинет. Отвечая на стандартные вопросы, ломала голову, узнала ли ее медсестра. Впрочем, это не имело значения – Фэй была уверена, что медики обязаны сохранять профессиональную тайну.

– Кто-нибудь придет и заберет тебя потом? – спросила медсестра.

Фэй опустила глаза. Ей было стыдно, хотя она сама не понимала, почему.

– Да. Муж придет.

Лампы под потолком освещали холодным дневным светом накрытую бумагой кушетку.

– Хорошо. Некоторые предпочитают ходить по коридору, чтобы ускорить процесс и эффективнее справляться с болью. Обращайся ко мне, если что, а я буду присматривать за тобой.

– Спасибо, – проговорила Фэй.

У нее по-прежнему не получалось смотреть в глаза медсестре. Как объяснить, почему она пришла одна? Фэй и сама не понимала, как это получилось.

– Ты приняла вчера таблетку?

– Да.

– Отлично. Вот вторая.

Таблетка в пластиковой кружечке и теплая рука на плече. Фэй поборолась в себе острое желание положить голову на колени

молоденькой медсестре и разрыдаться. Вместо этого она засунула таблетку в рот, даже не взглянув на нее.

– Прими и это тоже, – продолжала медсестра, протягивая ей несколько таблеток обезболивающего.

Фэй проглотила и их. Глотать – привычное дело.

* * *

Лежа в большом желтом кресле, Фэй рассматривала потолок. Во всяком случае, она не попала на зеленую кушетку – и к тому же скрыта от посторонних глаз ширмой. На нее надели трусы, похожие на подгузник, которые должны были уловить вышедший зародыш, и она уже ощущала, как из нее течет кровь. Во время УЗИ медсестра сообщила ей возраст плода, но Фэй не запомнила точное количество недель, не желала слышать.

«Где ты?» – написала она Яку.

Ответа не последовало.

Должно быть, что-то случилось. Может быть, он попал в ДТП? Фэй позвонила няне – узнать, как там Жюльенна.

– С ней всё в порядке, мы смотрим кино.

– А Як? – Фэй старалась говорить небрежным тоном. Между ног у нее текла кровь, впитываясь в подгузник. – Он не возвращался?

– Нет. Я думала, он с тобой.

Следующий звонок – Хенрику. Тот тоже не ответил. Мысли скакали в голове. Перед глазами рисовалась сцена, как двое полицейских с серьезными лицами стучат в ее дверь, выражают соболезнования и сообщают, что Як погиб. Что ей тогда делать? Полное ощущение дежавю. То же чувство, которое возникло у нее во время родов...

Рождение Жюльенны было запланировано на начало июня. Во время всей беременности Як относился к ней с любовью и нежностью, хотя у него не всегда хватало времени сопровождать ее к врачу и заниматься другими практическими делами, связанными с рождением будущего ребенка. Фирма находилась в стадии интенсивного роста, и Фэй понимала, что дела сейчас важнее всего, раз они ждут малыша и раз Як действительно хочет создать надежную основу для своей семьи.

Когда начались схватки, Як был в офисе. Поначалу Фэй не поняла, что все уже началось по-настоящему, – приняла схватки за предвестники, которые часто возникали у нее в последний месяц беременности. Но потом ее прихватило так сильно, что пришлось схватиться за кухонную столешницу, чтобы не сползти на пол.

Она стояла, согнувшись в три погибели, и звонила Яку. Сигналы проходили один за другим; наконец включился автоответчик. Думая, что у него совещание, Фэй послала ему эсмэску, призывая его немедленно возвращаться домой. Когда она позвонила в Дандерюдскую больницу, там посоветовали ей приезжать, но она не хотела отправляться туда без Яка. Перед глазами Фэй видела сцену: как он помогает ей сесть в машину, как нервно ругается на других водителей, руля в сторону больницы – на встречу с их долгожданным ребеночком...

С каждой минутой схватки становились все сильнее, но телефон продолжал молчать. Ни Хенрик, ни Як не брали трубку и не отвечали на ее сообщения. В конце концов Фэй позвонила Крис и спросила, готова ли та поехать с ней и побыть, пока не приедет Як.

Пятнадцать минут спустя подруга, задыхаясь, ворвалась в квартиру – на высоченных каблуках, в своем леопардовом пальто. Она стащила Фэй по лестнице, хотя временами ей приходилось буквально нести ее. Когда они уже сидели в такси по дороге в Дандерюд, Фэй обнаружила, что забыла дома любовно сложенную сумку, простоявшую наготове два месяца. Она велела водителю разворачиваться, но тут Крис прошипела ему, чтобы он не обращал на Фэй внимания и несся во всю прыть. И заявила Фэй, что все, лежавшее в той сумке, можно купить заново – указав на то, что дети родились во все времена без всякого дополнительного оборудования.

Охоту за Яком Крис взяла в свои руки, и теперь она звонила и отсылала эсмэски. Когда они подъехали к больнице, засунула телефон в сумочку.

– Ему известно, где мы, – сказала она. – Он знает, что происходит. Сейчас наша задача – добраться до родильного отделения и не родить прямо в такси, договорились?

Фэй лишь молча кивнула. Боль то и дело накрывала ее, как огромная волна; все силы уходили на то, чтобы дышать.

Крепко вцепившись в руку Крис, она вылезла из машины, ни о чем не думая. Откуда-то издали донесся голос Крис, которая возмущалась и орала на персонал, когда они вошли в больничный коридор. Задним числом ей наверняка придется извиняться, но сейчас громкий фальцет подруги стал для нее единственным спасательным кругом.

Жюльенна родилась через пять часов. Пять часов боли, которая то вызывала у Фэй чувство паники, то заставляла ее мечтать о смерти. Крис не оставляла ее ни на секунду. Вытирала пот со лба, просила медсестер вколоть ей обезболивающее, массировала спину, помогала прикладывать маску с веселящим газом и следила за схватками. И когда Жюльенна вышла на свет, на долю Крис выпало перерезать пуповину, аккуратно протянуть дочь Фэй и пристроить у нее на груди. Впервые в жизни Фэй видела, как Крис плачет.

Два часа спустя в больницу прибежал пристыженный Як. Он принес самый большой букет роз, который Фэй видела в жизни. Сто прекрасных алых роз, для которых сотрудники отделения никак не могли найти вазы. Як стоял, глядя на свои ботинки, челка упала на лицо – и всю злость и разочарование у Фэй как рукой сняло.

Муж что-то бормотал по поводу совещаний, телефона, который он оставил на столе, массы несчастливых совпадений... Казалось, он совершенно убит, и Фэй подумала, что на самом деле Як потерял больше всех. Он пропустил рождение самого прекрасного ребенка, какой только рождался в этом мире.

Она осторожно протянула ему Жюльенну. Та лежала, завернутая в маленькое одеяло, довольно посапывая после первого кормления. Як рыдал и всхлипывал от счастья, а за его спиной, сложив руки на груди, стояла Крис. Фэй поспешно отвела взгляд от сурового лица подруги и стала смотреть на своего мужа, стоящего перед ней с их новорожденной дочерью в руках. Ведь он любит ее. Все мы не без недостатков...

Глубоко вздохнув, Фэй отогнала воспоминания. Она уже и сама успела забыть про роды, но вся ситуация слишком напоминала о них. Хотя сегодня никто не должен родиться. Напротив, жизнь должна угаснуть.

Живот напрягся и сжался. Она закусил губу, чтобы не заплакать. Надо быть сильной ради себя и Жюльенны. Як будет потом гордиться

ею.

Лоб был горячим, как в бреду, от пота одежда прилипла к телу. За ширмой раздались всхлипывания.

– Ну-ну, дорогая. Потерпи... – Кто-то обнимал кого-то, нашептывал и утешал.

Живот свело, словно в судороге. Секунды текли медленно. Фэй охнула, когда ее отпустило. Поняла, что напряглась, и затаила дыхание. Ей так хотелось, чтобы и ее тоже кто-нибудь утешал. Больше она не могла выносить одиночество. Достав телефон, позвонила Крис. Разрыдалась в трубку. Объяснила, где она, не заботясь о том, что ее кто-то слышит. Громко застонала, когда подступил новый спазм, и сжала телефон так судорожно, что костяшки пальцев побелели.

По спине ручьями стекал пот.

– Я приеду, – сказала Крис. Как всегда.

– Правда? – всхлипнула Фэй.

– Ясное дело, я приеду, дорогая моя.

Полчаса спустя в коридоре послышалось эхо от высоченных каблучков Крис. Она склонилась над Фэй. Погладила ее по голове своими пальцами с изысканным маникюром. Вытерла ей пот со лба салфеткой, которую достала из своего сак-де-жура от «Ив Сен-Лоран».

– Прости, – прошептала Фэй. – Прости меня за все.

– Не думай об этом, моя дорогая. Что было, то было. Сейчас давай позаботимся о том, чтобы из тебя вывалилось все лишнее, и потом будем выбираться отсюда. Договорились?

Хрипловатый голос Крис звучал деловито и с сочувствием – это сочетание успокоило Фэй. Подруга умела привести ее в чувство. Всегда обладала этим качеством. Только теперь Фэй осознала, как ей не хватало Крис.

Она посмотрела в глаза подруге.

– Я люблю тебя.

– И я тебя, – ответила Крис. – Я была с тобой, когда рождалась Жюльенна – само собой, и сейчас я рядом.

Сморщившись от очередного приступа боли, Фэй сжала руку подруги. Это была самая прекрасная рука, какую она когда-либо видела.

Прижавшись щекой к руке Крис, она ожидала, когда же все это наконец закончится.

Стокгольм, февраль 2003 года

Мы жили в трехкомнатной квартире в Бергхамре. Дядя Яка пожелал вернуть себе свою квартиру, когда кто-то из его детей вернулся из-за границы. Это место располагалось на красной ветке метро, недалеко от центра – и все же находилось совсем в другом мире. По соседству с нами жили и шведы, и семьи иммигрантов. Добрые и заботливые матери. Дети, вопившие и шумевшие во дворе, но вежливо здоровающиеся с тобой на лестнице.

Як и Хенрик закончили институт. Хенрик – с самыми лучшими оценками, Як – со средними. Но ни один из них не стал искать себе работу. Вместо этого они почти круглосуточно занимались раскруткой своей новой фирмы – «Компэр». Бизнес-идея – телефонный маркетинг, где продавцы получали не зарплату, а процент от продаж, – делала их фирму более голодной и агрессивной, чем все ее предшественники. «Мотивация, мотивация и еще раз мотивация», – проповедовал Як. Его любимая цитата звучала так: «Голодные волки лучше охотятся», а та бизнес-модель, которую я разработала для них, отлично подходила голодным волкам. Во всяком случае, она вполне устраивала двух честолюбивых молодых людей, какими были Як и Хенрик.

Их офис располагался в нашей гостиной. Они работали бок о бок за большим письменным столом, сидя на стульях, которые я извлекла из контейнера для крупного мусора, но сказала, что унаследовала их от бабушки.

Я восхищалась их настойчивостью, была уверена, что у них все получится, что они – на правильном пути. Каково же было мое удивление, когда однажды вечером, вернувшись домой, я застала Яка сидящим на диване с пустым взглядом.

– Как дела, мой дорогой? – спросила я, садясь рядом с ним.

– Мы в полном прогаре. Хенрик истратил все свои сбережения, а я тщетно слонялся с протянутой рукой, ища инвесторов. У нас ничего не вышло... – Он провел рукой по волосам. – Ну, ничего особенно страшного не случилось. Мы оба найдем работу. Хенрик поговаривает о том, чтобы поехать в Лондон и заняться финансами там. Может быть, и хорошо, что мы откажемся от своей наивной мечты и повзрослеем. Завтра же скажу ему, что я выхожу из дела, так будет

лучше всего. Пожалуй, я тоже рвану в Лондон, там водятся большие деньги. Или в Нью-Йорк. Уолл-стрит... Поеду на Уолл-стрит.

Длинные рассуждения Яка должны были убедить его самого, но я видела, что он говорит не от души. Менее всего ему хочется бросить дело своей мечты. От одной мысли, что он уедет и оставит меня одну, меня охватила паника. Снова одна?

О жизни без Яка я даже подумать не могла. Проглотив подступающую тошноту, произнесла так спокойно, как только могла:

– Откуда все это взялось? Мне казалось, у вас все хорошо. Еще вчера вечером, когда мы ложились спать, вы были полны энтузиазма. Я слышала ваш разговор по телефону.

– Мы очень рассчитывали на некоторых инвесторов, но сегодня получили сообщение, что они все же не заинтересовались. Так что мы – полные банкроты, моя дорогая. В настоящий момент ты содержишь нас за счет своей стипендии и работы в кафе – в этом месяце я даже не смог заплатить за свой телефон.

Надежды поколений лежали на его плечах. На лице отразилось глубокое разочарование. Як должен был стать тем, кто исправит ошибки отца и восстановит честь семьи.

Однако он уже готов был отказаться от этой миссии.

Я взяла в ладони его лицо.

– Нет. Я не позволю тебе бросить свою мечту.

– Разве ты не слышишь? Нам нужны деньги. Нужно на что-то жить. А ты учишься.

Он взглянул на меня. Глаза у него были глубокие и влажные, как у щенка. Яку нужна была я – как никому и никогда раньше.

– Я могу взять академку.

– Но ведь ты обожаешь институт, разве нет?

Он по-прежнему смотрел на меня не отрываясь, и я видела, как в его голубых глазах зажегся огонек надежды – Як протестовал только для виду.

– Тебя я люблю больше. И верю, что тебя ждет успех, если ты и дальше сможешь заниматься своим делом. Мы с тобой одна команда. Як и Фэй. Мы завоюем мир, мы же договорились. Я закончу на год позже – какое это имеет значение на фоне всего остального? – Я пожала плечами.

– Ты уверена? – спросил Як, притягивая меня к себе.

– Само собой, – ответила я и рассмеялась.

Счастье бурлило во мне, как лимонад. Я сделала ему подарок, а он принял его, потому что любит меня.

– Я не сомневаюсь, что и ты поступил бы так же ради меня. Я верю в «Компэр», верю, что мы станем миллионерами. И тогда ты вернешь мне все сполна.

– Еще бы! Все, что есть у меня, – твое. Наше!

Он поцеловал меня, а затем поднял на руки и понес в спальню...

* * *

Год – это совсем не страшно. Для «Компэр» это был решающий год. Для моего образования – нет. У меня учеба шла легко, в то время как Хенрику пришлось вкалывать ради своих отличных оценок. Разумеется, я терпеть не могла вытирать столы, подносить кофе, ненавидела, когда меня щипали за попу старички, считавшие, что официантка входит в стоимость чашки кофе с булочкой. Но Як – любовь всей моей жизни. В следующий раз он пожертвует собой ради меня.

В тот же вечер я сообщила в институт о своем решении и позвонила начальнику в кафе «Мадлен». Он был счастлив. Я знала, что он мечтает расширяться, но не может вырваться из рутины повседневного руководства. Тут же предложил мне должность менеджера по работе с персоналом с зарплатой в двадцать две тысячи крон. От таких цифр кружилась голова. Я согласилась.

Единственной, кого возмутило мое решение, была Крис. Она появилась в кафе «Мадлен» перед самым закрытием. Ее взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Нам с тобой срочно нужно поговорить, – заявила она.

На улице шел дождь. Подруга потащила меня через мокрую площадь Стюреплан и завела в какой-то бар. Прошипев бармену, чтобы нам подали два пива, затолкала меня за столик.

– Знаю – то, что я скажу, тебе не понравится, и, скорее всего, ты рассердишься на меня. Может быть, на этом нашей дружбе придет конец. Но кто-то должен тебе это сказать! Ты совершаешь ошибку.

Я вздохнула. Как Крис может меня понять? Их отношения с Хенриком и близко не похожи на то, что роднит меня и Яка.

– Я знаю, ты желаешь мне добра. Но я делаю именно то, что сейчас нужно сделать. Яку нужно сосредоточиться на «Компэр», чтобы их мечта стала реальностью.

– А как же *твоя* мечта? Какого черта, Фэй? Да будь у Яка и Хенрика вместе взятых половина таких мозгов, как у тебя, они давно уже были бы миллиардерами.

– Пока Як рядом со мной, я счастлива. Его мечты и есть мои мечты.

– Ты боишься, что он тебя бросит, если ты сейчас не пожертвуешь собой?

– Нет.

Я чуть не рассмеялась. Эта мысль показалась мне такой абсурдной... Само собой, его разговоры о Лондоне и Нью-Йорке слегка меня встревожили, но не более того. Як желал быть со мной – так же, как и я с ним.

Крис раздраженно сделала бармену знак принести нам еще по бокалу пива.

– Ну хорошо, – проворчала она. – Тогда почему они не могут заморозить «Компэр» на год-другой и пока поработать? Почему именно ты должна бросать учебу ради него?

Дрожащими руками Крис закурила.

Я потянулась к ее пачке сигарет. Яку не нравилось, что я курю, так что я решила воспользоваться случаем. Надо только не забыть купить мятную жвачку, прежде чем ехать домой.

– Всего год, Крис. Потом я вернусь. К этому времени Як и Хенрик запустят «Компэр».

Выдув идеально круглое колечко дыма, я направила его прямо в скептическое лицо Крис. Она сменила тему, но ее красноречивый взгляд лучше слов говорил, насколько ей все это не нравится.

* * *

Полгода спустя фирма «Компэр» была запущена и сразу добилась сногшибательных успехов. Молодые менеджеры телефонных продаж

Яка и Хенрика и новый подход в работе захватили Швецию, словно победоносная армия. Фирма приносила такие доходы, какие никому до них и не снились. Предприятия стояли в очереди, чтобы поручить свои продажи «Компэр». Деньги потекли рекой. Уже через год мы стали миллионерами.

В моем возвращении к учебе теперь не было никакого смысла. Ведь мы уже достигли своей цели. Вместе. Зачем же просиживать штаны, зубря перед экзаменами в институте, когда у нас и так все хорошо?

Люди учатся, чтобы добиться успеха, а мы его уже добились. Будущее казалось таким светлым, что впору было надевать солнцезащитные очки.

Ощущение приближающейся катастрофы не покидало Фэй. Она должна была заметить тревожные сигналы. Открыть глаза. Говорят, что ничто так не ослепляет человека, как любовь, но Фэй знала – ничто так не ослепляет человека, как *мечта* о любви.

Надежда – странный наркотик.

Фэй решила сменить тактику. Вместо того чтобы сидеть дома, как грустный щенок, дожидаясь Яка, она решила дать ему побольше личного пространства и возможность соскучиться по ней.

До празднования его дня рождения оставалось две недели. Организаторы сообщили ей время, когда она должна прийти. И всё. Помимо дресс-кода: «костюм». Сама Фэй продумывала тему повеселее – когда еще считала, что ей придется устраивать день рождения мужа. Что-нибудь в духе «Великого Гэтсби» или «Студии 54». Но, судя по всему, Як хотел чего-то совсем другого. Порой она задавалась вопросом, действительно ли она так хорошо знает мужа или это ей только чудится. Теперь она, кажется, все истолковывала неверно. Во всяком случае, когда дело касалось Яка.

Фэй постучала в дверь его кабинета в башне, услышала в ответ раздраженное «да-да» и вошла.

– Прости, не хотела тебе мешать... Я возьму Жюльенну и уеду на несколько дней.

Як с удивлением поднял глаза. Его красивый профиль отразился в окне.

– Вот как?

– Да. У тебя сейчас так много работы, а я... у меня есть свободное время. Я сняла домик в Фальстербу.

Фэй приготовилась к протестам Яка – он не любил, когда она что-то предпринимала самостоятельно. Но, к ее удивлению, муж воспринял новость почти с облегчением.

– Прекрасная идея. Тебе полезно будет немного развеяться, после... Ну, после того, что тебе пришлось пережить.

Он избегал смотреть ей в глаза. Вернувшись домой поздно вечером после того, как Фэй сделала аборт, Як лишь кратко извинился, сославшись на напряженную ситуацию на работе. Ничего более. Ни одной розы. Никаких слез. И она в очередной раз проглотила, приняла то, что не могла изменить, хотя горький привкус остался. Ложась в тот вечер в постель, Фэй все еще ощущала прохладную ладонь Крис на своей щеке.

– Ты правда так считаешь? – проговорила она как можно более нейтральным голосом.

Смотреть вперед. Не оглядываться назад. Ей удастся все это изменить. У нее больше сил, чем думает Як. Слишком долго она играла в слабый пол. Просто так было нужно мужу. Но теперь она осознала, что пора брать инициативу в свои руки, не извещая об этом Яка. Он не из тех мужчин, которые любят, чтобы ими управляли.

– Да, правда, – ответил он и улыбнулся ей.

Его лицо казалось теперь моложе, не таким мрачным. Фэй внутренне расслабилась. Она на верном пути. Им просто надо немного отдохнуть друг от друга.

– И потом, вам с Жюльенной полезно провести время вдвоем, – продолжал Як. Это звучало несколько вымученно, но она всегда с благодарностью принимала те крохи внимания, которые ей перепадали. – Приключение только для девушек. Когда она пойдет в школу, это станет сложнее... – Вертя в руках карандаш, небрежно спросил: – Как долго вы будете отсутствовать?

– Пять ночей.

Фэй протянула к нему руку, и он взял ее – к большому удивлению и облегчению жены.

– Ты правда не возражаешь?

– Конечно, не возражаю. Хотя я буду без вас скучать.

Выходя, Фэй послала ему воздушный поцелуй и от души произнесла:

– Мы тоже будем скучать.

Она и вправду уже начала скучать по нему.

* * *

Движение на Е4 было не особенно оживленным – здесь проезжали в основном фуры. Сидя за рулем, Фэй наслаждалась мягким ходом автомобиля, а Жюльенна пребывала в приподнятом настроении, предвкушая приключения.

– А мы будем купаться? – спросила она.

– Море очень холодное. Посмотрим, что ты скажешь, когда попробуешь воду.

Дипломатичный ответ. Она знала – Жюльенне покажется, что вода жутко холодная. До открытия купального сезона еще далеко.

Жюльенна уткнулась в свой «Айпэд». Фэй обогнала грузовик DNL, водитель которого проводил полным зависти взглядом их «Порше Кайенн», и снова вернулась в правый ряд.

Зазвонил телефон. Это был Як.

– Как у вас дела?

Голос у него звучал весело, и Фэй радостно улыбнулась. Давненько она не слышала в его голосе ничего, кроме раздражения.

– Папа! – крикнула Жюльенна.

– Привет, моя дорогая! У тебя все хорошо?

– Да, отлично, – ответила дочка и снова уткнулась в «Айпэд».

– Где вы?

– Только что проехали Норрчёпинг, – ответила Фэй. – Скоро сделаем остановку возле одного места с желтыми арками...

– «Макдоналдс»! – радостно завопила Жюльенна.

Обмануть ее не получилось.

Як рассмеялся, и Фэй почувствовала, как его смех разогнал все мрачные воспоминания – они разлетелись, как пух одуванчиков, когда она дула на них в детстве.

Положив трубку, Фэй сосредоточилась на дороге. До места – еще приличный отрезок пути.

– Мама, меня тошнит!

Фэй скосила глаза на Жюльенну, которая подозрительно позеленела.

– Попробуй смотреть в окно, хорошо? Думаю, тебя укачало от того, что ты смотришь в экран.

Оторвав правую руку от руля, Фэй потрогала лоб дочери. Он был горячий и липкий.

– Ты не проголодалась? В пакете у твоих ног лежит яблоко.

– Нет. Меня тошнит.

– Если хочешь, мы можем остановиться у «Макдоналдса» прямо сейчас.

Жюльенна сидела молча, не сводя глаз с дороги. «Пройдет», – мысленно понадеялась Фэй.

Через несколько минут дочь начала кашлять, и она, поморщившись, съехала на обочину. В ту секунду, когда машина остановилась, Жюльенну вырвало прямо на торпеду.

Фэй выскочила из машины и обежала ее, спеша к пассажирскому сиденью. Вытащила жалобно всхлипывавшую Жюльенну и придерживала ее волосы, когда дочь снова рвало.

Мимо проехал грузовик – от потока воздуха машина задрожала.

Усадив Жюльенну обратно на сиденье, Фэй дала ей в руки пакет. Найдя в багажнике рулон бумаги, кое-как вытерла то, что попало в машину. От запаха все внутри ее переворачивалось, и она боялась даже думать, что скажет Як, когда узнает о случившемся. Машину нужно немедленно почистить.

– Если тебя снова будет тошнить, постарайся, чтобы все попало в пакет, моя дорогая.

Опустив стекло и стараясь дышать ртом, Фэй снова завела двигатель. Запах был невыносимый. Уитни Хьюстон пела о том, что всегда будет любить, и Фэй убавила звук. Она предпочитала оригинальную версию с Долли Партон^[13].

Проехав еще несколько километров, они остановились на заправочной станции. Усадив Жюльенну на стул, Фэй купила чистящее средство и тряпку и принялась отмывать салон, мысленно проклиная эту дурацкую затею – поехать на юг самостоятельно.

Они могли бы полететь самолетом, а машину арендовать в аэропорту. Зачем она сама себе всегда все усложняет? Як абсолютно

прав. Она совершенно бездарна. И как жена, и как мать...

Хорошее настроение улетучилось.

Фэй забрала Жюльенну, купила банан, который съела на ходу по дороге к машине, выбросила шкурку в урну и снова усадила дочь в машину.

– Солнышко, как ты себя чувствуешь?

– Я хочу домой. Пожалуйста, давай поедем домой!

– Попробуй заснуть – так будет полегче.

Жюльенна слишком устала, чтобы спорить. Прислонившись головой к дверце, она закрыла глаза. Фэй положила руку ей на колено и стала выкручивать руль.

Когда до Норрчепинга оставалось около трех миль, ей надоело слушать Уитни Хьюстон. Не сводя глаз с дороги, она стала искать свой мобильный телефон, чтобы включить подкаст, но не могла найти. Сбросив скорость, пристроилась за красным «Фольксвагеном» и потянулась за сумочкой, которую положила на заднее сиденье, чтобы уберечь от рвотных масс. Пошарила рукой в сумочке, машина дернулась. Жюльенна заныла во сне, потом почмокала языком и снова заснула.

Фэй остановила машину. Обыскала карманы, потрогала рукой под сиденьем. Но мобильного телефона не было. Тут она поняла, что он мог остаться где угодно. На обочине, где она останавливалась. На заправке. Ей хотелось закричать, но она сдержалась, боясь разбудить Жюльенну. Замолотила руками по рулю. В телефоне остался номер и адрес соседки, которая должна была дать им ключи от домика.

Развернувшись на боковой дороге, Фэй направила машину обратно в сторону Стокгольма. В молодости она ни за что не сдалась бы, но в последние годы ей много пришлось тренироваться в обратном.

Матильда никогда не сдалась бы. Но Фэй слишком хорошо знала, как ей надлежит поступать.

Держа на одной руке Жюльенну, а в другой – сумку с их вещами, она зашла в подъезд. Когда дверь лифта закрылась, закрыла внутреннюю решетку. Оглядела свое лицо в зеркале: темные круги под глазами, оплывшее бледное лицо. Бисеринки пота на лбу и верхней губе. И безнадежность во взгляде.

Жюльенна приоткрыла глаза.

– Где мы? – сонно пробормотала она.

– Мы дома, моя дорогая. Тебе стало плохо. В Сконе мы поедем в другой раз.

Жюльенна вяло улыбнулась, кивнула.

– Я устала, – прошептала она.

– Знаю, зайка. Скоро ляжешь в постельку.

Лифт рывком остановился. Фэй открыла решетку и пристроила Жюльенну повыше на правом бедре. От тяжести болели руки. Дочь обхватила ее ногами и руками, как маленькая обезьянка, – и запротестовала, когда Фэй поставила ее на пол, чтобы найти ключи.

Як терпеть не мог, когда она звонила в дверь и отвлекала его.

В конце концов ей удалось отпереть дверь, и они ввалились в квартиру. Собрав последние силы, Фэй сняла с Жюльенны верхнюю одежду и сапоги, отнесла ее в постель и поцеловала на ночь. Затем поднялась в башню, чтобы посмотреть, там ли Як – наверняка он сидит и работает.

Кабинет был пуст, воздух казался затхлым. Она открыла окно, чтобы проветрить, – подперла створку цветочным горшком, чтобы та снова не захлопнулась.

«Значит, Як на работе», – с облегчением подумала Фэй, направляясь в спальню, чтобы принять душ и переодеться. С благодарностью она думала о том, что успеет освежиться и привести себя в порядок до того, как муж вернется домой. Фэй чувствовала себя жалкой и не хотела, чтобы он видел ее, когда она выглядит как выжатый лимон.

Рывком открыла дверь – и тут комната перед ее глазами словно наполнилась водой. Все в ней остановилось. Единственное, что она слышала, – свое собственное прерывистое дыхание и звон в ушах, с каждой секундой звучащий все громче.

Як стоял спиной к ней у изножья кровати. Голый. Фэй уставилась на его ягодицы. Разглядела хорошо знакомое родимое пятно на правой половинке. Пятно двигалось взад-вперед, когда он совершал движения бедрами. Перед ним, выгнув спину и широко расставив ноги, стояла на четвереньках женщина.

Фэй покачнулась и схватилась рукой за дверной косяк, чтобы не упасть.

Все происходило так медленно... Звуки казались приглушенными.

Одежда валялась вокруг кровати, словно ее срывали в большой спешке.

Фэй не знала, как долго простояла так, прежде чем они заметили ее. Вероятно, она вскрикнула, сама того не заметив. Як обернулся; Ильва Лендорф вскочила, тщетно пытаясь прикрыться подушкой.

– Какого черта! Я думал, вы в Сконе! – закричал Як. – Какого черта ты тут делаешь?

Фэй пыталась выжать из себя хоть слово. Как он может сердиться? На нее?.. Поначалу она вообще лишилась дара речи. Потом из нее полился поток слов. Про Жюльенну, потерянный телефон, вынужденное возвращение домой. Она пыталась оправдаться, извиниться. Муж поднял руку, и Фэй тут же смолкла.

Як сделал знак Ильве надеть одежду и сам взял свой халат. Наверняка его вывело из себя то, что ему не дали кончить. Он ненавидел, когда его прерывали. Говорил, что недостигнутый оргазм весь день потом гуляет в крови.

Як сел на край постели. Посмотрел на нее твердым холодным взглядом.

– Я хочу развода, – сказал он.

– Нет, – воскликнула она, снова хватаясь за дверной косяк. – Нет, Як! Я прощаю тебя. Мы больше не будем об этом говорить, ты просто ошибся. Вместе мы преодолеем этот кризис.

Слова эхом отдавались у нее в голове, скользили между полушариями, отскакивали, не находя опоры. Но Фэй слышала, как произнесла их. Стало быть, она это сказала. И именно это имела в виду.

Як покачал головой из стороны в сторону. Ильва за его спиной надела на себя белье и теперь смотрела в окно.

Муж уставился на Фэй, оглядел ее с головы до ног, и она нервно провела рукой по волосам, прекрасно понимая, как нелепо выглядит. Он туже запахнулся в халат.

– Это не ошибка. Я больше не люблю тебя. Не хочу жить с тобой.

– Вместе мы все преодолеем, – повторила Фэй.

Ноги подгибались. По щекам градом катились слезы. Она и сама слышала, какое отчаяние слышится в ее голосе.

– Ты не слышишь, что я говорю? Я тебя больше не люблю. Я... я люблю ее.

Он кивнул в сторону Ильвы, которая обернулась и посмотрела на Фэй. Ильва все еще была в одном белье – сером, от «Ла Перла». Ее плоский живот, идеальной формы грудь и стройные мальчишеские бедра казались насмешкой над Фэй. Ильва была такой, какой Фэй давно перестала быть.

Як вздохнул, а настороженный взгляд Ильвы заполнился презрением, когда Фэй упала на колени перед Яком. Коленные чашечки уперлись в твердый деревянный пол. Когда они въезжали сюда, им пришлось заменить все полы. Фэй предлагала отциклевать и смазать маслом прежние оригинальные полы, но Як лишь фыркнул в ответ на это предложение. Вместо этого они заказали паркет из Италии, стоивший тысячи крон за квадратный метр. Но на новом дорогом полу было так же больно стоять на коленях, как и на старом. Унижение было полным.

– Милый... – умоляюще проговорила она. – Дай мне шанс. Я изменюсь, я стану лучше. Я знаю – со мной было нелегко. Я была злая... плохая... глупая. Но я сделаю тебя счастливым. Як, дорогой, дай мне еще один шанс! Ты и Жюльенна – все, что у меня есть. Ты – вся моя жизнь.

Фэй попыталась схватить Яка за руку, но тот отдернул руку и глянул на нее с отвращением. И она понимала его. Она сама себе была отвратительна.

Як отошел к Ильве, которая теперь сидела на постели, закинув одну длинную ногу на другую, с гордым хозяйским видом встал рядом с ней и положил руку на ее обнаженное плечо. Ильва положила поверх нее свою ладонь. Вместе они разглядывали Фэй, стоявшую на коленях на итальянском паркете.

Покачивая головой, Як произнес без малейшей дрожи в голосе:

– Все кончено. Я хочу, чтобы ты ушла.

Фэй медленно поднялась с пола. Задом вышла из спальни, не в силах оторвать взгляда от руки Яка на костлявом плече Ильвы. Обернулась, только когда поравнялась с закрытой дверью в комнату Жюльенны. Она понимала, что ей следует сейчас подумать о дочери, принять решение – взять ее с собой или нет, сказать ей что-то или не говорить ничего. Но единственная мысль, которую ее мозг сейчас мог сформулировать, – что она должна бежать отсюда. Как можно скорее.

Голые ягоды Яка между ног Ильвы все еще стояли у нее перед глазами, когда она вывалилась за дверь и захлопнула ее за собой. И, только стоя на лестнице, поняла, что забыла надеть обувь.

* * *

Фэй сидела под дверью квартиры Крис. Все ее тело сотрясалось от рыданий.

Каким-то образом ей удалось остановить такси, и, бросив на нее взгляд, водитель без единого слова помог ей сесть на заднее сиденье.

Потом она долго колотилась в дверь в тщетной надежде, что Крис спасет ее от всего этого, но когда никто не открыл, она опустилась на пол. И теперь не знала, хватит ли у нее когда-нибудь сил снова подняться.

– Боже мой, Фэй! Что случилось?

Наконец-то.

Она подняла глаза и увидела, как к ней осторожно приближается Крис.

Фэй потянулась к ней – и разрыдалась так, что уже ничего не видела перед собой. Единственное, что ей удалось из себя выдавить, было:

– Помоги мне!

Часть II

– Как вы можете быть так уверены... что это действительно он?

– На данном этапе мы ни в чем не можем быть уверены, – ответила женщина-полицейский, не глядя в глаза Фэй.

– Послушайте, я потеряла свою дочь. Но чтобы Як... конечно, у нас были проблемы, но я все же не могу поверить... это какая-то ошибка.

– Вообще-то я не имею права...

Женщина-полицейский огляделась. Поскольку ее напарник вышел, чтобы принести Фэй чашку кофе, она проговорила, понизив голос:

– Мы не только обнаружили в машине кровь. Навигатор показывает, что Як среди ночи ездил на причал у озера Веттерн. Там мы обнаружили катер со следами крови, предположительно принадлежащей Жюльенне...

Фэй кивнула; поморщилась, поскольку от этого движения заболели раны на лице. Допрос записывался на пленку – она понимала, что ей ни за что не скажут ничего такого, что не подлежит разглашению. Они просто хотят, чтобы она доверилась, привязалась к этой женщине, сидящей перед ней с понимающим взглядом. Хотят, чтобы она сотрудничала. Они не понимают, что им не надо играть с ней ни в какие игры. Она готова сотрудничать. Як не уйдет от ответа.

– Есть у вас кто-нибудь из близких, кому мы могли бы позвонить? Кого вы хотели бы видеть сейчас рядом?

Фэй покачала головой. Снова поморщилась от боли. В больнице ей наложили пластыри, зашили рану.

– Тогда на сегодня мы закончили. Но наверняка еще обратимся к вам с вопросами.

– У вас есть мой номер, – пробормотала Фэй.

– Сюда едет пастор. Если хотите, вы, конечно, можете поехать домой. Но мне кажется, вам лучше сейчас не оставаться одной.

– Пастор?

Поначалу Фэй даже не поняла, о чем говорит женщина-полицейский. Зачем ей пастор?

– Люди, которые... с которыми случилось то, что с вами, нуждаются в утешении – им нужно с кем-то поговорить.

Фэй подняла глаза и взглянула на нее.

– Люди, у которых убили детей? Вы это имели в виду?

Женщина-полицейский на мгновение заколебалась, но потом произнесла:

– Да.

Движение на постели. Кто-то присел на край кровати. Фэй заставила себя открыть глаза и увидела устремленный на нее взгляд Крис – встревоженный, но полный решимости.

– Я люблю тебя, Фэй, но ты пролежала в этой постели уже две недели. Стоит упомянуть Яка или Жюльенну, как ты начинаешь рыдать. Дальше так продолжаться не может.

Она кивнула в сторону двери.

– Если ты чего-нибудь от меня захочешь, тебе придется встать и прийти ко мне. С этого момента, если ты захочешь есть, – иди в кухню и делай себе еду сама. Сюда, в эту комнату, я не зайду, даже если ты крикнешь мне, что Дензел Вашингтон лежит здесь голый, прикованный к постели^[14].

На следующий день Фэй вышла в кухню в одних трусиках и футболке.

Крис держала в руке чашку кофе, на столе перед ней лежал раскрытый журнал «Вэнити Фэр». Подруга взглянула на Фэй поверх ободка чашки.

– В холодильнике есть завтрак. Сама я по-прежнему придерживаюсь диеты Линдси Лохан^[15].

Фэй выдвинула себе стул и опустилась на него.

– Что за диета?

– Кофе, сигареты и «Постинор». – Крис иронично улыбнулась. – Возьми себе чего-нибудь поесть. Я скоро уйду на работу. Не хочешь пойти со мной?

Фэй отрицательно покачала головой.

– Тогда оставайся дома. Посмотри кино, поплачь, пожалей себя... Я буду только счастлива, если ты выйдешь из комнаты. Там начинает нехорошо пахнуть.

Фэй положила ладонь на руку Крис и взглянула ей в глаза.

– Спасибо, – проговорила она. – За всё. А то, что ты... Ну, ты и сама знаешь.

– Не думай об этом. В отеле у Крис ты можешь оставаться, пока не придешь в себя, – при условии, что будешь регулярно принимать душ.

Фэй кивнула. Похоже, сделка на таких условиях ее устраивала.

* * *

Фэй чувствовала себя ужасно. Как с тяжелого похмелья. Когда Крис ушла, она легла на диван, достала мобильный телефон и позвонила Яку. Это она делала каждый день. Разумеется, потому, что ей хотелось поговорить с Жюльенной, но, пожалуй, еще больше потому, что хотелось услышать его голос. С каждым разом в нем все отчетливее звучали нотки раздражения, а разговор получался все более коротким. словно она говорила с чужим человеком.

– Да, – сухо ответил Як.

– Привет, это я.

– Я так и понял. Жюльенны нет. Они только что уехали в садик.

– Они?

Як откашлялся. Она услышала на заднем плане звуки и голоса.

– Сегодня я не успевал отвезти Жюльенну, так что ее отвезла Ильва.

Фэй не могла поверить своим ушам. Прошло всего две недели, а Як и Ильва уже всю играют в дочери-матери! Фэй нашли замену. Как домработнице или няне...

Для Фэй было мучительно не видеть Жюльенну, но до сегодняшнего дня у нее не было сил. Она убеждала себя, что дочери лучше оставаться в привычной обстановке и что ей не полезно видеть мать, раздавленную горем.

– Мне надо зайти забрать вещи, – произнесла Фэй, изо всех сил стараясь говорить обычным голосом. – И я хочу повидать Жюльенну.

– Сейчас не самый удачный момент.

– Для чего?

– Для того, чтобы ты пришла забрать вещи. Дома все вверх тормашками. Мы... я купил дом. Мы как раз переезжаем.

Фэй закрыла глаза, сосредоточившись на дыхании. Только бы не сорваться...

– Куда *вы* переезжаете?

– В Госхагу. Кстати, неподалеку от Хенрика и Алисы. Это было не запланировано, но мы... в общем, возник прекрасный объект в Хемнет.

Мы. Он говорил о них «мы». Як и Ильва. С две тысячи первого года это означало «Як и Фэй», но теперь он говорит «мы» совсем о другом человеке. Сколько лет Фэй просила его купить дом, говорила, что для Жюльенны так будет лучше, – но он и слышать не желал. Ему нравилось жить поближе к центру и офису. Однако теперь они с Ильвой нашли «прекрасный объект в Хемнет»... Так вот: раз – и готово.

– Пошли мне по почте список вещей, которые тебе нужны, – я отправлю их тебе с курьером.

– Я так и сделаю, – проговорила она, собрав волю в кулак. – Но как быть с Жюльенной? Мне надо общаться с ней.

– Строго говоря, мне кажется, что это может подождать, пока ты не найдешь себе жилье... Ну ладно, можешь приехать на следующее неделе, когда переезд закончится, – великодушно пообещал Як и отключился.

Перед глазами у Фэй встала сцена, как Ильва возится с Жюльенной, одевает ее, обнимает, смотрит вместе с ней мультики, заплетает косички. Она-то уж наверняка умеет плести косичку «рыбий хвост» – в том числе и в обратном варианте, о котором Жюльенна всегда просила, но у Фэй не получалось.

Стоило ей закрыть глаза, как она видела перед собой Яка и Ильву. Ильву с безупречными губами и остроконечными грудями. Как Як входил в нее, как шептал ей, какая она красивая, как кончал, со стоном произнося ее имя...

Главная ирония заключалась в том, что Ильва Лендорф была как раз такой, какой могла бы стать Фэй, если б Як не заявил, что желает иметь жену-домохозяйку, которая всегда под рукой. Что же заставило его изменить свое мнение?

Именно он и сделал ее тем, кем она теперь стала. Фэй и сама уже не знала, кто она. Если не жена Яка Адельхейма – то кто тогда? За годы жизни с Яком она слой за слоем соскоблила с себя все остальное, больше ничего не осталось.

Фэй взяла машину Крис. Руки дрожали так, что она едва могла держать руль. Сегодня она снова увидит Жюльенну. Наконец-то...

На дороге, ведущей на остров Лидингё, в этот час почти не было машин. Солнце светило, легкие облачка проносились по ясному небу. Следуя указателям навигатора, Фэй остановилась перед холмом. На вершине холма красовался каменный дом, похожий на дворец. Прекрасный объект. Как раз такой дом, о каком она сама мечтала.

«Тесла» Яка стояла на дорожке у дома. Несколько мужчин разгружали большие коробки с грузовика.

Нажав на кнопку звонка на воротах, Фэй глянула в камеру – ей пришлось подождать пару секунд, прежде чем ворота открылись. Она заехала на участок и припарковалась позади грузовика.

Лысый бригадир крикнул ей, чтобы она отъехала и не загораживала грузовику выезд. Фэй подняла ладонь в знак извинения и сделала, как он сказал.

Навстречу ей выбежала Жюльенна – Фэй поспешно отстегнула ремень и выскочила наружу. Прижала дочь к себе, вдохнула ее запах. Слезы жгли глаза, хотя она дала себе слово не плакать. Держаться, что бы ни случилось.

На лестницу вышел Як. На нем были бежевые брюки-чинос и зеленый пуловер, под которым виднелся воротник бледно-голубой рубашки. Он был красив, как никогда.

– Дорогая моя, я так соскучилась по тебе, – сказала Фэй и поцеловала Жюльенну в макушку, – но сейчас мне нужно поговорить с папой. Можешь поиграть пока одна – я скоро приду за тобой.

Жюльенна кивнула, чмокнула ее в щеку и убежала обратно в дом.

Як невозмутимо улыбнулся Фэй. Она искала в нем хоть малейший признак того, что он чувствует себя виноватым, но ничего не увидела. Одна половина ее существа хотела вцепиться ногтями ему в лицо. Вторая половина – кинуться ему в объятия, прижавшись щекой к пуловеру.

– Что скажешь? – спросил Як, обведя широким жестом фасад позади себя.

Это звучало совершенно дико. Он вел себя словно ничего не случилось.

– Нам надо поговорить, – коротко ответила она.

В крови играл адреналин, Фэй покачивалась взад-вперед на каблуках.

– О чем?

– О том, что произошло. О... в общем, об этом.

– Но ты ведь не могла не понимать, что все к тому идет? Боже мой, это же не могло оказаться для тебя сюрпризом... – Як вздохнул. – Ладно, зайди ненадолго.

Он вошел впереди нее в дом. В холле теснились коробки. Двое мужчин несли вверх по лестнице диван.

– Пойдем сядем вон там, – сказал Як и провел ее через гостиную в застекленную веранду с видом на воду.

Фэй села на стул, который был ей незнаком. Должно быть, Ильва привезла его с собой из своего дома. Или же они купили все новое. Старое – прочь. Новое – сюда. В отношении всего – и мебели, и жен.

– Мне нужны деньги, Як. Немного. Только пока я не встану на ноги.

Он посмотрел на свои руки, кивнул.

– Само собой. Я переведу несколько тысяч.

Фэй фыркнула, и Як удивленно приподнял брови. За его спиной она увидела полоску голубой воды. Когда настанет лето, Жюльенне наверняка понравится выбегать из дома на берег и окунаться в воду.

– Мне надо купить квартиру. Тебе ведь хочется, чтобы Жюльенне жилось хорошо, когда она будет у меня?

– Я не вижу своей ответственности в том, чтобы обеспечить тебя жильем. Этот вопрос тебе придется решать самой. Но, конечно же, я хочу, чтобы у моей дочери было достойное жилье, хотя ее мать не позаботилась о собственных доходах. Я переведу деньги, чтобы вы могли что-нибудь снять. Но предлагаю тебе поискать работу.

Фэй стиснула зубы так, что они заскрипели. Все в ней сопротивлялось тому, чтобы идти с протянутой рукой. Но все их достояние принадлежало Яку. У нее нет ни сбережений, ни работы. И она должна подумать о Жюльенне. Материнство важнее гордости. Ей нужно найти временное дешевое жилье, пока она не получит денег при разделе имущества. Сколько ей полагается, Фэй понятия не имела, но ведь ей должна принадлежать приличная часть состояния Яка? Ведь она внесла большой вклад в его создание. Он всегда говорил, что все,

что есть у него, – ее, что успех – их совместная заслуга. Не мог же Як так внезапно забыть об этом?

Фэй внимательно рассматривала его. Волосы у него были подстрижены короче, чем обычно. Она вспомнила, как в самом начале их знакомства стригла его в кухне в Бергсхамре. «Каким бы богатым я ни стал, стричь меня всегда будешь ты – мне так нравится, когда ты ко мне прикасаешься», – говорил он тогда. Еще одно из многочисленных обещаний, которое Як нарушил. В последние три года он стригся у Марре – самого популярного стокгольмского парикмахера, к которому ходили все знаменитости.

– Как мы поступим с Жюльенной? – спросила она.

– Дочь будет жить здесь, пока ты не найдешь себе приличное жилье – ни о чем другом и речи идти не может. Они с Ильвой обожают друг друга, так что по этому поводу ты можешь не волноваться.

Як улыбнулся с довольным видом. Под окнами веранды прогуливались гуси. «Авось они много гадят», – подумала Фэй.

Она оторвала взгляд от бродящих по земле птиц и тихо спросила:

– Ты уже все решил? Ты выбрал ее? Это то, что тебе нужно?

Як почесал лоб и уставился на нее, словно не понимая вопроса.

– Разве это не очевидно? – спросил он. – С тобой я не был счастлив, Фэй.

Она ощутила боль в груди, словно Як всадил ей между ребер нож. Ей хотелось спросить, как долго продолжался его роман с Ильвой, но она сдержалась. Второго ножа в грудь ей не вынести.

Фэй резко поднялась и позвала Жюльенну.

– Стало быть, ты привезешь ее обратно в шесть часов вечера?

– Да.

Прибежала Жюльенна. Фэй взяла ее за руку и повела прочь из дома. Когда они сели в машину и поехали прочь, дочь принялась взахлеб рассказывать о своей новой комнате. Судя по всему, она была «еще красивее, чем комната у Барби-принцессы».

Фэй молча вдавила до отказа педаль газа.

Недели проходили за неделями, как в тумане. Каждый вечер Фэй брала у Крис машину, ехала на Лидингё и останавливалась чуть поодаль от роскошной виллы. За стеклами панорамных окон она могла видеть свою жизнь со стороны – как в фильме, с той только разницей, что главную роль в нем теперь играла не Фэй. И это уже была не ее

жизнь. Як и Ильва распаковывали коробки, пили вино, целовались, ужинали, смеялись. В их комнатах мерцал свет стеариновых свечей – наверняка с изысканными ароматами от «Библиотек». «Ничего не покупать на распродажах, только самое дорогое», – часто говаривал Як как бы в шутку, хотя на самом деле всерьез. Иногда ей удавалось увидеть Жюльенну. Она всегда была одна. Или с няней, которую Як нанял на полную ставку.

Крис она говорила, что просто катается по городу, однако подруга знала ее слишком хорошо, чтобы дать себя обмануть. Порой скорбь становилась невыносимой, но Фэй убеждала себя, что все пройдет. Як – ее наркотик, и когда закончится ломка, она снова поднимется. Боль утихнет. Как уже бывало раньше.

Ей смутно помнилось, что когда-то она была самой сильной в семье. Эта сила должна была где-то сохраниться. Як не мог отнять у нее всё.

* * *

Фэй сидела за кухонным столом Крис, когда позвонил Як. На долю секунды ей показалось, что он сейчас скажет, что все это ошибка и он просит ее вернуться домой. Или что это был просто кошмарный сон. Она без колебаний приняла бы его обратно. Радовалась бы, как щенок. Скакала бы вокруг него, виляя хвостиком...

Вместо этого Як сообщил, что ей не полагается никаких денег.

– Брачный контракт в силе, – закончил он свое долгое объяснение. – И ты сама его подписала. Я был уверен, что с ним всё в порядке, но хотел сперва еще раз спросить своих адвокатов. Да, он в силе.

Фэй изо всех сил старалась сдержать гнев, однако слышала, как неестественно звучит ее голос.

– Я бросила учебу, чтобы содержать тебя, когда вы с Хенриком создавали «Компэр», – ты помнишь об этом? И когда затем хотела устроиться на работу, ты сказал, что это не нужно и что я могу не беспокоиться. Ты обещал, что брачный контракт – всего лишь формальность. Для правления. Что я, конечно же, получу свою долю. Вся идея создания этого предприятия принадлежала мне!

Як не ответил.

– Это она позаботилась, да? – спросила Фэй.

– Не понимаю, о чем ты.

– Это она, Ильва, не хочет, чтобы я получила деньги? Вы считаете, что недостаточно унизили меня? У меня ничего не осталось, Як. Моя жизнь сломана.

– Не надо примешивать к этому делу Ильву. Деньги мои. Их заработал я, пока ты сидела дома, наслаждаясь жизнью. И уж точно не долгие обеды с девочками в «Риш» принесли капитал, – Як фыркнул. – Придется тебе, черт подери, найти себе работу и повкалывать, как все люди. Пожить для разнообразия в реальности. Не у всех бывает бесконечный отпуск, как у тебя в последние годы, пока я работал с утра до ночи, обеспечивая семью.

Фэй заставила себя сдержаться. Сделала глубокий вдох. Выдох. Она не могла поверить, что он готов единым махом зачеркнуть все их совместные годы. Все, что они пережили и создали вместе.

Як прервал ее мысли.

– Если ты будешь продолжать скандалить, я найду на тебя управу. Оставь нас с Ильвой в покое.

Когда он отключился, Фэй долго сидела с трубкой в руке. Затем, к своему глубокому удивлению, начала выть. Это был примитивный животный рык, которого она не слышала много лет. Он отскакивал от стен мощным эхом.

Наконец Фэй замолчала, тяжело дыша. Откинулась на стуле, наслаждаясь болью от твердой спинки. Ощутила гнев, который разворачивался в ней, подобно природной стихии.

Знакомый мрак сочился из каждой поры – тот мрак, о котором ей почти удалось забыть. Она делала вид, что его никогда не существовало, что он никогда не был частью ее существа. Но сейчас начала вспоминать, кто она, какой была раньше.

Ненависть была ее старой знакомой, вселяла уверенность, укутывая в горячий кокон, давая ей цель и смысл, опору под ногами. Она еще покажет Яку. Она восстанет из мертвых.

Впервые за много лет Фэй ехала на метро. Села на «Эстермальмсторг», доехала до «Ношборга», потом поехала назад. Вышла на «Т-сентрален» и прошла по площади Сергея, где так же

торговали наркотиками, как и тринадцать лет назад, когда она впервые приехала в Стокгольм.

Но теперь город казался совершенно другим. Так много тут всего интересного и увлекательного, когда над ней больше не довлеет вечная присказка Яка: «Это не наш уровень»... Фэй было тридцать два, но она ощущала себя заново родившейся.

У памятной таблички на месте убийства Улофа Пальме она пересекла наискосок улицу Свеавеген. На веранде кафе возле кладбища сидели, согнувшись над бокалами пива, несколько отчаянных смельчаков и покуривали на весеннем ветру. Отбросы, как называл их Як.

Открыв дверь, Фэй вошла в кафе. Бармен за стойкой, приподняв брови, оглядел ее пальто, явно очень дорогое. Переезжая и опустошая квартиру, Як, по крайней мере, вернул ей ее вещи.

Заказав себе пива, Фэй уселась в углу. Вкус у пива был водянистый. В голове роились мысли. Какое чудовищное унижение! Неужели все, что говорил Як, оказалось ложью? Ильва – единственная или были и другие? До сего дня у нее не хватало сил об этом задумываться. Но сейчас ей важно разворошить эти мысли, подпитать свою ярость. Ясное дело, их было много. Она ведь знает Яка. Как облупленного.

Достав из сумочки телефон, Фэй набрала номер Алисы.

– Можешь уделить мне пару минут? – спросила она, когда та наконец ответила. Услышала, как Алиса колеблется. – Хотела задать тебе несколько вопросов. Поговорить начистоту.

– Подожди минутку...

Позади нее раздавались детские крики. Алиса позвала няню, закрыла дверь, и шум стал отдаляться.

– Я тебя слушаю, – проговорила она.

– Тебе известно, что произошло с Ильвой. Предполагаю, что это началось не вчера. Я хочу знать, как давно – и были ли другие.

– Фэй, я...

– Не надо лишних слов. Догадываюсь, что ты все это время знала. Все нормально. Я не ищу ссоры. Просто хочу знать правду.

Алиса долго молчала. Фэй ждала. В конце концов та глубоко вздохнула.

– Як изменял тебе с тех пор, как я познакомилась с Хенриком. Со всеми, Фэй. Он трахал все, что могло двигаться. Иногда мне хотелось сунуть это тебе под нос, чтобы ты спустилась с небес на землю, – когда ты осуждала Хенрика. И меня. Но я не стала этого делать. Я же знаю, каково это.

Алиса смолкла, осознав, что только что раскрыла всю фальшь того напускного равнодушия, которое до сих пор пыталась демонстрировать. Равнодушия, в которое Фэй никогда не верила.

Фэй вдумалась в смысл ее слов. Они не причинили ей ту боль, которой она ожидала. Скорее принесли облегчение. Где-то в глубине души она все же догадывалась.

– Сочувствую, – неуверенно пробормотала Алиса.

– Все нормально. Я так и думала.

– Ты ведь ничего не скажешь Яку об этом нашем разговоре?

– Обещаю.

– Спасибо.

– Тебе следовало бы бросить Хенрика, – сухо и деловито продолжала Фэй. – Мы слишком хороши для этих подонков – чтобы позволить так с собой обращаться. Надеюсь, когда-нибудь ты сама к этому придешь. Для меня это не было добровольным решением, но я через это прошла. А когда оказываешься по другую сторону, ощущаешь бóльшую свободу.

– Но ведь я счастлива.

– Я тоже была счастлива. Или мне так казалось. Но время все расставит по своим местам, Алиса. Рано или поздно ты окажешься там, где я сейчас, – и ты прекрасно это знаешь.

Фэй положила трубку, не дожидаясь ответа Алисы, – знала, что той нечем возразить. В том, что она только что сказала подруге, не было ничего нового. Алиса наверняка боролась с теми же мыслями тысячу раз в день. Но это уже проблема Алисы. Не ее.

Теперь она готова к войне.

Фэй знала, что в ее арсенале есть самое мощное оружие – ее женственность. Оно заставляет мужчин недооценивать ее, считать глупенькой. У Яка нет шансов на победу. Она умнее его. Так было всегда. Просто она позволила ему – и себе – забыть об этом.

Но теперь она ему об этом напомнит. Напомнит им обоим.

Для начала важно дать ему понять, что все по-старому – что она все та же ручная Фэй, без оглядки влюбленная и наивная. Эта часть – самая простая. Эту роль она играла так долго, что знает ее наизусть.

Но втайне она создаст собственную фирму, разбогатеет и уничтожит Яка. Пока Фэй не знала, как это осуществить. К тому же предстояло решить целый ряд практических проблем. Прежде всего ей нужно жилье. Невозможно дальше злоупотреблять гостеприимством Крис. Вопрос лишь в том, где поселиться. На квартиру в центре у нее денег нет. С другой стороны, ей надо обосноваться неподалеку от садика Жюльенны. Кроме того, нужно сколотить капитал, прийти в форму, освежить свои знания финансовых рынков, создать собственную сеть связей. Тысяча задач, требующих решения. Тысяча целей, которых надо достичь, прежде чем Як будет повержен. Настроение у нее улучшилось.

– У вас найдется листок бумаги? – спросила она бармена. – И ручка?

Тот положил на барную стойку ручку и указал на стопку салфеток. Фэй составила список дел, которые ей необходимо проверить. Закончив, позвонила Яку, чтобы заключить мир. Внутреннего сопротивления не было – ведь это всего лишь игра. Первый ход в шахматной партии. Ей нужно перемирие, чтобы собраться с силами и перегруппироваться.

Она заговорила бархатным и слегка робким голосом – именно такой муж ее и помнил.

– Я расстроилась, – сказала она. – Поэтому и вела себя так. Но сейчас поняла, что ты во многом прав. Ты простишь меня?

Она отпила глоток пива. Бокал почти опустел – Фэй сделала знак бармену, что хочет повторить.

– Понимаю, что тебе было нелегко, – ответил Як с удивлением и помпезным великодушием.

Фэй допила последний глоток пива, когда перед ней поставили новое. Она нарисовала в пене кружочек – и вспомнила тот день, когда Крис нарисовала сердечко на запотевшем бокале...

– Это правда. Однако это меня не извиняет. Но сейчас я возьму себя в руки. Ради Жюльенны. И ради тебя. Мать твоей дочери не должна вести себя недостойно и выпрашивать денег. Даже не понимаю, что на меня нашло. Я просто... сама себя не узнаю.

Фэй замолчала, ломая голову, не переборщила ли. Однако Як лишь услышал подтверждение тому, что думал сам, – что он прав, а она не права. Як хотел видеть себя героем, оставаться на высоте. Теперь она даст ему возможность еще больше утвердиться в этом образе самого себя – как всегда делало все его окружение.

– Ну ладно, ничего. Просто постарайся быть... немного поговорчивее, – сказал Як.

Положив трубку, Фэй допила пиво и заказала себе еще. Теперь никто не сможет ей указывать. Она начала хихикать и никак не могла остановиться, опьяненная алкоголем и свободой.

Красная двухэтажная вилла постройки двадцатых годов располагалась в идиллическом коттеджном поселке Эншеде. Открыв зеленую калитку, Фэй пересекла ухоженный садик и позвонила в дверь.

Ей открыла женщина с высокими скулами и седыми волосами, собранными в узел на затылке, в брюках и в джемпере-поло. Осанка у нее была прямая, почти военная. Женщина протянула узловатую руку.

– Керстин Теллермарк. Проходите, – сказала она и отступила в сторону.

Вслед за ней Фэй прошла через небольшую прихожую с черно-белыми фотографиями по стенам в уютную гостиную. На стенах, обклеенных коричневыми обоями, красовались старинные картины с морскими пейзажами, у одной стены стоял продавленный диванчик, а в углу – пианино.

– Как тут красиво! – воскликнула Фэй. Она говорила совершенно искренне.

– Немного старомодно, – проговорила Керстин извиняющимся тоном, но Фэй заметила, что той приятна похвала. – Хочешь кофе?

Фэй покачала головой.

– Ну хорошо. Стало быть, вы будете жить здесь вдвоем с дочерью?

– Да. Ее зовут Жюльенна. Ей четыре года.

– Развод?

Фэй кивнула.

– По обоюдному согласию?

– Нет.

Керстин приподняла брови.

– У тебя есть работа?

– Пока нет. Но я ее найду. Я... я училась в Торгово-экономическом институте, мне просто нужно прийти в себя.

Керстин поднялась и повела Фэй на второй этаж. Там была небольшая общая комната и две спальни. Как раз то, что ей нужно.

– Пять тысяч крон в месяц.

– Я согласна.

* * *

Два дня спустя произошел переезд. Крис помогала ей. Керстин стояла на лестнице, сложив руки на груди, и наблюдала, как они заносят на второй этаж три картонные коробки, в которых помещалось все имущество Фэй. Большую часть своей одежды она продала в одном из дорогих магазинов секонд-хенд на Карлавеген, чтобы выручить немного денег.

Ей больше не хотелось получать что бы то ни было от Яка. Только отобрать у него все. Так куда веселее.

Когда Крис уехала, Керстин постучалась в дверь. Фэй, которая как раз распаковывала свои вещи, предложила ей зайти, но та осталась стоять на пороге.

– А дочь, о которой ты говорила, – где она?

– Она пока у папы, придет в середине недели, – ответила Фэй, вешая на плечики блузку.

– Он тебя бросил?

– Да.

– А кто виноват?

– Виноват?

– Всегда ведь кто-то виноват.

– В таком случае – он. Пихал свой член направо и налево, а я была слишком глупа, чтобы это увидеть.

Фэй вздрогнула, осознав, что она только что сказала, – но Керстин лишь молча кивнула.

Фэй развесила вещи в шкафу, пропылесосила, застелила постель свежим постельным бельем и легла, заложив руки за голову. Ей нужно найти источник доходов. И срочно. Для начала – просто чтобы выжить,

чтобы платить Керстин за квартиру, покупать еду и то, что нужно Жюльенне. Однако график должен быть свободным, чтобы параллельно разрабатывать бизнес-план. Ей не нужен начальник, постоянно стоящий над душой.

Фэй подошла к окну. Мимо по улице проходил блондин лет пятидесяти с большим родезским риджбеком, похоже, откликающимся на кличку Хассе. Пес тянул и дергал поводок – похоже, мужчине с трудом удавалось удержаться на ногах.

Фэй проводила их задумчивым взглядом.

* * *

Несколько часов спустя Керстин угостила Фэй ужином – котлетами с картошкой и коричневым соусом. К тому же она выставила на круглый обеденный стол брусничное варенье и маринованные огурчики.

– Очень вкусно, – похвалила Фэй.

– Спасибо.

Керстин положила на тарелку Фэй еще еды.

На окне стояла фотография Керстин в молодости – густые каштановые волосы, короткое белое платье.

Хозяйка проследила за взглядом Фэй.

– Это снято в Лондоне в конце шестидесятых. Я работала няней в одной семье и влюбилась в англичанина, лорда Кенсингтона. Чудесные были годы...

– Почему же ты не осталась там?

– Потому что мама лорда Кенсингтона, леди Урсула, сочла неприличным, чтобы ее единственный сын женился на шведской няне. Несколько лет спустя он обвенчался с девушкой из высшего света по имени Мэри.

– Как грустно, – проговорила Фэй.

– Как вышло, так вышло. Я не жалею.

– Ты была замужем?

– А как же. За Рагнармом.

Керстин отвела взгляд. Неосознанно потянула за воротник джемпера.

Фэй взглянула на нее, потом огляделась, но никаких портретов Рагнара или Рагнара с Керстин не обнаружила.

Приборы звякнули, когда Керстин положила их на тарелку. Она поднялась, ушла в гостиную и вернулась с фотографией в рамочке. Поставила ее на стол перед Фэй. На снимке был изображен мужчина с обнаженным торсом и в белых шортах, сидящий в шезлонге.

– Рагнар, – сказала Керстин. – Пальма, восемьдесят первый год.

– Как мило, – сказала Фэй. – Должно быть, тяжело потерять человека, с которым прожил всю жизнь... Давно он умер?

– Умер? – Керстин с удивлением уставилась на нее. – Нет-нет, Рагнар жив. Эта собака доживает свои дни в доме престарелых в Сёдермальме.

– Тогда я не понимаю.

– Три года назад с ним случился инсульт.

– Стало быть, ты живешь одна?

Керстин кивнула.

– Да. Но мне хорошо, – добавила она и засунула в рот картофелину. – Тихо и спокойно. Единственное, что нарушает мой покой и душевное равновесие, – так это то, что он по-прежнему дышит.

Она взглянула на фото. Потом положила снимок лицом вниз и сказала:

– Бери еще. Хорошая еда – бальзам для души.

Фэй кивнула и придвинула к себе блюдо. Впервые за долгое время у еды был отменный вкус.

На следующее утро Фэй проснулась рано. Спустившись по скрипучей лестнице, она ощутила запах свежесваренного кофе.

Керстин уже поднялась. Перед ней лежала открытая газета «Дагенс нюхетер», а рядом – «Дагенс индустри». Фотография Рагнара, лежавшая вчера на кухонном столе, исчезла.

– Доброе утро, – приветствовала ее хозяйка. – Наливай себе.

Фэй уселась за стол и потянулась к «ДИ». Прочла передовицу. Просмотрела дебатную статью. Со следующей страницы на нее смотрели голубые глаза Яка. Она вздрогнула, собиралась даже пролистнуть дальше, но ее взгляд уже был прикован к заголовку. Горючее. Ей нужна подпитка.

Подзаголовок гласил: «Адельхейм отрицает слухи о биржевой котировке». Должно быть, Керстин услышала, как Фэй охнула, – во всяком случае, старушка подняла глаза от газеты и внимательно посмотрела на свою жиличку.

– Плохие новости? – спросила она.

– Нет, ничего. Просто увидела знакомое лицо.

В статье Як кратко высказывался о том, что о котировке на бирже для «Компэр» пока речь не идет. Однако он подтвердил, что финансовый директор Ильва Лендорф покинула компанию и перешла в фирму по продаже музыкальных записей «Музифай». Як назвал это взаимной договоренностью и пожелал Ильве успехов в дальнейшей карьере. Ни слова о том, что он сожительствует с ней. Журналисты наверняка в курсе, однако «ДИ» – слишком серьезная газета, чтобы примешивать к делу слухи и пересуды о личной жизни.

«Як уже начал переделывать Ильву, – подумала Фэй. – Следующий шаг – он уговорит ее совсем бросить работу». Она пока не знала, как относится ко всему этому. Должна ли она злорадствовать? Или сочувствовать? В каком-то смысле было бы проще, если б она просто могла признать, что Ильва лучше ее. Умнее, сильнее. Но Ильва уже начала подчиняться. От этого она еще больше воспринималась как очередная любовница Яка, купившаяся на его деньги и шарм.

Фэй пробежала глазами статью еще раз, прежде чем перелистнуть дальше. Пока она не знала, что и как ей пригодится, – четкий план еще не сложился. Сейчас идет лишь сбор информации.

– Что собираешься делать сегодня? – спросила Керстин.

– Хочу пойти прогуляться. Кстати, не знаешь, есть тут поблизости местечко, где можно распечатать несколько объявлений?

– Объявлений?

– Хочу начать свое дело.

– Вот как? – Отложив газету на стол, Керстин с интересом посмотрела на Фэй.

– Да, предложить услуги по выгулу собак. Похоже, в этом квартале в каждой семье есть собака. Предложу им погулять с их питомцами – пока думаю, чем мне заняться. Подзаработаю денег – быстро и просто. Потом посмотрю, что делать дальше. По крайней мере, у меня будет время подумать.

Керстин пристально разглядывала ее. Потом вернулась к своей газете.

– Попробуй обратиться в библиотеку в Далене, – посоветовала она.

* * *

Распечатав двадцать объявлений, Фэй развесила их на стратегически важных местах по всему Эншеде. Подумав о том, что сказала бы Алиса и ее подруги, если б увидели ее, она с радостью отметила, что ей плевать. Денег на абонемент в зал у нее не было, а вот постоянные прогулки с собаками обеспечили бы ей необходимый моцион, чтобы похудеть. Одновременно она зарабатывает денег – это ей точно понадобится, чтобы двигаться дальше.

Крис, не колеблясь, дала бы ей в долг, стоит ее только попросить. Но подруга и так столько для нее сделала... Теперь Фэй придется справляться самой, чтобы доказать себе и всем остальным, что она может. И впервые за долгие годы она преисполнилась боевого настроения. Прошлое в конечном итоге оказалось ресурсом – а не только кошмаром, заставлявшим ее просыпаться среди ночи в холодном поту с мыслью о Себастиане. Думать о своем отце Фэй по-прежнему отказывалась. Уж настолько она управляла собой.

Прибавила шагу, остановилась у столба перед виллой из желтого кирпича и достала рулон скотча, купленного в супермаркете.

На газоне во дворе виллы стоял батут, на котором прыгали две девочки в возрасте Жюльенны. Они смеялись и радостно вопили.

Фэй долго стояла, глядя на них.

Сколько раз им предстоит пережить обман и предательство? Крушение всех надежд? Впереди них – длинная цепочка подлостей со стороны мужчин. Чувство собственной неполноценности, когда о тебе судят лишь по твоей внешности, стремление всем понравиться и угодить – вот что объединяет женщин всех возрастов, во всех странах, во все времена.

И вдруг ее посетило озарение. Ведь это целая армия! Она лишь ждет сигнала к атаке. Большинство женщин – какими бы богатыми и успешными они ни были – хоть раз пережили предательство мужчины.

Почти у каждой есть бывший – изменник и лгун, обманщик, разбивший и растоптавший ее сердце. Или начальник, отдавший должность коллеге-мужчине, имеющему более низкую квалификацию. Пренебрежительные комментарии, липкие пальцы, хватающие тебя на корпоративах... Большинство женщин имеют боевые шрамы.

Однако они молчали. Стыскивали зубы. Проявляли великодушие. Демонстрировали понимание и прощали. Утешали детей, когда папа не пришел, хотя обещал. Заглаживали его грубость и бестактность в разговоре. Продолжали приглашать его родителей на дни рождения детей, хотя те встали при разводе на его сторону и радостно сообщали, какая у него замечательная новая жена. Потому что именно так поступают женщины. Они направляют свой гнев вовнутрь, на самих себя. Они не занимают места и не требуют справедливости. Приличные девочки не дерутся. Этому их учат с самого рождения. Женщины все принимают, сглаживают, несут ответственность за отношения, проглатывают обиды и умаляют себя почти до полного исчезновения.

Фэй – не первая женщина в истории человечества, которую унизил ее муж, с которой обошлись как с полной дурой, заменив ее на более молодую.

«Но теперь мы положим этому конец, – подумала Фэй. – Вместе мы – сила и больше не намерены молчать».

Едва Фэй переступила порог, как зазвонил ее телефон. В первый же вечер позвонили еще четыре владельца собак, чтобы спросить, есть ли у нее время выгулять их собак. Интуиция не подвела ее. На эту услугу есть спрос.

Из кухни на первом этаже доносился звон посуды. Фэй предложила приготовить ужин, но Керстин настояла, что сделает все сама. По крайней мере, она согласилась, что Фэй будет вносить в общий котел по две тысячи крон каждый месяц. Такое решение устроило их обеих.

Раскрыв ноутбук, Фэй создала файл в «Экселе» и набросала простой график своей деятельности. Уже завтра у нее запланировано два выгула. Она берет по сто двадцать крон в час. Покончив с графиком, Фэй зарегистрировала на свое имя фирму. Когда пора будет превращать ее в акционерное общество, у нее уже будет готовое название.

* * *

Дождь лил как из ведра, проникая под плащ, проникая везде. Фэй и вспомнить не могла, когда она в последний раз так промокала. Зорро и Альфред натягивали поводки – казалось, дождь их совершенно не беспокоит.

Если б несколько месяцев назад ей сказали, что она будет отмечать свой день рождения под проливным дождем вместе с двумя золотистыми ретриверами, она бы заподозрила, что ее собеседник сошел с ума.

Но в жизни случаются неожиданные повороты. Теперь Фэй знала это, как никто другой.

В последние недели она завела себе новый режим дня. Каждое утро вставала в половине шестого, принимала душ, завтракала вареным яйцом и икрой из тюбика и отправлялась на работу. Вместо двух прогулок в день вскоре у нее стало уже восемь – некоторые хозяева просили ее выгуливать их собак дважды в день. Керстин не возражала, когда ее жиличка иногда вечерами подрабатывала собачьей няней.

Фэй чихнула. Так хотелось поскорее прийти домой и залезть в горячую ванну – как она всегда делала после последней прогулки...

– Ну, хватит, мальчики, пора по домам, – сказала она собакам, когда небеса разверзлись и дождь превратился в ливень.

Вернув собак их хозяйке, госпоже Лённберг, Фэй поспешила домой. Давно она так не уставала.

Осторожно открыв входную дверь, чтобы не потревожить Керстин, которая в это время обычно сидела и читала, Фэй медленно поднялась вверх по лестнице и обнаружила, что ванна уже готова. На раковине стояла вазочка с цветами из сада.

Позади нее появилась Керстин.

– Спасибо, – прошептала Фэй.

– Я подумала, что тебе это нужно, – ответила та. – Послушай... Я купила тебе подарок. Он лежит на кухонном столе.

– Откуда ты узнала?

– Что у тебя сегодня день рождения? Это записано в договоре. Я, конечно, старая, но не слепая. А теперь полезай в ванну.

Когда Фэй вылезла из ванны, в животе у нее урчало от голода.

Спустившись вниз по лестнице, она открыла холодильник, достала несколько вареных яиц, нарезала их и выдавила сверху икру из тюбика. Села за стол с бутербродами на маленькой тарелочке и открыла зеленый пакет.

Это были кроссовки «Найк».

У Фэй на глаза навернулись слезы.

Надев кроссовки, она прошла по гостиной. Они были такие мягкие, так прекрасно сидели на ноге... Остановившись у двери в спальню Керстин, Фэй увидела свет под дверью и постучала.

Хозяйка лежала на постели с книгой в руках. Фэй присела на край и подняла ногу, чтобы показать ей кроссовки.

– Подошли идеально, спасибо большое.

Керстин захлопнула книгу и положила себе на живот.

– Я не рассказывала тебе, как познакомилась с Рагнармом?

Фэй покачала головой.

– Я работала у него секретаршей. Он был женат, на десять лет меня старше – директор и миллионер, с такой улыбкой, что я от нее чуть в обморок не падала. Приглашал меня на обед, дарил цветы, осыпал комплиментами...

Она сделала паузу и провела рукой по одеялу.

– Я влюбилась. Он тоже увлекся мною. В конце концов развелся с женой, она взяла детей и съехала с их виллы. А вместо нее туда въехала я. Уволилась с работы. Целыми днями играла в теннис, вела хозяйство и заботилась о Рагнарме. Летом мы путешествовали – ездили в Испанию, в Грецию. Целый год провели в США. Прошло четыре года. Пять. Шесть. Мне даже не хватало ума понять, как мне должно быть стыдно перед его бывшей женой. Я не решалась ничего сказать, когда видела, как он обращается с ней и с детьми. Напротив – меня радовало, что не приходится его ни с кем делить. Убеждала себя, что они это заслужили – потому что никогда не любили его так, как я...

Она провела языком по губам.

– А потом потихоньку началось такое! Мрак. Насилие. В первый раз я восприняла это как отдельный эпизод. Рагнарм извинялся. Оправдывался. И я с готовностью принимала все оправдания. Между тем ситуация потихоньку ухудшалась. А я не могла из всего этого выбраться. Не спрашивай меня, почему, – я и сама не знаю.

Керстин кашлянула в кулак.

– У меня не хватило смелости уйти, – продолжала она. В ее голосе слышались и сила, и слабость. – Хотя ненавидела его всеми фибрами души. С его изменами я давно примирилась. Это были мелочи по сравнению с теми следами, которые оставляли на моем теле его побои. И с тем, что он у меня отнял. Мы... я ждала ребенка. Но он избил меня, так что у меня случился выкидыш. После этого я желала ему смерти. Каждую секунду я мечтаю о том, чтобы он умер. Перестал дышать. Когда с ним случился удар, сперва я решила вообще не вызывать «Скорую». Сидела и смотрела, как он корчится на полу. Его глаза умоляли о помощи. Меня радовало видеть его таким слабым, зависимым от меня. Я думала оставить его умирать, но в дверь позвонил сосед, слышавший его крики. Мне пришлось открыть дверь и в конце концов вызвать «Скорую». Роль жены в шоке я сыграла великолепно, но когда Рагнара клали на носилках в машину, я увидела по его глазам, что он все понял. Он убьет меня, если снова поправится.

Ожидала ли Керстин, что Фэй будет шокирована ее рассказом? Сейчас ее уже невозможно удивить грубостью со стороны мужчин.

Керстин поправила выбившуюся седую прядь.

– Я знаю, кто ты такая, – сказала она. – И примерно представляю себе, что случилось. Ты была замужем за Яком Адельхеймом.

Фэй кивнула.

Керстин пощипала одеяло, потом подняла глаза на нее.

– Догадываюсь, что ты что-то затеваешь... Видела, как ты сидишь с блокнотами, составляя схемы на будущее. Скажи, что я должна делать, – и я помогу тебе.

Сидя на краю кровати, Фэй рассматривала свою хозяйку. Ее история потрясала. Да, Керстин тоже выпало на долю немало страданий. Однако можно ли ей доверять? Понимая, что она зависима от посторонней помощи, Фэй решила положиться на сестринскую солидарность. Впрочем, это не означает, что стоит полагаться на всех женщин. Такой наивностью Фэй не отличалась. Но ненависть в голосе старой женщины напомнила ей о ее собственном мраке. Закрыв на мгновение глаза, словно собираясь броситься в воду, она поделилась с Керстин своим планом. Он сформировался за долгие часы прогулок с собаками по кварталу, когда ничто не мешало ей продумывать свою стратегию.

Керстин слушала и кивала, порой улыбалась.

– У меня есть организаторские способности. Я тебе очень пригожусь, – проговорила она сухо и деловито.

Затем взяла свою книгу и вернулась к чтению. Фэй восприняла это как сигнал, что ей пора идти к себе.

Процесс запущен. Назад дороги нет. И теперь она не одна.

При помощи Керстин Фэй начала расширяться. Месяц проходил за месяцем, фирма росла. Они взяли двух женщин на почасовую работу, стали принимать заявки от тех, кто жил в других кварталах, перестроили подвал, чтобы иметь возможность брать собак к себе на ночь.

Керстин помогала Фэй с административными вопросами. Она оказалась просто чудом эффективности, и с ее помощью доходы начали расти. Все, забытое за годы жизни домохозяйкой, Фэй восстанавливала, находя информацию в Интернете. Чтобы наработать необходимый капитал, требовалось время. Фэй поставила цель – двести тысяч, но заставляла себя набраться терпения. Ясное дело, это не произойдет за один день.

Разумеется, ей не удалось бы создать капитал за счет доходов от выгула собак, однако она вкладывала каждую заработанную крону в ценные бумаги. Читая финансовые газеты и пристально следя за новостями, постоянно была в курсе того, что происходит, и использовала эти знания для своих инвестиций. У нее был природный талант к экономике, однако Фэй избегала рискованных предприятий. Капитал медленно, но верно рос.

С тех пор как Як сообщил ей о разводе, она похудела на пятнадцать килограмм. Не то чтобы это ее сильно волновало, но Фэй знала слабые стороны Яка. Слабые стороны мужчин. Стать стройной – это было важным шагом в реализации ее плана.

Вся одежда висела на ней мешком, и Керстин пришлось пробить пару дополнительных дырок в поясе на ее джинсах. Фэй лишь смеялась, когда ее хозяйка говорила, что она заслужила себе пару новых нарядов. Ни за что на свете. Пока не скопила двести тысяч, она ни кроны не потратит на всякие глупости.

С тех пор как Фэй переехала к Керстин, Жюльенна проводила у нее каждую вторую неделю, но теперь, похоже, Ильва Лендорф устала играть в дочки-матери. А то, что Як не желал общаться с дочерью

больше необходимого минимума, уже было известно. Поначалу он строил преграды в общении Фэй с дочерью лишь для того, чтобы еще больше унижить бывшую жену. Но теперь он все чаще звонил и спрашивал, готова ли она забрать Жюльенну.

Керстин была счастлива, когда в доме появлялся ребенок. Она делала для девочки все и с удовольствием отвозила ее утром в детский сад.

Фэй с Керстин по очереди занимались Жюльенной. Как маленькая семья. Когда Фэй спрашивала, не слишком ли много времени отнимает у нее девочка, Керстин смотрела на нее как на сумасшедшую.

– Твоя дочь – тот ребенок, о котором я всю жизнь мечтала. Я только рада, что не одна теперь, – сказала она, указывая на гостиную, где Жюльенна рисовала, сидя на ковре. – Это чудо, это просто ангел! Я с ужасом думаю о том дне, когда вы уедете от меня.

Фэй с удивлением отметила, что и она – тоже.

* * *

Августовское солнце светило над головами Фэй и Крис, когда они прогуливались по Эншеде с тремя собаками: карликовым шнауцером и двумя золотистыми ретриверами. К удивлению обеих, Крис, всегда ненавидевшая животных, вела на поводке шнауцера по кличке Лудде.

– Надо мне тоже себе такого завести, – сказала она, кивая на пса. – Тогда я перестану искать мужчину, с которым можно прожить жизнь.

– Неплохая идея. Теперь, когда у меня есть с чем сравнивать, могу сказать, что я предпочитаю собак мужчинам семь дней в неделю.

– Кстати, о птичках... Как дела? Вид у тебя такой, словно ты всем довольна.

– Да, так и есть.

– Я рада видеть тебя в подобном настроении, хотя и понимаю, что ты не планируешь выгуливать собак до конца своих дней. Подумать только, как на пользу пошли тебе эти месяцы без этого уroda...

Фэй смотрела, как один из золотистых ретриверов госпожи Лённберг задирает ногу у столба.

– У меня к тебе деловое предложение, – ответила она. – Возможность для инвестиций.

– Вот как? Давай выкладывай.

– Не здесь и не так. – Фэй кивнула на пса с текущими слюнями, резво бежавшего к шнауцеру. Потянула за поводок, чтобы развести их. – У тебя найдется время поужинать со мной в выходные? Хочу показать тебе свой бизнес-план.

– Да. Но с одним условием.

– С каким же?

– Потом мы пойдем в бар. Выпьем, поболтаем, подцепим кого-нибудь... Я забронирую столик. И я угощаю. От тебя требуется лишь одно – прийти со своим бизнес-планом и той замечательной улыбкой, которой мне так не хватало. А на свое новое тело надень что-нибудь облегающее. Если у тебя ничего нет, я тебе одолжу. Пошлю тебе с курьером. Пора стряхнуть с себя пыль. А то скоро понадобится открывашка для консервов, чтобы забраться тебе между ног... Ты знаешь, что там все может зарости, если этим не пользоваться?

Крис ухмыльнулась, а Фэй заулыбалась. Пойти в бар с Крис – от такого предложения она не могла отказаться. Наконец-то можно снова начать жить полноценной жизнью.

Когда Як – как всегда, в последний момент – позвонил и спросил, может ли она забрать к себе Жюльенну на выходные, Фэй впервые ответила отказом.

– Но почему?

– Мы с Крис собирались погулять.

– Но мы с Ильвой уезжаем. Мы забронировали номер в «Сеглар-отеле» в Сандхамне.

– Как удачно! Там прекрасное детское меню.

– Но...

– Никаких «но», Як. Мне очень жаль, но ты не можешь позвонить мне в пятницу утром и попросить меня отказаться от планов на выходные. Хорошо вам повеселиться в Сандхамне.

Не слушая его протестов, она положила трубку.

* * *

Метрдотель в «Театральном погребке» любезно кивнул ей и провел к столику. Идя через зал, Фэй ощущала спиной любопытные

взгляды. На ней было короткое черное платье, облегающее в талии, и высоченные каблуки – и то, и другое она взяла напрокат у Крис. Волосы были распущены. Давно Фэй не чувствовала себя такой привлекательной.

Крис встала и театрально захлопала в ладоши. Старички в двубортных костюмах с толстыми животами уставились на них, оторвавшись от гусиной печени и устриц.

– Боже мой, ты потрясающе выглядишь!

– Да и ты неплохо, – ответила Фэй, проводя рукой по ее серебристому платью с пайетками.

– «Шанель», – сказала Крис и уселась. – Поскольку задумка была соединить приятное с полезным, давай поговорим о бизнесе. Ибо потом я хочу спокойно выпить, не рискуя быть втянутой в твою авантюру. Никогда не принимала хороших решений под влиянием большой дозы алкоголя. Веселые решения принимала. А вот хороших – нет.

Фэй села напротив Крис в круглом кабинете с красными бархатными диванчиками. Официант налил ей вина, пока она доставала бумажку со своим планом.

– Вот. – Через стол пододвинула ее к Крис.

Та взяла бумажку и прочла единственное слово, которое было на ней написано: «Ревендж»^[16]. И расхохоталась.

– Какого черта?

– Помнишь, что ты говорила, когда предлагала мне работать у тебя? Ты сказала, что я понимаю женщин. В последние месяцы я много анализировала их потребности и желания. И знаешь, чего они хотят? Отомстить. За всех наших сестер, которым эти идиоты сломали жизнь, – всем неверным мужьям, которые выкинули нас, найдя себе молодых. Всем парням и мужикам, которые использовали нас, унижали нас и обманывали.

Крис смотрела на нее с довольной улыбкой.

– И как же ты собираешься мстить? – спросила она, попивая свое шампанское.

Богатая и умная женщина. Опасное сочетание.

– Я покажу Яку, что умнее его, – отниму у него его фирму. Этого я планирую достичь, построив свою империю. Вместе с другими женщинами. Ты когда-нибудь думала обо всех тех потрясающих

женщинах-предпринимателях, которыми так богата наша страна? Женщинах, владеющих универсамами, рекламными бюро и финансовыми корпорациями? Пусть их пока, увы, очень мало, но они есть и все больше набирают силу. Я создам бизнес-модель, где мне принадлежит пятьдесят один процент акций, а остальные сорок девять продам инвесторам. Приглашу сорок девять деловых женщин и предложу им по одному проценту каждой. С каждой я встречу лично, расскажу свою историю, выслушаю их рассказ – и уговорю их инвестировать в мое дело. Но важнее всего – социальные сети. Каждая будет давать ссылку на мой линк «Ревендж» в своем блоге или Инстаграме, потому что они сделали на меня ставку. Так мне легко удастся создать нечто вполне жизнеспособное.

– Но что же ты собираешься продавать?

Крис помахала официанту, показывая, чтобы тот налил ей еще шампанского. Ее бокал опустел за три глотка. Группа бизнесменов в соседнем кабинете начала кидать на них жадные взгляды, но Крис повернулась к ним спиной.

– Косметику и духи, – ответила Фэй.

Подруга медленно кивнула, но вид у нее оставался скептическим.

– Суровый рынок, – сухо ответила она. – Ниша заполнена и переполнена. Конкуренция жесточайшая. К тому же такой бизнес требует больших инвестиций и капитала – в первую очередь, на маркетинг и рекламу. Риск огромный.

– Да. Все, что ты говоришь, мне хорошо известно. Возможно, все пойдет прахом. Но я не думаю. А спросить я тебя хотела вот о чем – не желаешь ли ты стать той, которая купит первый процент в моем деле?

– Во сколько мне это обойдется?

– В сто тысяч крон.

– Где подписать?

Крис подняла бокал, взглянув на официанта, который наполнил его до краев. Фэй тоже подняла свой. Она знала, что Крис все сразу поймет. С первым – самым простым – процентом все ясно. Осталось всего-навсего сорок восемь сложных.

Поужинав, они попросили метрдотеля устроить им столик в «Риш». Их провели туда через кухню – тайной тропой, известной лишь посвященным. Яркое освещение, указания поваров через окошко, звон посуды, топот бегущих ног.

В «Риш», как обычно, яблоку негде было упасть. Крис тут же заказала бутылку кавы. К этому моменту они слишком захмелели, чтобы пить шампанское. Это была бессмысленная трата денег, к тому же Фэй предпочитала шампанскому каву и просекко. С закрытыми глазами она бы, пожалуй, и не заметила разницы.

Возле бара толпилась пьяная, покачивающаяся человеческая масса. Большинство было на несколько лет старше ее. Ничего удивительного, что это место называли болотом для разведенных. Это был своеобразный брачный рынок для повторно холостых людей среднего возраста. Впрочем, размер кошелька здесь значил больше, чем размер мужского достоинства. А женщины, переборщившие с ботоксом, по-прежнему отчаянно цеплялись за иллюзию, что при нужном освещении все еще могут выглядеть на двадцать.

Бутылку подали в ведерке со льдом, и Фэй подняла бокал.

– За свободу! – провозгласила она и почувствовала, что это прозвучало торжественнее, чем она ожидала.

Алкоголь снизил ее способность отбрасывать банальное.

Но тут Крис серьезно посмотрела ей в глаза.

– Да, тебе понадобилось всего несколько лет, чтобы оценить это, – проговорила она. – Но теперь ты свободна. Выпьем за Яка! Храни его Господь!

И она захихикала.

– Как ты думаешь, у меня получится? – спросила Фэй, отставляя бокал. – С «Ревендж»?

– Мне кажется, первая фаза, когда ты будешь искать инвесторов, – самая легкая. Как ты и говорила, все мы были обмануты тем или иным образом. Все мы мечтаем отомстить и узнаём себя в твоём послые – это гениальный рекламный трюк. Месть будет продаваться.

Крис с ухмылкой опустошила свой бокал. Официант проворно подскочил и подлил ей еще. Здесь привыкли иметь дело с женщинами, испытывающими жажду.

– На все это уйдут годы. Может быть, это безумие? То, что я готова потратить столько времени, чтобы отомстить? – На мгновение Фэй охватили сомнения.

– Нет. Вовсе нет – учитывая, что он с тобой сделал. Неужели тебя начинает мучить совесть?

Фэй не успела ответить – Крис продолжала, поднимая бокал:

– Не забывай, что ты помогла им создать «Компэр». Без тебя у Яка с Хенриком ничего не вышло бы. Люди разводятся, так случается, но оставить свою спутницу жизни и мать своего ребенка без гроша – это подлость. Особенно после всего, что ты для него сделала, всего того, что тебе пришлось вытерпеть. И я имею в виду – не только после того, как вы разъехались.

– Ты права. Я знаю, что ты права.

– Мужчина на твоём месте не колебался бы ни секунды. Просто взял бы и попер вперед.

В этот момент кто-то остановился у их столика. Фэй перевела взгляд вверх. Парень лет двадцати пяти не сводил с нее глаз. На нем были облегающая черная футболка и темные брюки. Руки в татуировках. Бритая голова, чувственные губы. Он был невыносимо хорош. Как молодой Як.

– Простите, что помешал, – проговорил он, – но нам с приятелями надоело стоять в баре и тусоваться с другими лузерами. Позволено ли нам искать убежища за вашим столиком? Или, по крайней мере, временного вида на жительство?

Двое парней, стоявших за его спиной, помахали им.

– Минутку, – ответила Крис.

– Да-да, я подожду, – проговорил он и отошел к своим друзьям.

Она рассмеялась.

– Ну, что скажешь?

Фэй пожала плечами.

– Почему бы и нет?

– Потому что всего несколько месяцев назад ты устыдилась бы сидеть в ресторане с красивыми молодыми парнями.

– Тогда я была замужем. Кроме того, мужчины всегда охотно общаются с молодыми женщинами, и им ни капельки не стыдно. Пора и нам тоже, и...

Она смолкла, встретившись взглядом с Алисой. Та сидела с компанией в нескольких столиках от них. Увидев, что Фэй заметила ее, тотчас же отвела глаза.

– Давай, приглашай их, повеселимся, – сказала Фэй и залпом допила свой бокал.

Она буквально чувствовала, как Алиса жжет ее взглядом, когда ей тут же подлили еще. Компания Алисы зашептала.

Заказав еще две бутылки кавы, Крис подвинулась, чтобы освободить место парням. Все трое оказались большеглазыми, приятными и воспитанными. Фэй подумала, что мужчины этого поколения не такие, как поколение Яка. Их не пугают успешные женщины. Они вели беседу с вежливым любопытством, расспрашивали Крис о ее бизнесе, выражая восхищение тем, что ей удалось создать.

Одновременно Фэй почувствовала, как это чудесно – когда тебя окружают молодые красивые люди. Тут и без вина опьянеешь.

Разговор катился без пауз, скользил по поверхности. Этим парням, еще не отягощенным жизнью, все казалось простым и легким. Они безбожно флиртовали. Щеки у Фэй покраснелись – от вина и их комплиментов. Все время она ощущала, как Алиса и ее спутники следят за тем, что происходит за их столом. Никакой ботокс не мог скрыть ужас на их лицах. Еще вопрос, удастся ли им потом опустить брови на место.

Як разозлится, отругает ее, но он ничего не может ей сделать. Его больше не касается, что она делает и с кем. Эта мысль опьяняла ее еще больше, чем кава. И впервые за много месяцев она ощутила, как между ног стало горячо. Взяв за футболку парня, который первым подошел к их столику, она притянула его к себе и поцеловала. От соприкосновения с его языком внутри у нее стало горячо и влажно. Он положил руку ей на бедро, она же не спускала глаз с Алисы.

Поцелуй продолжался всего несколько секунд. Когда их губы вновь разомкнулись, она кивнула Алисе, потянулась к своему бокалу и подняла его, словно провозглашая тост. Несколько мгновений та сидела, уставившись на нее, но потом демонстративно повернулась к своему соседу по столу.

– Как тебя зовут? – спросила Фэй, обратив все свое внимание на парня в черной футболке.

В его глазах она читала, что он хочет ее, и, бросив взгляд вниз, заметила, что в брюках у него что-то топорщится. Ей пришлось сдержаться, чтобы не начать ласкать его тут же, под столом в «Риш». Вместо этого Фэй подалась вперед, давая парню возможность заглянуть в ее вырез. Она знала, что набухшие соски проступают под тонкой тканью. Крис, как обычно, убедил ее не надевать лифчик.

– Робин, – ответил он, не сводя глаз с ее груди. – Меня зовут Робин.

– А меня – Фэй. И я собираюсь пойти сегодня вечером к тебе домой.

Она потянулась вперед и снова поцеловала его.

* * *

Фэй проснулась с чудовищной мигренью. Когда она потянулась, в голове замелькали воспоминания вчерашнего дня. Ее рука уперлась в мускулистую руку, покрытую татуировками. Фэй поднялась, подошла к окну и выглянула наружу. Несколько высотных домов и парковка между ними. Небо казалось совершенно серым.

За ее спиной в кровати зашевелился хозяин татуированной руки. Роберт? Робин?

– Который час? – пробормотал он сонным голосом.

– Понятия не имею, – ответила Фэй. – Но мне наверняка уже пора.

В этой однокомнатной квартирке в Сольне она чувствовала себя не очень комфортно.

– Жаль.

Он потянулся на своем черном постельном белье, взглянул на нее преданными собачьими глазами. В голове у Фэй всплыли новые фрагменты воспоминаний прошедшей ночи. Боже, давно она не занималась сексом на односпальной кровати в крошечной квартирке со всеми холостяцкими атрибутами – стеклянный журнальный столик, черный кожаный диван, пальма юкка и обязательный набор бутылок из-под водки «Абсолют» на полочке... Казалось, молодые мужчины устояли перед всеми соблазнами моды.

– Вот как, тебе жаль? – проговорила она и огляделась в поисках своих вещей. – А чем ты собирался сегодня заняться?

– Да так, расслабиться. Посмотреть футбол.

– Расслабиться? – Фэй усмехнулась. – Увы, старой тетке расслабляться некогда. Мне пора домой.

– Какая же ты старая тетка? – Он улыбнулся мило и вместе с тем сексапильно. – Телефончик-то оставишь?

– Увы, солнышко. Все было чудесно. Но на мужчин в данный момент у меня просто нет времени.

В своем голосе она услышала невольную горечь. Вчерашний день казался таким далеким, в голове стучало от похмелья, язык прилип во рту...

Робин рассмеялся и кинул в нее подушкой. Фэй отскочила в сторону.

– Ты очень сексапильная, разве ты не знала? – спросил он.

Он поднялся с кровати – абсолютно голый. Кубики на животе обрисовывались так отчетливо... Фэй смотрела на него с нежностью. И забыла уже, как быстро молодые парни умеют перезаряжать свое ружье. Ночь терялась в тумане, но она помнила, что сбилась со счета, сколько раз он брал ее.

Робин шагнул к ней, и Фэй, улыбаясь, отступила к окну, почувствовав кожей холодное стекло. Он прижался к ней, стал целовать ее. Ляжками она ощущала его набухший член. Почувствовала, как все ее тело требует продолжения. Она села на подоконник. Его лицо двигалось вдоль ее тела – он кусал, целовал, щекотал ее. Бедро, живот, низ живота. Фэй громко застонала, обхватила его голову и направила себе между ног. Откинулась назад, позволив себе просто наслаждаться. Здесь ей не нужно никого ублажать. Робин был счастлив удовлетворить ее, его возбуждало ее наслаждение. Такого ей давно не приходилось испытывать.

Кончив, она погладила Робина по затылку и громко рассмеялась.

Настал новый этап в жизни – теперь ее черед получать удовольствие.

Сидя у окна, Фэй смотрела на проносящиеся мимо деревья. С эскизами в сумочке она ехала на поезде в Вестерос. Вчера передала всю работу по выгулу собак Керстин, а сама отправилась на встречу в фирму, занимавшуюся дизайном упаковки.

Ее продукция будет качественной, однако есть еще одно не менее важное слагаемое успеха. Социальные сети. Нужно стать заметной, выделиться в общем потоке, запомниться. А упаковка – легкий способ создать у людей желание приобрести ее товар, убедить ключевых лиц сделать рекламу ее продукции в своих новостях в Инстаграме и Фейсбуке. Продукция должна заставить потребителя почувствовать

себя избранным и к тому же прекрасно выглядеть на фото, снятых мобильным телефоном.

Фэй решила, что баночки для крема должны быть черными, а круглую крышечку украшать изящная буква R. Но упаковка – это не только внешний вид баночки. За ней должна стоять своя история. У всех успешных на рынке товаров теперь имеется своя история. Как у восьмичасового крема Элизабет Арден. Неважно, правда это или нет, но говорят, что она создала его, чтобы вылечить одну из своих скаковых лошадей, и что рана затянулась за восемь часов. Единственное, что имело значение, – хотят ли покупатели верить в ее историю. Хорошие истории любят все. А ей было что рассказать.

Пока поезд катился по бескрайним ландшафтам, Фэй испытывала огромное счастье. Именно об этом она мечтала всю жизнь – создать успешное предприятие с нуля. Эту мечту Як отнял у нее, и она даже не возражала. Когда он впервые ей изменил? Да и был ли хоть когда-то ей верен? Даже тогда, когда она была уверена, что он любит и желает ее...

Долгое время она ломала голову, почему Як предпочел ей такую деловую женщину, как Ильва, когда сам захотел, чтобы Фэй сидела дома, – однако постепенно ей становилось все яснее, что для мужчин вроде Яка важнее всего сам процесс охоты. Им все время нужны новые развлечения и игрушки.

К тому же она поняла, что он наслаждался своей властью – тем, что мог переделать ее, заставить ее отказаться от самой себя.

Больше она никогда не позволит мужчине властвовать над ней.

Когда Фэй сошла с поезда в Вестеросе, накрапывал унылый дождик. Разыскав такси, она села в него и назвала водителю адрес. Вестерос был куда больше Фьельбаки, однако местные люди почему-то заставили ее вспомнить родной город. Раньше Фэй всегда отгоняла от себя подобные воспоминания. Но после потрясений последних месяцев что-то изменилось. Перед глазами то и дело вставали лица людей из ее детства и юности. Взгляд папы, когда что-то было ему не по нраву. Мрачное лицо Себастиана. Несчастье, потрясшее весь поселок. Бледные руки мамы и ее громкие рыдания. Глаза одноклассников после того, что произошло потом, – соболезирующие, любопытные, навязчивые.

Все это Фэй оставила позади. Но сможет ли она когда-нибудь освободиться от прошлого?

Пока она предавалась воспоминаниям, машина остановилась. Водитель обернулся к ней. Его губы шевелились, но Фэй не разбирала слов.

– По карте или наличными?

– По карте, – ответила она и стала рыться в сумочке, ища бумажник.

Когда Фэй вышла из машины, перед ней возвышалось бежевое здание фабрики. Дождь почти перестал, но маленькие холодные капли то и дело капали с неба. Открыв входную дверь, Фэй вошла в холл. Рыжая курчавая девушка за стойкой подняла на нее глаза.

– Добро пожаловать, – проговорила она, но это звучало так, словно она хотела сказать: «Пожалуйста, заберите меня отсюда». Когда Фэй вошла, девушка была занята тем, что подпиливала ногти.

– У меня назначена встреча с Луизой Видерстрём Берг.

Администратор кивнула, что-то набрала в компьютере.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – она указала на диванчик у окна. – Кофе?

Фэй покачала головой. На подоконнике позади диванчика лежала стопка глянцевого журналов. Она перелистала номер трехнедельной давности. Если верить статье, Йон Дескентис порвал отношения со своей девушкой. Фэй внимательно изучила фотографию. Это была та самая женщина, которую Фэй видела с ним в «Риш», – ее звали Сюсанна Лунд. Журналист утверждал, что она певица и фотомодель.

– Со мной не так-то легко ужиться, – пояснял Йон.

«А с кем легко?» – подумала Фэй, разом вспомнив их нелепые, отчаянные объятия в кинозале. Грязь и отвращение. Тогда она считала, что это – единственное, чего она заслуживает. Сейчас же жалела, что не рассказала обо всем Яку, не бросила это ему в лицо. Несколько раз она почти открывала рот, но каждый раз останавливалась, боясь, что его реакцией станет лишь равнодушие.

В коридоре послышались шаги. К ней приближалась женщина в брюках и блузке. Держалась она прохладно, взгляд внимательно изучал Фэй от макушки до пяток.

– Луиза Видестрём Берг, – представилась женщина и протянула вялую и слегка влажную ладонь.

– Фэй. Фэй Адельхейм.

Едва они вошли в кабинет, как у нее зазвонил телефон.

Это был Як. По всей видимости, он хотел отругать ее за выходку в «Риш». Сбросив его, Фэй достала свои эскизы. Рисовать она не умела, но Крис помогала ей на первых порах, пока они не привлекли профессиональных дизайнеров. Луиза села за письменный стол, а Фэй опустила на стул для посетителей.

– Никаких проблем, – проговорила Луиза, нацепляя на нос очки для чтения. – Небольшой развлекательный проект?

– В каком смысле?

– Само собой, я знаю, кто вы такая. Я предполагаю, что вам это нужно для какого-нибудь праздника или что-то в этом роде?

Фэй сделала глубокий вдох.

– Я хочу заказать партию в тридцать тысяч штук каждой из этих трех упаковок, которые вы видите на эскизах. Вы возьметесь это сделать или мне обратиться к кому-нибудь другому?

Луиза поджала губы.

– Тридцать тысяч? Вот таких? Полагаю, вы представите мне гарантии? Видите ли, рынок для продукции такого рода уже давно перенасыщен, и мы не можем позволить себе вкладывать деньги в то, за что нам потом не заплатят, – надеюсь, вы это понимаете. Если б вы по-прежнему были замужем, тогда другое дело. Як Адельхейм – отличный гарант платежа, но теперь, насколько я понимаю, ваши пути разошлись...

– Вы не читали описание моей концепции? То, которое я прислала вам по электронной почте? Вы не понимаете уникальности того, что я намерена предложить взыскательным клиентам?

Фэй почувствовала, как шея у нее пошла красными пятнами.

Луиза Видерстрём Берг фыркнула и сняла очки, снисходительно улыбнувшись Фэй.

– Да-да, но, как я уже сказала, мне показалось, что речь идет о каком-то празднике или мероприятии. Я знаю, какую жизнь ведете вы, жены богатых мужей с Эстермальма, – мы, прочие смертные, живем в другой реальности. Честно говоря, мне кажется, что идея продвигать на рынок новый товарный знак, строящийся на своего рода женском реванше, совершенно оторвана от жизни. Вы, жители больших городов, можете себе это позволить. Здесь же, в провинции, женщины

остаются женщинами, а мужчины – мужчинами. Нет, я не намерена рисковать и запускать эти упаковки в производство, чтобы потом гоняться за вами, пытаюсь вернуть свои деньги через суд.

Она рассмеялась, и Фэй поднялась. В висках у нее стучало.

– У меня достаточно капитала, чтобы разом оплатить весь заказ. Вы могли бы получить эти деньги на свой счет прямо завтра. И если все пойдет так, как я думаю, это могло бы стать для вашего предприятия надежным источником доходов. Возможно, этого хватило бы на пару чудесных поездок в год для вас и вашей семьи. Или на уютную дачу у озера. Или о чем вы там еще мечтаете. Но теперь я обращаюсь в другое место. И оплачу кому-то другому дачу или поездку на Мальдивы. И можете не сомневаться – я попрошу их прислать оттуда открытку.

Развернувшись на каблуках, Фэй вышла вон, ощущая, как Луиза сверлит ей спину взглядом.

* * *

Двадцать пропущенных звонков от Яка – однако Фэй позвонила ему лишь тогда, когда поезд стал набирать скорость, выезжая из Вестероса. После долгого вступления в стиле «Что ты себе позволяешь, черт возьми?» он прочел ей целую лекцию о недопустимости общения с получателями социального пособия на глазах у общественности.

– А что, собственно говоря, тебя так возмущает? – спросила Фэй, когда он остановился, чтобы перевести дух.

Раздражение и фрустрация после неудачной встречи еще не отпустили.

За окнами все быстрее проносились пейзажи. Злость Яка не вызывала у нее никаких чувств. Закрыв глаза, Фэй вспомнила ночь, проведенную с Робинотом. В конце концов она все же опрометчиво согласилась дать ему свой номер, и теперь в телефоне у нее было пять сообщений от него с описанием того, чем он хотел бы с ней заняться. Голос Яка прорвался сквозь ее фантазии, и она раздраженно открыла глаза. Бывший муж продолжал читать ей нотации визгливым

дребезжащим голосом. Словно ребенок, лишившийся любимой игрушки.

– Ты сидишь в «Риш» и целуешься с каким-то парнем, который годится тебе в сыновья. У всех на глазах. Ты бросаешь тень на мою репутацию.

– А, так ты о Робине? Ему двадцать пять. А мне тридцать два. Стало быть, когда он родился, мне было семь лет. Ты любишь цифры, Як, так что ты скажешь о таком факте – между тобой и Ильвой Лендорф разница в возрасте больше, чем между мною и Робинотом?

– Да ведь это, черт подери, разные вещи!

– Почему это? Любопытно, поясни.

– Я, по крайней мере, не веду себя как последняя шлюха в кабаке, забывая о репутации семьи.

– Нет, ты просто трахался с ней у меня за спиной в нашем доме, в нашей постели. И я, если честно, не очень понимаю, о какой семье ты говоришь, Як.

Он продолжал что-то бормотать. Уже не так напористо.

– Не смей так больше поступать.

– Я буду делать то, что считаю нужным. У тебя нет полномочий решать за меня, как мне жить, с кем спать и где. Пока, Як!

Она сбросила вызов и закрыла глаза. Ощутила, как язык Робина щекочет ей клитор. В телефоне звякнуло. Еще одна эсэмэска от Робина. Поколебавшись, Фэй настрочила ответ: *«Еду из Вестероса. Буду у тебя через пару часов. Кто же откажется от такого приглашения?»*

* * *

Фэй отпила глоток вина. Она ощущала на себе любопытные взгляды посетителей ресторана «Стюрехоф», но не обращала на них внимания. «Пусть поломают голову, что произошло между мной и Яком. Пусть почешут языками. Настанет день, когда я им всем покажу».

В очередной раз бросила взгляд на часы. София Дюваль сильно задерживалась.

Для того чтобы найти новых партнеров – теперь, когда Луиза Видестрём Берг отказалась участвовать, – ей надо было показать, что у нее есть инвесторы. Надежные инвесторы, не только готовые вложить капитал, но и способные помочь в распространении мифа о «Ревендж».

С Софией Дюваль Фэй не раз общалась вместе с Яком. Та всегда держалась с ней сердечно и идеально подходила на роль первого инвестора – после Крис. В деловом мире она высоко котировалась – молодая, привлекательная, всегда желанная добыча для прессы. Это была женщина, все время порождавшая газетные заголовки – постоянно появлялась с новым мужчиной, ведя разговоры о новых инвестициях.

Ей София никогда не нравилась, однако сейчас речь шла о бизнесе, и Фэй была убеждена, что ей удастся показать Софии, как выгодно инвестировать в «Ревендж».

Она уже успела допить первый бокал, когда в зал вошла София.

– Пожалуйста, бокал шампанского. И сегодня мне, пожалуй, подойдет тарелка даров моря, – заявила она, садясь и даже не взглянув на официанта. Откинув свои темные волосы, повернулась к Фэй. – Как приятно, что ты позвонила! Кажется, мы виделись на пятидесятилетии «Оскара» в Каннах?

Не успела Фэй и слова вставить, как София обернулась и хлопнула в ладоши, привлекая внимание официанта.

– Почему нужно так много времени, чтобы принести бокал шампанского? – строго сказала она, недовольно глядя на него, уже бежавшего к ней с бокалом и бутылкой. – Вероятно, для шампанского еще рановато, но я только что из Гонконга, так что я все еще живу по гонконгскому времени.

Слушая звонкий смех Софии, Фэй вздохнула про себя. Лишь бы она согласилась вложиться в ее бизнес – и пусть ведет себя так вызывающе, как только захочет.

Тарелку даров моря подали одновременно с блюдом из арктического гольца, которое заказала Фэй.

– Боже, какой волшебный вкус! – воскликнула София, с наслаждением выхлебывая устрицу. – Лучше секса, по моему мнению.

Она отпила большой глоток из своего бокала шампанского – уже третьего по счету – и взглянула на Фэй.

– Ну, рассказывай, дорогая, как у тебя дела? Ты нашла свое место в жизни? Развод – это невесело; об этом мне известно, как никому другому. На прошлые выходные я встретила с Яком и Ильвой в Бостаде – они так милы... Насколько я понимаю, малышка Жюльенна – совершеннейшее чудо. Да, они были огорчены, что с тобой не удалось договориться, чтобы взять ее с собой.

Она вытерла рот льняной салфеткой.

– Если тебе нужен мой совет, могу сказать, что в таких ситуациях надо думать о благе ребенка, как бы ты сама ни была огорчена и обижена. – София положила ладонь на руку Фэй. – Благополучие наших детей – самое главное, не так ли?

Фэй несколько раз с усилием вздохнула, чтобы не показать своего разочарования. Те выходные Жюльенна должна была провести у Яка, но за три часа до назначенного часа тот прислал эсэмэску, что не сможет забрать дочь из-за внезапной командировки.

Она улыбнулась Софии. Главное – видеть перед собой целостную картину, привлечь деньги и инвесторов.

– Спасибо, София, – проговорила Фэй и наклонилась, чтобы достать папку со своим проектом «Ревендж».

Но та отмахнулась и потянулась за половинкой омара.

– Давай сначала перекусим, а о делах поговорим потом.

Фэй снова убрала папку в сумочку и нехотя положила в рот кусочек своей рыбы. Аппетит начал пропадать, в то время как София целиком отдалась еде, облизывая пальцы и то и дело громко восклицая: «Приве-е-е-т, дорогая!», заметив кого-нибудь из знакомых.

Понадобилось еще два бокала шампанского, прежде чем блюдо было съедено и она с довольным видом откинулась на спинку стула.

– Ну, что скажешь, поговорим о делах? – спросила Фэй и снова потянулась за своей папкой.

– Само собой, дорогая, – ответила София. Но тут она бросила взгляд на свои часики. – О боже, уже так поздно? Опаздываю на следующую встречу. Дорогая! Так приятно было тебя повидать! Придется нам переговорить в другой раз. Позвони моему секретарю, он тебя запишет. Но учти, что это будет не раньше чем через три недели, – в ближайшее время я еду в Париж, Лондон, Нью-Йорк и Дубай! Приходится буквально жить в VIP-зале в Арланде!

Еще один резкий смешок – и она исчезла.

Фэй сидела, утратив дар речи. Со счетом, равным ее расходам за неделю.

* * *

Поначалу Фэй не могла определить, почему ощущает такую пустоту в груди. Потом поняла. Это называется отчаяние. Впервые она ощущала глубокое, непобедимое отчаяние.

Рядом с ней спокойно посапывала Жюльенна. Ее ресницы веером лежали на щеках, лицо было спокойно и расслабленно, порой она чуть морщила нос во сне. Точно с таким же выражением лица дочка спала в своей колыбельке еще младенцем. Тогда Фэй смеялась, глядя на нее, говорила, что она похожа на крольчонка, который морщит нос. Но сейчас сил хватило лишь на слабую улыбку. Она устала до глубины души – встречи с Луизой и Софией выжали из нее все соки.

Трудно сказать, чего же она ожидала. Само собой, Фэй и не рассчитывала на то, что все женщины автоматически поймут, что она хочет сделать, что желает сказать, – только потому, что они женщины. Но, как бы это ни было наивно, она на это все же надеялась. Сейчас Фэй не знала, как восстановить силы. Впереди – самая важная встреча. А что, если и она закончится провалом? Тогда все рухнет. Ей не удастся совершить намеченное. Як пойдет по жизни дальше, не заплатив за свое предательство. От этой мысли по всему телу разлился жар.

Ее размышления прервали звуки из кухни, где возилась Керстин, готовившая ужин. Сегодня вечером она опять взяла дело в свои руки, и Фэй предполагала, что та приготовит одно из ее любимых блюд. Скорее всего, голубцы.

Жюльенна уже поужинала перед сном, и Керстин хотела, чтобы они с Фэй могли спокойно поговорить, сидя за столом вдвоем. Еще раньше вечером, войдя в дом, Фэй почувствовала себя как сдутый шарик. Обычно Керстин удавалось ее подбодрить, но сегодня вечером, похоже, ее ждет поражение. Фэй чувствовала, как сомнения раздирают ее, липнут к телу клейкой смолой.

Жюльенна тревожно заворочалась во сне. Нечасто они спали в одной постели, но сегодня Фэй хотела, чтобы дочь была рядом. Она

поужинает с Керстин, поговорит о том, что случилось, а потом осторожно ляжет в постель рядом с Жюльенной и заснет, слушая ее дыхание. Она смотрела на дочь, мирно спавшую в белой ночной рубашке с единорогом, потом осторожно положила свободную руку ей на грудь и ощутила биение сердца. Тук. Тук-тук. Тук-тук. Постепенно ее собственное сердце подстроилось и начало биться в том же ритме. От этого мысли в голове прояснились. В кухне Керстин гремела кастрюлями и сковородками. Запах еды достиг спальни, и Фэй услышала, как у нее урчит в животе. Она снова прислушалась к ритмичному сердцебиению дочери. Тук. Тук-тук. Тук-тук. Отчаяние и фрустрация после неудачных встреч потихоньку отступили. Пока не все пропало. Самая важная встреча впереди. И Фэй намерена выйти победительницей.

* * *

Она шагала по булыжной мостовой в сторону Бласиехольмена, осознавая, что нервничает. Встреча с Иреной Арнель – решающая. Через свою инвесторскую компанию «Арнель инвест» Ирена владела долей в трех крупнейших сетях универмагов в Швеции. Она могла не только инвестировать в «Ревендж», но и вывести продукцию на рынок через эти универмаги. Уже с самого начала Фэй знала, что от Ирены зависит, станет ли «Ревендж» успешным предприятием или останется одной из тысяч бесплодных попыток сделать бизнес на косметике и парфюмерии.

На самом деле, безумная идея – пытаться пробиться на этот рынок, один из самых сложных. Особенно для такого человека, как Фэй, не имеющего никакого опыта, которому не на что опереться в данной отрасли.

Хотя встречи с Луизой Видерстрём и Софией Дюваль не дали желаемого результата, успех Фэй в тысячи раз больше зависел от Ирены Арнель. При ее поддержке все становилось достижимым. В том числе и на международном рынке.

Фэй так подробно изучила биографию Ирены, что знала о ней все. Она выросла в Гётеборге в состоятельной семье, училась в Оксфорде и Йельском университете. Щедро выделяла средства на деятельность

женских организаций и поддерживала женщин-предпринимательниц. Обладала огромной сетью связей, протянувшейся по всей Европе и до Штатов. То, что Фэй вообще удалось получить аудиенцию, объяснялось, по всей видимости, тем, что Ирене было любопытно взглянуть на нее после всего, что писалось в газетах об их с Яком разводе.

Как бы то ни было, встреча назначена. Фэй было совершенно все равно, как и почему. Остальное зависит только от нее.

Фирма «Арнель инвест» располагалась на пятом этаже роскошного дома девятнадцатого века с потрясающим видом на воду. Фэй налили чашку кофе и провели в маленький конференц-зал.

Вокруг стола стояло шесть стульев. Фэй осталась стоять, не решив, куда следует сесть. Вступление она запланировала дерзкое. Осталось посмотреть, как отреагирует Ирена Арнель. Есть риск, что она сочтет это проявлением непрофессионализма. Однако встреча с Софией наглядно показала ей – нельзя позволять просто задвинуть себя. Ей нужно начать с фейерверка и потребовать к себе внимания, а не дожидаться вежливо, пока ей его окажут.

Фэй почувствовала, как по спине стекает пот, и начала делать как раз то, чего делать не следовало, – колебаться и сомневаться. В самой себе и во всей своей идее.

Ирена вошла в конференц-зал в костюме цвета морской волны, из-под которого виднелась кремовая блузка – Фэй подозревала, что это блузка с завязывающимся воротничком от «Vesna W». Сама она страстно о такой мечтала, но не могла себе позволить, пока не скопит стартовый капитал. Костюм от Стеллы Маккартни, который был на ней сейчас, Фэй одолжила у Крис. Всего пару месяцев назад она даже близко не влезла бы в эти брюки, но сейчас костюм сидел, словно сшитый на заказ. О его цене она даже не решилась спросить подругу.

Ирена поставила на стол чашку с кофе – такую же, как у Фэй, – и протянула руку.

– Ирена, – нейтрально представилась она. – У нас десять минут, потом меня ждут другие дела.

Ножки стульев заскрежетали по полу, когда две женщины сели друг напротив друга.

Фэй сделала глубокий вдох, чтобы справиться с нервозностью. Напомнила себе, зачем она все это делает. Вызвала в памяти ягодицы

Яка, движущиеся между ног у Ильвы – в их доме, в их постели.

– Сколько раз в вашей жизни вас обманывали мужчины? – спросила Фэй и заставила себя спокойно взглянуть в глаза Ирене.

Образ Яка все еще стоял перед глазами. Пульс замедлился. Неуверенность пропала. Первый залп был выпущен.

На мгновение Ирена растерялась, однако быстро взяла себя в руки. Удивление на ее лице сменилось недовольством.

– Этот вопрос я считаю слишком личным, чтобы отвечать на него в данной ситуации.

Казалось, она вот-вот встанет и уйдет.

Фэй не сводила с нее глаз, не давая себе запаниковать от первой реакции Ирены. Ее задача была – вызвать шок, и теперь она могла не сомневаться, что завладела вниманием инвесторши. Фэй подалась вперед, сложив руки на столе.

– Ответ на этот вопрос – основа всей моей бизнес-концепции, – проговорила Фэй. – Но обратите внимание, я не спросила, *были* ли вы обмануты. Я считаю за данность, что с вами это случилось. Но почему это считается таким постыдным, что вы реагируете таким образом? Ведь не вы что-то сделали не так.

Ирена выпрямилась и тоже подалась вперед. Видно было, что она заинтересована, но слегка потрясена. И, похоже, приняла какое-то решение.

– Дважды.

На мгновение черты ее лица разгладились, но она тут же взяла себя в руки. За окнами на Страндвеген зло гудели машины.

Фэй кивнула.

– И вы в этом не одиноки. Практически каждая женщина хоть однажды была обманута мужчиной – вне зависимости от социального статуса. И тем не менее стыд почему-то испытываем мы. И ломаем голову, что *мы* сделали не так. Почему?

– Не знаю. А вы знаете?

В Ирене явно пробудился интерес. Дверь приоткрылась – Фэй оставалось лишь проникнуть внутрь, чтобы остаться.

– У меня было немало оснований об этом подумать, – проговорила она. – Весьма унижительно, когда тебя выбросили и заменили другой. Иногда потому, что наши мужчины встретили ту, с которой мечтают прожить остаток своих дней, а иногда – потому, что

им захотелось потрахаться по пьянке в номере отеля на конференции в Эребру. Любовь, дети, все то время, что мы на них потратили, вся та работа, которую мы проделали, – все может быть отброшено в один момент ради совокупления на гостиничной койке. Нас легко можно заменить. И они даже не испытывают раскаяния. У них не хватает ума стыдиться. Кажется, они имеют право вытирать об нас ноги. У них есть незримая сеть связей, куда нас не пускают. Где они дают друг другу привилегии, которых мы лишены. Потому что нас считают второстепенными, неполноценными.

Ирена ничего не сказала, когда Фэй на мгновение смолкла, чтобы перевести дух. Но суровое лицо бизнес-леди смягчилось. Она с любопытством смотрела на собеседницу.

– Вам приходилось мечтать о том, чтобы отомстить мужчине, который обманул вас, растоптал вас, плохо с вами обращался? – спросила Фэй.

– Ясное дело – как и всем, наверное, – проговорила Ирена, вдруг сделавшись беззащитной и ранимой.

Фэй казалось, что она буквально видит перед собой картины. Те, которые навсегда остаются в памяти, – как боевые шрамы, только не на коже, а на сердце.

– Вы отомстили?

– Нет.

– Но почему?

Ирена задумалась.

– Даже не знаю.

– Мой бывший муж, финансист Як Адельхейм, обманывал меня несколько лет. Со сколькими он успел мне изменить, я не знаю. Весной этого года я застала его в нашей супружеской спальне с Ильвой Лендорф, финансовым директором компании. Но это лишь часть его предательства. И даже не самая важная часть. В свое время я помогла ему создать его империю. Всю историю могу рассказать при встрече, за бокалом вина. При этом он не только изменил мне, но и оставил меня без гроша. И знаете, Ирена, что было дальше? Я умоляла и заверяла, что готова простить его, лишь бы все снова стало как прежде. Так мне хотелось спасти семью, хотя он отнял у меня все. Мою карьеру, мой дом, чувство безопасности, самоуважение... И наконец я решила, что с меня довольно.

– И что теперь?

– Теперь я отберу все назад – и с процентами.

– Каким образом?

Роли поменялись. Теперь вопросы задавала Ирена, что явно свидетельствовало о ее заинтересованности. Она еще сильнее подалась вперед, навстречу Фэй.

– Перестав стыдиться, – ответила та, придвинув к ней через стол эскиз упаковки «Ревендж», – и адресуясь к невероятно многочисленной целевой группе. Тонкий маркетинг, нажимающий на болевые точки, которых никто ранее не касался. Личный маркетинг, доведенный до совершенства. Завораживающая история в сочетании с великолепным товаром.

Держа эскиз перед глазами, Ирена внимательно рассмотрела его.

– Что означает буква R?

– «Ревендж».

– Понимаю, – проговорила она с кривоватой улыбкой. – А зачем вам нужна я?

– Для дистрибьюции и рекламных кампаний в тех универмагах, совладелецей которых вы являетесь. Остальное я беру на себя. Постараюсь привлечь к проекту максимально возможное количество успешных женщин; к тому же я разработала стратегию, какой раньше никто не применял. Во всяком случае, при продвижении такого рода продукции. И я не предлагаю вам инвестировать с точки зрения идеологической поддержки. Я просто поясняю ход своих мыслей, чтобы вы поняли, какой огромный потенциал таится в этом проекте. Целевая группа для нашей продукции – не просто женщины, а женщины, которым надоело, что их предают мужчины.

Глаза Ирены сияли. Она взяла в руки эскиз и снова принялась задумчиво рассматривать его.

Фэй сидела молча, чтобы не мешать ей думать.

Для себя она решила ничего не предлагать Ирене, пока та сама не задаст вопрос. Доля Ирены будет больше, чем тот один процент, который она намеревалась предложить другим женщинам-инвесторам. Ирена может получить больше. Пять процентов будущего предприятия Фэй уже отдала Керстин. На самом деле она предлагала ей десять, но та отказалась.

– Я хочу десять процентов, – сказала Ирена.

– Могу предложить вам пять, – ответила Фэй, ощущая, как скачет в груди сердце.

– Семь.

– По рукам.

Ей пришлось изо всех сил держать себя в руках, чтобы не начать танцевать и кричать от радости. Она поднялась, и Ирена сделала то же самое. Сойдясь посреди конференц-зала, они обменялись рукопожатиями.

Ирена выудила из сумочки визитную карточку.

– Звоните мне, если что-нибудь понадобится. Это мой прямой. Вам не нужно каждый раз связываться с моей секретаршей.

Когда Фэй вышла на улицу, мобильник у нее завибрировал. Вообще-то ей не хотелось сейчас отвлекаться – она желала насладиться моментом. Но, увидев, что звонит Крис, ответила.

– Она в деле! Слышишь? Ирена Арнель в обойме!

– Отлично! – с энтузиазмом откликнулась Крис. – Тогда, подозреваю, ты рада?

– Рада? – перепросила Фэй, беря курс на площадь Стюреплан. – Да я просто вне себя от счастья. «Ревендж» будет продаваться во всех ее универсамах. И она пообещала подключить международную сеть, если продвижение в Швеции пойдет успешно. Понимаешь, как это круто?

– Да, понимаю, но это мы обмоем чуть позже. А сейчас у меня тут два человека, которые желают с тобой поговорить.

– Да? – неуверенно проговорила Фэй.

– Подожди-ка, я включу динамик...

– Привет, Фэй, меня зовут Паулина Дафман, – зазвучал в трубке хриловатый голос. – Мы тут сидим с моей подругой Ольгой Никлассон. У тебя есть время с нами поговорить?

Сердце Фэй радостно подпрыгнуло. Ольга Никлассон и Паулина Дафман – две самые популярные в Швеции блоггерши в Инстаграме. В совокупности у них три миллиона подписчиков.

– Да, есть.

– Видишь ли, мы тут сидим с Крис в «Гранд-отеле», попиваем каву. Мы обожаем Крис! И она рассказала нам твою историю – об этом паршивом изменнике и о твоей бизнес-идее. Мы так

заинтересовались!.. Есть ли возможность для нас поучаствовать в этом проекте?

– Вы хотите принять участие?

– Ясное дело, хотим, – хором ответили блогерши. – И мы наверняка сможем привлечь еще несколько известных личностей. Мы знаем всех, кто хоть что-то из себя представляет.

– Так и есть, это точно, – вставила Крис. – Например, они знают меня.

Фэй хихикнула.

Дав отбой, она подпрыгнула от радости. Пожилая дама с тойтерьером на руках удивленно посмотрела на нее. Фэй широко улыбнулась даме, и та заспешила дальше.

Остановившись у витрины магазина, она глянула на свое отражение в стекле и увидела, что оттуда на нее смотрит победительница.

Часть III

Где-то громко гудел вентилятор, нарушая то ощущение роскоши, которое пытались создать в адвокатской конторе.

Сидя в изоляторе, Як потребовал встречи с Фэй. Ее адвокат лишь фыркнула и покачала головой, когда Фэй рассказала ей об этом.

– Просто не понимаю, как у него хватает наглости просить о встрече с тобой. Как ему вообще приходит в голову, что ты захочешь с ним общаться? После того, что он сделал...

Фэй не ответила. Молча помешала ложечкой в своей чашке. словно загипнотизированная, она следила за воронкой, образовавшейся в красном чае – словно водоворот, готовый поглотить все.

Адвокатесса с участием положила руку ей на плечо.

– Прокурор будет требовать пожизненного заключения. Никакого риска, что он получит меньше, – учитывая доказательства. После процесса тебе больше никогда не придется с ним встречаться.

– Но удастся ли доказать? Без ее... – Голос изменил Фэй, но она сглотнула и продолжила, – без ее тела?

– Доказательств предостаточно. К тому же тот факт, что он избил тебя... Поверь мне, ему придется провести за решеткой много лет.

Фэй перестала размешивать чай, отложила ложечку на белую салфетку и осторожно поднесла чашку ко рту. Напиток обжигал язык, однако она радовалась боли. Сейчас боль стала ее лучшим другом. Боль жила в мутной воде, где Фэй прятала все свои тайны.

Репортер «Дагенс индустри» Ингрид Ханссон ковыряла вилкой в тарелке с салатом «Цезарь». Фэй же довольствовалась чашкой зеленого чая. Между ними на столе стоял диктофон, на котором светилась кнопка записи.

– Вы и «Ревендж» совершили невероятный рывок, – начала Ингрид Ханссон. – После развода с Яком Адельхеймом вы проделали путь от домохозяйки до генерального директора и владельца предприятия, оборот которого в этом году составил полтора миллиарда крон. В чем секрет?

Поднеся чашку ко рту, Фэй отпила небольшой глоток.

– Я бы сказала – упорный труд. А также знающие и активные инвесторы.

– Но все началось с развода?

Фэй кивнула.

– Когда мы с Яком развелись, я не знала точно, чего хочу от жизни. Я создала фирму по выгулу собак, в которой работала целыми днями. А по вечерам оттачивала свой бизнес-план.

– Развод был травматичным – учитывая название «Ревендж»?

Вопрос был задан нейтральным тоном, однако Фэй подозревала, что это мина. К этому моменту она хорошо изучила эти игры. Хуже всех обычно оказывались журналисты, пытавшиеся изображать соратника, игравшие на симпатии. Отключив магнитофон, они сидели, охотно болтая «не под запись». Однако в мире СМИ не существует таких понятий, как «не под запись» и «а вот это не пишите». Они не знают пощады. Однако теперь Фэй научилась их использовать. Закинув ногу на ногу, она сцепила пальцы на коленке. Теперь Фэй могла позволить себе дорогой гардероб – это ее униформа, ее доспехи. Роскошная одежда создавала образ власти и успеха. Сегодня она выбрала пиджак от «Изабель Марант» и юбку от «Шанель». А вот блузку купила на распродаже в «Зара». Ей нравилось смешивать разное, а не одеваться с головы до ног в дизайнерскую одежду.

– Травматичный? Нет. Но тяжелый, как и все разводы.

– Как бы вы охарактеризовали ваши отношения сегодня?

– У нас есть дочь, мы прожили бок о бок более десяти лет. И теперь, когда «Компэр» станет котироваться на бирже, я предполагаю купить парочку акций.

– Вот как?

– Да, я участвовала в создании предприятия на самом раннем этапе. Ясное дело, сейчас я готова его поддержать.

Ингрид Ханссон вытерла рот салфеткой.

– Так что ж, название «Ревендж» не имеет никакого отношения к разводу? – спросила она. – До меня дошли слухи, как вы подавали эту идею инвесторам.

Фэй рассмеялась.

– Всякая хорошая продукция начинается с хорошей истории. Потом эти истории становятся крылатыми и распространяются по

социальным сетям со скоростью света. Не буду утверждать, что это было некстати. Более того, это отличная бизнес-идея – найти некий общий фактор, объединяющий большинство женщин.

Ингрид кивнула и перевела разговор на прибыль, финансовый отчет, завоевание международного рынка и престижные рекламные премии, которые фирма «Ревендж» получила за свой маркетинг. А также задала несколько вопросов о личных инвестициях Фэй, в первую очередь в недвижимость, которые мощно способствовали приросту ее состояния. Фэй охотно делилась информацией и советами. Ей нечего скрывать. Во всяком случае, в финансовом плане.

Спустя полчаса интервью подошло к концу. Ингрид Ханссон покинула офис Фэй в старинном доме на улице Биргер-Ярлсгатан. Стоя в оконной нише и позволив себе недолгую передышку, Фэй задумчиво разглядывала журналистку, идущую по улице.

Когда карусель завертелась, все стало происходить с головокружительной скоростью. Три года, прошедшие с момента развода, превзошли самые смелые ожидания. Фирму «Ревендж» ждал гигантский успех – он оказался даже больше, чем Фэй могла мечтать. Она недооценила ту пробивную силу, которую могли обрести ее рекламные кампании и продукция. Женщинам очень понравился ее подход к делу, и уже через полгода универмаги во Франции и Великобритании закупили лицензии на продажу товаров «Ревендж». В США она только что подписала контракт с одним из крупнейших дистрибьюторов.

Важнейший прорыв товарного знака произошел благодаря Инстаграму. Влияние Паулины Дафман, Ольги Никлассон и их подруг – законодательниц мод – на умы молодых женщин оказалось сильнее, чем она могла надеяться. Для сотен тысяч женщин нового поколения по всей Швеции они стали новым идеалом. Софи Лорен, Мэрилин Монро и Элизабет Тейлор XXI века. Все, что было у них, мечтали носить и другие женщины. Все, что они покупали, бежали покупать другие. Будучи послами «Ревендж», они написали у себя на страницах вдохновляющие тексты про *girl power*^[17], разрекламировали продукцию, как нельзя лучше соответствовавшую феминистским течениям в Швеции. Фирма «Ревендж» заявила о себе на редкость вовремя.

В минуты припадков тихого цинизма Фэй задавалась вопросом, какой феминистский посыл заключался в фотографиях в бикини, где хорошо тренированные ягодички были направлены прямо в камеру, или в рекламе чаев для похудения. Однако Крис сурово ответила ей, что иногда приходится довольствоваться тем феминизмом, который предлагается на данный момент, и что путь к успеху не бывает идеально прямым. В целом же в Сети полно знаменитых мужчин, выкладывающих фото своего обнаженного торса и рекламирующих белковые коктейли. Так в чем же разница?

Созданный ею интернет-магазин, где был специальный форум, на котором женщины могли поделиться своими историями о том, как они отомстили своим мужьям, едва справлялся с лавиной спроса. На форуме образовалось море рассказов. Каждый день появлялись новые – похоже, им не было конца. Другим решающим инструментом оказался Фейсбук. Там они могли адресовать свои объявления как раз той целевой группе, которую хотели охватить: сознательным, высокообразованным женщинам. Эти покупательницы обладали необходимыми ресурсами, чтобы платить более высокую цену. Поначалу все продажи шли через Интернет. Когда настала пора универсаму Ирены Арнель включить «Ревендж» в свой ассортимент, Фэй поняла: нужно придумать что-нибудь этакое, чтобы закрепить успех и налет мистики, созданный в Сети. Обратившись к дюжине артисток, писательниц и актрис, она попросила каждую создать дизайн своей собственной упаковки. С полной творческой свободой. И при поддержке гигантской рекламной кампании в соцсетях. Потом все это продвигалось под магическим заголовком «Ограниченный выпуск».

Молодые женщины выстраивались в очереди у дверей универсамов, чтобы купить ту продукцию «Ревендж», на которой их кумиры изобразили свой посыл сестринской солидарности. Неожиданно фирма вышла на новые целевые группы. В своем крошечном ограниченном сегменте им удалось создать ощущение революции.

У двери послышалось покашливание Керстин.

– Сегодня ты забираешь Жюльенну в четыре.

– До того назначены какие-то встречи?

– Нет, ты ведь просила дать тебе сегодня немного свободного времени после обеда.

– Да, точно. Спасибо.

– Увидимся вечером дома, – сказала Керстин и закрыла дверь.

Казалось, она сегодня в напряжении – Фэй задалась вопросом, в чем дело. Потом вспомнила – в обед Керстин навещала Рагнара. После таких визитов она всегда была не в духе. Когда Фэй спрашивала, зачем она продолжает туда ходить, Керстин отвечала: «Несмотря ни на что, я его жена. Я хожу туда, чтобы сотрудники не начали звонить мне. Кроме того, мне доставляет удовлетворение видеть его лежащим. Беспомощным. Но я всегда представляю себе, как однажды положу подушку ему на лицо и буду держать, пока он не задохнется».

Фэй снова взглянула в окно. По улице несся оживленный поток машин. Оставалось не так много времени до октября, когда фирма «Компэр» после многочисленных разговоров и догадок будет зарегистрирована на бирже. Тогда можно будет перейти ко второй части плана. После нескольких лет упорного труда все будет зависеть от того, насколько успешно ей удастся в ближайшее время все проверить. Взяв сумочку, в которой лежал недавно купленный ноутбук, Фэй вышла из офиса. В галерее магазинов «Стюрегаллериет» нашла кафе, где большую часть посетителей составляли учащиеся близлежащих гимназий, прогуливавшие уроки.

Она рассеянно слушала их разговоры – кто-то обсуждал, какую сумочку от «Гуччи» желает себе на день рождения, а кто-то жаловался, что придется ехать на Рождество с родителями на Мальдивы: «Там же совершенно нечем заняться!» Заказав кофе у равнодушной официантки, Фэй уселась за столик в углу, открыла компьютер и подключилась к Wi-Fi. С момента рождения Жюльенны у Яка не менялся пароль. За все годы их совместной жизни он менял его всего два раза. К тому же бывший склонен к ностальгии...

По крайней мере, всегда таким был.

Первые документы на «Компэр» были сохранены в виде pdf-файлов на его адресе gmail. Но, чтобы она могла войти туда, требовалось, чтобы пароль оставался таким же, как в его компьютере: Julienne2010. Поднеся белую кофейную чашку к губам, Фэй заметила, что руки у нее дрожат. Все, что она делала в последние три года, делалось ради этого момента. Теперь все зависело от того, остался ли Як верен своим привычкам, поленился ли поменять пароль.

Вписав буквы и цифры в поле, она нажала на кнопку «подключиться».

Неверный пароль.

Она попробовала еще раз.

Неверный пароль.

Фэй подавила яростный вопль. Этот гад все же сменил пароль! С грохотом захлопнув крышку компьютера, она встала и вышла из кафе.

Что теперь делать? Ей позарез нужно проникнуть в его почту.

Десять минут спустя Фэй вернулась в свой офис. Едва она вошла в двери, как с неба посыпались первые капли дождя. Керстин вопросительно посмотрела на нее.

Фэй отрицательно покачала головой.

– Попроси Ниму зайти ко мне, – сказала она и поспешила в свой кабинет.

Нима, тощий субъект с бледным лицом и волосатыми руками, был компьютерным специалистом «Ревендж» – начисто лишенный социальной компетенции, но гений и светоч во всем, что касалось IT.

Повесив пальто на вешалку, Фэй ждала его, сидя за своим письменным столом.

Пару минут спустя он, появившись в дверях, спросил:

– Нужна моя помощь?

Фэй улыбнулась.

– Проходи, – сказала она, сделав жест в сторону стула для посетителей.

Нима сел, нервно вертя пальцами.

– Что-то сломалось?

– Вовсе нет, – ответила она с обезоруживающей улыбкой. – Напротив. Мне нужна твоя помощь в одном деле. Это глубоко личное.

– О'кей.

– Речь идет о моей дочери Жюльенне. Она получила в подарок компьютер, и меня тревожит, не заходит ли дочь на неподходящие страницы. Хочу контролировать, что Жюльенна на нем делает. Я, знаешь ли, настоящая квочка – все время волнуюсь за свое чадо...

Нима кивнул.

– Понимаю.

– Можно ли что-нибудь сделать?

– Какого рода информация тебе нужна?

– Ее пароль от Фейсбука и все такое. Как тут не волноваться – там дети могут общаться с кем попало, а они так наивны...

Нима наморщил лоб.

– Это можно сделать. Предлагаю тебе установить на ее компьютер кей-логгер. Тогда ты сможешь все видеть, даже не заходя в ее соцсети.

– А как работает этот самый...

– Кей-логгер. В общем, ты активируешь его на ее компьютере. После этого в любой момент можешь загрузить все, что было набрано на клавиатуре, в обычный текстовый файл. Проще говоря, каждое нажатие на клавишу регистрируется. Тогда тебе не придется заходить в ее Фейсбук или Снэпчат.

– А нет риска, что она его обнаружит?

– Нет, если кей-логгер будет спрятан среди других файлов. Он скрыт среди фоновых программ. И все тайно записывает.

– Отлично. Где мне взять его?

– Минутку, – сказал Нима и поднялся.

Вскоре он вернулся с черной флэшкой.

Фэй отодвинула стул, Нима вставил флэшку в компьютер и показал ей, как установить программу.

– У меня самого есть дети, так что я тебя прекрасно понимаю, – сказал он.

Фэй удивленно взглянула на него. Она даже сомневалась, что у него есть девушка.

– А я и не знала...

– Астрид. Ей десять, и она висит в Сети целыми днями. Ясное дело, родителям приходится поволноваться.

– Должно быть, ты родил ее в очень юном возрасте.

– Мне было двадцать. Кстати, это было, как ни странно, запланировано. Я всегда был серьезен не по годам.

– И ты по-прежнему вместе с...

– Юханной. – Произнеся ее имя, Нима просиял. – Да, мы с ней женаты и счастливы вместе.

Фэй приподняла бровь. Люди не переставали ее удивлять.

От больших денег с людьми что-то происходит. В те времена, когда Фэй еще называлась госпожой Адельхейм, родители других детей звонили ей перед каждым выходными, чтобы пригласить Жюльенну на праздник или в парк развлечений. Чуть не лопааясь от

усердия, они изо всех сил делали вид, что это их дети хотят поиграть с Жюльенной. На самом же деле просто хотели приблизиться к ней и Яку. К Яку, если уж говорить начистоту. Она воспринималась скорее как приложение – легкий способ познакомиться с успешным человеком. Через Жюльенну все эти люди надеялись войти с ними в контакт, получить приглашение на ужин, побыть в их тени в надежде заразиться успешностью.

После развода они перестали с ней здороваться. Телефон молчал. В их глазах район Эншеде казался ничем не лучше Могадишу или Багдада. Никто из родителей, живущих на Лидингё, не послал бы туда свое чадо – во всяком случае, не приставив к нему охранника и не сделав прививки от всех болезней. Вместо этого они стали звонить Яку, а он, в свою очередь, делегировал эти разговоры Ильве, которой приходилось тратить массу времени на координацию походов на праздники и прочие развлечения с другими детьми в те выходные, которые Жюльенна проводила у них, – а это случалось теперь примерно на одни выходные в месяц.

После успеха Фэй с ее «Ревендж» все коренным образом изменилось.

Жюльенна начала ходить в Эстермальмскую школу. Як хотел отдать ее в частное учебное заведение «Карлссонс», куда ходили королевские дети, или в школу в Фридриховском замке, куда, по слухам, собирался отдать своих сыновей сам Златан Ибрагимович^[18], однако Фэй твердо сказала «нет». Она не желала, чтобы Жюльенна в подростковые годы сидела и громко жаловалась по поводу отдыха на роскошном курорте.

В Эстермальмской школе нечасто встречались дети из малообеспеченных семей, однако здесь далеко не все считали само собой разумеющимся, что лето проведут в Марбелле или Нью-Йорке, зимние каникулы – на Мальдивах, да еще поедут в феврале кататься на лыжах в Вербье или Шамони.

Жюльенне все очень нравилось. Фэй была для нее солнцем, а Керстин – луной. Выходным у Яка она заранее радовалась, но всегда была молчалива, когда возвращалась домой. Как обычно, отец обещал куда больше, чем мог для нее сделать.

Фэй припарковала машину на Банергатан. Жюльенна ждала ее на скамейке у лифта, склонившись над планшетом. Фэй села рядом с

ней – дочь не заметила ее прихода. Только когда мать слегка толкнула ее в бок, она подняла глаза от экрана, засмеялась и обняла Фэй.

– Во что ты играешь?

– В покемонов, – ответила Жюльенна и засунула планшет в рюкзачок.

Фэй взяла дочь за руку.

– День прошел хорошо? – спросила она, пока они шли к машине.

– Ага.

– Ты знаешь, что на эти выходные поедешь к папе?

– Угу.

Фэй открыла Жюльенне дверь, пристегнула ее ремнем безопасности.

– Ведь ты рада?

– Ну да.

– Разве тебе не нравится там бывать?

– Иногда нет. Они часто ссорятся, а это невесело. И папа обычно уезжает на работу.

– Знаешь, Жюльенна, взрослые иногда ссорятся. Мы с папой тоже ссорились. Но к тебе это не имеет отношения, хотя я понимаю, что слушать это неприятно. А папа старается и так много работает ради тебя... – Она провела рукой по щеке дочери. – Хочешь, я поговорю с папой?

Жюльенна резко замотала головой.

– Он рассердится.

– С чего ему сердиться? – спросила Фэй, обнимая ее.

– Да так, ничего, – тихо ответила дочка.

– Уверена?

Жюльенна молча кивнула.

* * *

Когда Фэй открыла дверь в квартиру, Жюльенна ворвалась впереди нее и сразу побежала в кухню.

Четырехкомнатная квартира в сто семьдесят квадратных метров на Карлавеген, напротив «Ика Эспланад», обошлась Фэй в пятнадцать миллионов, однако теперь это ее квартира. Ее и дочери.

– Керстин, мы пришли! – крикнула Жульенна, и Фэй двинулась следом за ней в кухню.

– Здравствуй, девочка моя! – воскликнула Керстин и заключила Жюльенну в объятия.

Фэй улыбнулась. Она помогла Керстин купить квартиру рядом, и они почти каждый вечер ужинали вместе. Если Фэй была занята по работе, Керстин с удовольствием оставалась с Жюльенной. Сменяющиеся няни начисто исчезли из их жизни.

Керстин слишком баловала Жюльенну. Строго говоря, Фэй это не нравилось, но язык не поворачивался что-либо сказать по этому поводу. Керстин стала для нее якорем и источником спокойствия.

Пока Фэй ставила чайник и убирала посуду в посудомоечную машину, Жюльенна убежала в гостиную.

– Что пошло не так? – шепотом спросила Керстин.

– Он сменил пароль. Я нашла другой способ, но это может занять больше времени, чем я рассчитывала.

В гостиной включился телевизор.

– Есть только одна проблема, – продолжала Фэй.

– Какая же?

– Мне придется просить о помощи... – Она кивнула головой в сторону гостиной.

Глаза у Керстин округлились.

– Но ты ведь не сказала ей о...

– Конечно же, нет. Она не должна быть замешана в этом деле – по крайней мере, осознанно.

– Знаешь, Фэй, я приветствую все твои затеи, поддерживаю тебя и восхищаюсь тобой, но это мне не нравится.

– Мне тоже. Но у меня нет другого способа добраться до его компьютера.

Электрический чайник щелкнул. Фэй достала две чайные чашки и поставила на стол.

– Никаких гарантий нет, – продолжала она тихим голосом. – Даже не знаю, сохранились ли те документы. Но это наш лучший шанс. Главное – не делать резких движений и не оставлять следов, которые выведут на меня.

– На нас, – поправила ее Керстин и подула на чай. – Мы с тобой вдвоем. Я поддерживаю тебя во всем, но эта затея мне все-таки не

нравится.

Фэй кивнула. Она и сама испытывала весьма неприятные чувства по поводу того, что придется использовать Жюльенну. Однако выбора у нее не было.

* * *

Лежа в кровати Жюльенны, они читали вслух «Братья Львиное Сердце». В кухне гудела посудомоечная машина. Перед тем, как лечь в постель, Фэй показала дочери флэшку.

– Дорогая моя, хочу попросить тебя помочь мне в одном деле, – сказала она, когда они сидели за кухонным столом. – Я планирую сделать папе сюрприз.

– Что за сюрприз?

Фэй достала флэшку.

– Пока не могу рассказать, но ты знаешь, как папа оставляет компьютер включенным у себя в кабинете, когда уходит посмотреть экономические новости? Я хочу, чтобы ты вставила это в компьютер. И потом, когда вставишь, нажала вот на эту кнопку. – Она показала пальцем. – Вот и всё. Потом можешь ее достать.

– Почему я не могу ничего сказать папе? Он сказал, что у нас с ним нет друг от друга тайн. Только от мамы.

Фэй нахмурила брови. Что дочь имеет в виду?

– Потому что тогда сюрприза не получится, – ответила она. – А потом, когда ты все сделаешь и я заберу тебя, у меня тоже будет для тебя сюрприз.

– Какой?

– Такой, о каком ты давно мечтаешь.

– Мобильник?

– Ты – умница, моя девочка. Да, у тебя будет свой мобильный телефон. Тогда тебе не придется постоянно брать мой.

– А когда я его получу?

– В воскресенье. Он будет ждать тебя здесь, если ты сделаешь все так, как я просила.

Фэй чувствовала себя ужасно. Однако другого пути нет. Ей обязательно нужно раздобыть эти файлы.

Когда Жюльенна заснула рядом с ней, Фэй отложила книгу на ночной столик и поцеловала дочь во влажный затылок. Лицо дочери во сне было спокойным, однако в последнее время она несколько изменилась. Замкнулась, стала избегать общения. Фэй ощущала навязчивую тревогу и невольно ломала голову, какие там тайны у дочери и Яка. Скорее всего, нечто весьма банальное – типа того, что ей разрешают есть на завтрак мороженое. Но вдруг они скрывают от нее нечто важное?

* * *

Фэй лежала на спине в собственной постели – после операции на груди ей по-прежнему тяжело было спать на животе. В спальне царил духота. Фэй поднялась, напялила халат и вышла на балкон. Осенний воздух показался ей свежим и прохладным. Закурив, она опустилась в плетеное кресло. По Карлавеген время от времени проезжали машины, но в целом Стокгольм спал.

Прошло три года. Три увлекательных, утомительных, удачных года. Когда она позволяла себе ненадолго остановиться и поразмышлять над тем, что произошло за это время, всегда бывала потрясена.

За это время она создала успешную фирму, мудро вложила деньги, купила квартиру для себя и Жюльенны, а также вторую для Керстин, уверенно встала на ноги. Но, как это ни абсурдно, порой она спрашивала себя, не тоскует ли по Яку. Во всяком случае, по своей мечте о нем...

Может быть, поэтому ее ненависть не угасала? Это и есть главная причина того, что она продолжает следовать плану, намеченному три года назад? Само собой, за это время в ее жизни были и другие мужчины, но пока Як не вычеркнут из списков, она не решалась на серьезные отношения. Надо сосредоточиться на главном. Цель – главный смысл.

Иногда Фэй спрашивала себя, не пора ли остановиться. Ведь теперь у нее есть все. Она добилась успеха. Богатства. Социального статуса. Жюльенна с ней. Но в глубине души Фэй чувствовала, что

этого недостаточно. Он отнял у нее так много... Растоптал ее так, что она едва смогла подняться... Простить она не сможет.

К тому же ее ненависть подпитывалась историями других женщин, которые она услышала за эти годы. Каждый день Фэй начинала с того, что читала новые рассказы на форуме интернет-магазина и на странице «Ревендж» в Инстаграме. Сколько в них жгучей потребности восстановить справедливость – вернуть себе утраченную гордость, дать сдачи, взять свое, отомстить...

В этом стремлении было нечто древнее. О мести говорится еще в Ветхом Завете. Око за око, зуб за зуб. Всё по справедливости. Теперь ею двигала не только личная ненависть – ее поддерживали голоса тысяч и тысяч женщин. Она разбудила нечто такое, что слишком долго покоилось во сне.

Их ярость стала ее яростью. А ее гнев – их гневом.

Страхнув пепел, попавший на халат, Фэй потянулась к мобильному телефону, открыла «Спотифай» и негромко включила песню «Элис» группы «Эльдкварн».

Мама всегда любила «Эльдкварн». Без конца могла рассказывать, как она видела их вживую – и даже поймала медиатора Плюры Йонссона. Все это случилось до того, как она познакомилась с папой, – после этого музыка для нее смолкла.

Песня и сигарета отбросили Фэй на тридцать лет назад – в детство, во Фьельбаку, в дом, где они жили. Она, Себастиан, мама и папа...

На маленьком столике перед ней лежала почта. Поверх стопки – очередное письмо от папы. Всех тех, кого она когда-то знала, уже нет. Остался только папа. Он узнал ее, когда газеты начали писать о «Ревендж», – и снова, после многолетнего перерыва, стал писать ей письма. Поначалу – раз в неделю. Потом – два. Потом три. Фэй никогда их не открывала.

Она поручила своему адвокату внимательно следить за правовой стороной дела. Сейчас его не должны освободить. Фэй знала, как с этим обстоит дело в Швеции. Это только называется «пожизненным заключением». Рано или поздно всех выпускают. И ее отца тоже выпустят. Но только не сейчас. Ни за что на свете. Прежде она должна довершить начатое.

Взяв в руки письмо, Фэй поднесла к нему сигарету, с неопишным облегчением наблюдая, как оно горит.

Фьельбака – тогда

Шум моря за окнами моей спальни не мог заглушить голоса из кухни. Они звучали все громче; папин – со злостью, мамин – с мольбой. Она по-прежнему надеялась, что ей удастся остановить неотвратимое. Ссорились они из-за меня. Я забыла убрать за собой, когда перекусывала после школы. Как я могла забыть? Ведь знала, что папа терпеть не может, когда что-то остается на столе. Кроме тех случаев, когда ел он сам. Он никогда за собой не убирал, а мы, остальные, должны были всегда поддерживать стерильность и чистоту. Я, мама и Себастиан.

Мама, как всегда, взяла вину на себя. Я обожала ее за это. И еще мне так страстно хотелось стать большой, высокой и сильной, чтобы ей не пришлось брать на себя наказание за то, что натворила я... Но пока я была такой маленькой, папа не решался на меня набрасываться. Когда я делала что-то не так, он сжимал кулаки, но опасался, что сломает мои хрупкие косточки – ударит меня сильнее и зашибет насмерть. Так что сливал все на маму. Она была покрепче.

В первый раз я поняла, что все боятся папу, когда мне было пять лет и я впервые пошла с ним в магазин «Ика». Там он купил свой обычный набор: пару пачек сигарет, большую шоколадку и газету «Экспрессен». Ни мне, ни Себастиану шоколадки обычно не доставалось.

Когда мы подошли к кассе, какой-то мужчина встал в очередь впереди папы. Он положил свои покупки на ленту как раз в ту минуту, когда папа собирался сделать то же самое. Судя по одежде, это был какой-то дачник. Кассирша метнула на меня испуганный взгляд. Меня поразил ее страх перед папиным гневом.

Папа не мог смириться с тем, чтобы какой-то вонючий дачник, как он сам говорил, протиснулся впереди него. Позднее я услышала, что того человека отвезли в больницу в Уддевалле с двумя сломанными ребрами.

Учебник математики передо мной так и лежал открытым на той же странице с того момента, как в кухне послышались первые удары.

Деление. На самом деле все очень просто. Цифры даются мне легко. Но когда посыпались удары, я бросила ручку и зажала уши ладонями.

Рука, легшая мне на плечо, заставила меня вздрогнуть. Я проигнорировала появление Себастиана, продолжая зажимать руками уши. Уголкем глаза видела, как он сел на мою кровать. Закрыв глаза, прислонился к стене, пытаюсь, как и я, отрешиться от происходящего.

Я замкнулась в своем пузыре. В нем не было места ни для кого, кроме меня.

Фэй повстречалась с Крис в «Гранд-отеле», чтобы поужинать вместе и выпить пару коктейлей. Строго говоря, никакого желания веселиться у нее не было – она лишь ждала, чтобы выходные скорее прошли: ей не терпелось узнать, удалось ли все Жюльенне. Но понимала, что лучше пообщаться с Крис, напиться, снять кого-нибудь, чем сидеть дома в одиночестве и лезть на стены от тревоги. Метрдотель накрыл им столик на веранде, с видом на воду и Королевский дворец. В зале слышался гомон голосов. В баре по другую сторону красивый женский голос пел под аккомпанемент фортепиано «Heal the World».

Крис заказала себе гамбургер, Фэй же решила ограничиться салатом «Цезарь». Когда им подали мохито, к их столу подошли две девушки лет по двадцать пять и попросили разрешения сфотографироваться с Фэй.

– Мы вас обожаем! – восторженно пропищали они, прежде чем уйти. – Вы такой пример для всех нас!

– В следующий раз придется забронировать отдельный кабинет, чтобы пообщаться с тобой, – лукаво проговорила Крис, помешивая трубочкой в своем мохито.

– Нельзя сказать, чтобы ты сама была никому не известна, – ответила Фэй.

Крис криво улыбнулась.

– Как твои новые сиськи?

– Непривычно, – ответила Фэй.

Ее вполне устраивали ее прежние, однако она делала все, что от нее зависело. Ее фигура стала одним из инструментов для достижения цели.

– Ты уже провела ходовые испытания?

Фэй подняла брови.

– В смысле – с мужиком.

– Пока нет.

– Постарайся скорее опробовать их в действии. Полезно для души. – Крис оглядела зал. – Хотя подцепить здесь кого-то, ясное дело, будет сложновато. У большинства мужчин, которые тут сидят, последний раз вставало естественным образом еще до падения Берлинской стены.

Фэй рассмеялась и оглядела общество. Крис была права. Много денег, мало волос на голове, закупка синих таблеток^[19] в больших дозах – вот как можно было вкратце охарактеризовать ситуацию.

Крис подалась вперед.

– Как обстоят дела с Яком? До регистрации на бирже осталось всего ничего.

– После временных трудностей мы снова на верном пути, – ответила Фэй и рассказала Крис, что такое кей-логгер. – Но хватит обо мне. Что происходит в твоей жизни?

Подруга отхлебнула глоточек мохито, слегка причмокнула.

– Пару месяцев назад я всерьез раздумывала над тем, чтобы удалиться от дел и перебраться в теплые страны. Концерн «Куин» прекрасно работает и без моего участия, а больше денег мне уже не нужно. Но тут у меня возникла идея получше.

– Вот как?

– Да, – проговорила Крис, не поднимая глаз.

– Расскажешь сама или придется вытрясти из тебя правду?

– Стыд сказать, грех утаить – я влюбилась. Втюрилась по самые уши.

Фэй закашлялась, чуть не подавившись листиком мяты.

– Влюбилась? – глупо переспросила она. – В кого же?

– Ты не поверишь. Его зовут Юхан, он преподает шведский язык в самой обычной школе.

– Звучит вполне нормально, – ответила Фэй, которая ожидала услышать про татуированного участника шоу «Отель Парадайз» с огромными бицепсами, все еще пользующегося молодежной скидкой на авиабилеты.

– И это самое ужасное. – Крис вздохнула.

– Как вы познакомились?

– Он привел свою племянницу в наш салон в «Стюрегаллериан». На нем был чудовищный пиджак с заплатками на рукавах. Когда племянница уселась на стул, то попросила сделать ей «ирокез». Тут меня пробрало любопытство. Как он отреагирует? Но он лишь кивнул и сказал: «Я бы тоже себе такой сделал. Это круто».

Крис замолчала и задумчиво посмотрела в окно.

– «Жаль, что этот парень занят», – подумала я, считая, что это его дочь. Однако осталась в салоне, чтобы поболтать с ним. А когда он расплачивался, девочка спросила, когда за ней придет папа. Тут у меня и вовсе все упало: я решила, что он – гей.

– Но?..

– Девчонку забрал возле салона лысый мужик, который покраснел как рак при виде прически дочери. Они расстались, а я... черт, придется сказать все, как есть. Я отменила все свои встречи и пошла за ним.

– Ты начала его преследовать? – Фэй с недоверием посмотрела на подругу. Безумная выходка – даже для Крис.

– Ну так, немножко...

– Докуда?

– До Фашты.

– Ты ведь не покидала центра города с...

– Ну да, с неурожайного две тысячи шестого года, знаю. В общем, ладно. У торгового центра в Фаште он наконец обернулся ко мне. Видать, Джеймс Бонд из меня не очень – он заметил, что я преследую его от самой площади Стюреплан.

– И что он сказал?

– Сказал, что ему льстит мое внимание и что после столь длительного преследования меня, наверное, мучит жажда. Я призналась, что так и есть, и тогда он спросил, можно ли пригласить меня на чашечку кофе.

– Боже мой, Крис! Я так за тебя рада...

Подруга не могла сдержать улыбку.

– Я тоже.

– А потом?

– А потом он напоил меня кофе, и я безоглядно влюбилась. Мы поехали к нему домой, и я оставалась там два дня.

Она рассмеялась, и Фэй почувствовала, как внутри у нее потеплело.

– А что сейчас?

– Сейчас я по-прежнему без памяти влюблена. Фэй, это он, понимаешь? Мужчина, которого я ждала всю жизнь.

На десятую долю секунды улыбка сменилась гримасой. Любой другой, не знавший Крис так хорошо, как знала ее Фэй, не заметил бы этого изменения.

Что-то не так.

– Крис, что случилось?

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, пытаясь казаться беззаботной.

– Я слишком хорошо тебя знаю. Что случилось?

Крис подняла бокал и отпила глоток. Потом отставила бокал на стол.

– У меня рак, – глухо ответила она.

Время остановилось, все звуки исчезли, контуры размылись, острые края скруглились.

Голос Крис казался чужим и неестественным.

Фэй никак не могла воспринять сказанное. У радостной, энергичной Крис не может быть рака! И тем не менее. Редкая форма рака матки. Что, как отметила Крис, особенно злая ирония – учитывая, как мало она использовала свою матку. Вокруг них позвякивали приборы, звенели бокалы. Гладь воды, освещенная солнцем, казалась ровной и блестящей, а Королевский дворец возвышался на другом берегу, как всегда более смахивая на тюрьму, чем на сказочный замок. Стоял прекрасный осенний день, выманивший на улицы толпы жителей города. За столиками рядом с ними люди в золотых украшениях поедали с серебристых блюд изысканную нарезку, и Фэй недоумевала, как они могут смеяться, когда ее собственный мир только что рухнул.

– На самом деле я не планировала ничего рассказывать, пока не отделаюсь от него. Но все вышло, как вышло.

Крис пожала плечами. Если врачам не удастся остановить процесс, ей не выжить. Фэй искала в ее лице признаки того, что все это – шутка, ожидала услышать громкий и раскрепощенный смех Крис. Но его не последовало.

– Пойдем отсюда, – проговорила она. Дыхание вдруг сдавило. – Не могу сидеть и поедать салат, пока ты рассказываешь, что у тебя рак.

Фэй тут же пожалела о сказанном, осознав, что Крис до смерти напугана и изо всех сил сдерживает свои чувства. Ситуация не совсем подходящая для того, чтобы говорить, чего хочется ей самой. И уж точно неподходящий момент, чтобы жалеть себя.

– Прости. Просто я так ужасно расстроилась, – проговорила она.

Крис улыбнулась – на этот раз грустной улыбкой. Такого выражения лица Фэй, пожалуй, никогда еще не видела у своей любимой подруги. Она заставила себя проглотить кусочек курицы, но еда в горло не лезла. Отложив приборы, Фэй подозвала официанта и заказала два джина с тоником.

– Покрепче, пожалуйста.

Они сидели молча, пока не принесли напитки.

– Ты готова об этом говорить? – спросила Фэй, отпив глоток.

– Не знаю. Наверное, да. Просто не знаю, как.

– Я тоже не знаю. Но ты должна поправиться.

– Ясное дело, я поправлюсь. Просто ужасно неподходящий момент – Юхан и все такое... В кои-то веки я влюбилась – и тут в матке появляется опухоль и переворачивает все вверх дном. У кого-то там наверху странное чувство юмора.

Крис рассмеялась, но глаза ее оставались печальными.

Фэй кивнула. Обхватив губами соломинку, отпила еще. Ощутила, как джин распространился по телу, согрел. Дышать стало легче.

– Ты опасаясь, что он тебя бросит?

– Ясное дело. Я бы скорее удивилась, если б он этого не сделал. Мы встречаемся всего две недели, а если я хочу победить болезнь, это отнимет у меня все силы. Стану некрасивой, непривлекательной, утрачу либидо, буду вялой и уставшей... Ясное дело, мне тревожно. Я люблю его, Фэй, – понимаешь? Я так люблю его...

– Ты боишься...

– ...Умереть? Ужасно боюсь. Но умирать не собираюсь. Я хочу быть с Юханом, вместе путешествовать, вместе состариться... Никогда еще я не желала этого так страстно, как сейчас.

Она снова поморщилась. Фэй чувствовала себя совершенно потерянно. В конце концов она молча положила ладонь на руку Крис.

Эта рука, поддерживавшая ее во время медикаментозного аборта, теперь была холодна и дрожала.

– Рано или поздно тебе придется ему рассказать. Вне зависимости от того, бросит он тебя после этого или нет.

Крис кивнула и залпом выпила свой джин с тоником. Фэй продолжала держать ее руку.

Когда в воскресенье вечером она забрала Жюльенну, дочь посмотрела на нее полными ожидания глазами. Фэй совершенно забыла, о чем попросила ее и что обещала, – болезнь Крис все перевернула вверх дном.

– Где он? – спросила Жюльенна.

– Кто?

– Телефон. Я сделала у папы все, как ты мне сказала.

– Отлично, дорогая. Ты получишь его завтра.

Жюльенна начала возмущаться, но Фэй объяснила, что ей придется подождать. Дочь обиженно ушла в свою комнату, но у Фэй не было сил позвать ее.

Радоваться тому, что скоро будет обладать паролем Яка, она тоже не могла.

Крис просила ее никому не рассказывать о своей болезни. Не хотела, чтобы ей сочувствовали, не желала, чтобы у нее на лбу было написано, что она – раковая пациентка, как она сама сказала. Они договорились, что Фэй пойдет с ней на первый сеанс химиотерапии, а до того они не будут об этом говорить.

Однако невозможно было думать ни о чем другом.

Жизнь без Крис? Подруга всегда была рядом, оставалась сильной и волевой, когда Фэй хотелось спрятаться от всех. Теперь роли поменялись. Теперь Крис понадобится ее поддержка. Вся ее энергия.

У Фэй есть деньги. Есть процветающее предприятие. Она показала Яку и всему остальному миру, что может стоять на собственных ногах. И пусть этот кей-логгер, установленный на компьютере бывшего, сохранит его пароли и все, что он пишет, – может, и бог с ним? Может быть, бросить всю эту затею?

Нет, так не получится. Фэй начинало тошнить при одной мысли, что она не отомстит до конца. Она не может бросить. Не собирается бросать...

Что она за человек, если разобраться? Ее лучшая подруга больна. Возможно, смертельно больна. А она по-прежнему думает, как ей раздавить Яка...

Фьельбака – тогда

Мне было всего двенадцать лет, когда папа впервые избил меня. Мама отправилась за продуктами – она только что ушла. Я сидела за кухонным столом, папа – рядом, во главе стола, уткнувшись в кроссворд. Собираясь повернуться, я случайно задела чашку. Словно в замедленной съемке, видела, как она переворачивается, – все еще ощущала, как я задела ее рукой.

Какао вылилось на папину газету с почти разгаданным кроссвордом. Словно сама судьба решила вмешаться – показать мне, что настал мой черед.

Казалось, папа был в полной прострации, когда его рука вылетела вперед и ударила меня по уху. От боли слезы навернулись у меня на глаза. Я услышала, как Себастиан закрыл дверь в свою комнату, – вряд ли он решится выйти до возвращения мамы.

Почти сразу же последовал новый удар. Папа вскочил, и его рука попала мне по правой щеке. Я закрыла глаза, спряталась в глубине себя, в темноте, которая нежно окружила меня. Как это бывало в школе, когда я закрывалась от всех воплей и окриков.

Папина рука словно отскакивала от меня. Я сама была шокирована тем, как хорошо мне удалось устоять перед болью.

Когда в прихожей раздались мамины шаги, я поняла, что все кончилось. На этот раз.

Фэй ждала Крис возле Каролинской университетской больницы. Плотные облака держали город в плену. Стокгольм был серым и мокрым, как часто бывает осенью. Начавшие опадать листья образовывали на земле маленькие коричневые островки.

Перед входом Крис поежилась.

– Самое ужасное, что утром у меня совсем не было аппетита, а мне сказали, что перед процедурой рекомендуется поесть, – пробормотала она и покосилась на бумажный стаканчик кофе в руке у Фэй. – При одной мысли о кофе меня просто тошнит.

Фэй бросила стаканчик в ближайшую урну.

– Тебе необязательно было это делать, – сказала Крис, когда они входили во вращающиеся двери.

– Мы с тобой пройдем это вместе. Хорошо?

– Да, – ответила Крис, бросив на нее благодарный взгляд.

– Будь я больна, ты наверняка вскрыла бы меня и сама вырезала опухоль, – проговорила Фэй. – К сожалению, я боюсь крови, так что мне остается только сопровождать тебя и не пить вонючий кофе. Невысокая цена за то, чтобы провести несколько часов со своей лучшей подругой... – Она притянула к себе Крис. – Как ты себя чувствуешь?

– Как раковая пациентка. А ты... – Крис зашептала ей на ухо: – Ты ничего не боишься. Но спасибо, что притворяешься. Ради меня.

Фэй промолчала. Ибо единственное, что она могла ответить, – что она страшно боится. Боится, что ее лучшая подруга умрет.

* * *

Когда они выходили из больницы, Крис еле волочила ноги, и Фэй пришлось поддерживать ее. Трудно сказать, что сейчас было важнее – физическая или моральная поддержка. Фэй чувствовала себя неуверенно. О раке она ничего не знала.

Строго говоря, Крис собиралась взять такси, но Фэй решила отвезти ее домой и остаться у нее ночевать. Она послала эсэмэску Керстин, которая ответила, что сводит Жюльенну в кино.

Крис с полузакрытыми глазами прижалась головой к окну, за которым проносились освещенные улицы города.

– Юхан у тебя? – спросила Фэй.

– Нет, я сказала... я сказала, что у меня все выходные важные дела и встречаться некогда.

– Тебе придется ему рассказать.

– Знаю. – Крис поковыряла дверцу машины огненно-красным ногтем. – Но я хочу, чтобы ты сначала познакомилась с ним. Если он...

– Если он – что?

– Если он бросит меня.

– Да что же он за мужик, черт подери, если бросит тебя?

– Вполне типичный мужик, – проговорила Крис с усталой улыбкой. – Ты, как никто, знаешь, как с этим обстоят дела. С какой стати Юхану быть другим?

Фэй не знала, что ответить, – тысячи историй с интернет-форума застряли в ее сердце, как ледяные сосульки. Бесконечные предательства. Бесконечные обманы. Равнодушие и эгоизм. Она не могла убедительно сказать Крис, что та ошибается. Как бы ей этого ни хотелось.

Последний отрезок пути от парковки до лифта показался ей невыносимо долгим. Когда они наконец добрались до квартиры, Крис кинулась в туалет, и ее вырвало. Фэй стояла позади, поддерживая длинные волосы подруги. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как они в последний раз стояли в таком положении. Казалось, это было в другой жизни.

* * *

После краткого приступа сомнений Фэй решила использовать те сведения, которые получила при помощи кей-логгера. То, что он был установлен на компьютере Яка, означало большой прорыв, но ей все равно нужно было каким-то образом скопировать файл с письменным текстом на флэшку. После этого оставалось только надеяться, что все по-прежнему хранится в аккаунте gmail. Насколько она знала Яка, он редко что-либо удалял. На всякий случай хранил всё. «Никогда не знаешь, когда снова может понадобиться», – говаривал он.

Возможно, удача улыбнется ей в выходные во время празднования дня рождения Жюльенны...

Еще оставалась Ильва. Хотя Як уже оставил от новой любовницы только тень, Фэй не забыла тот презрительный взгляд, который бросила на нее Ильва. В ее спальне. Голая, только что совокуплявшаяся с чужим мужем. Стройная, тренированная, с идеальными силиконовыми грудями.

Медленно, но верно Фэй завоевывала территорию Ильвы, пока Ильва превращалась в ту, какой раньше была Фэй. Тело у нее теперь было стройным и тренированным, грудь новая и упругая. И Як отметил все эти изменения. Каждый раз, когда они встречались, чтобы

забрать или отвезти Жюльенну, он окидывал тело Фэй жадным взглядом. Как когда-то – в давние времена, когда не мог ею насытиться. Хотя Фэй ненавидела его, он все же странным образом на нее действовал. И она никак не могла привыкнуть видеть его с Ильвой. Вероятно, так никогда и не привыкнет...

Ее собственная личная жизнь ограничивалась случайными связями с молодыми мужчинами, которых она встречала где-нибудь в баре и, переспав пару раз, прерывала отношения. Никого она не подпускала близко. Никого не впускала в свою жизнь. В минуты слабости Фэй мечтала о том, как раздавит Яка – раз и навсегда... А потом возьмет его назад. Еще одна из ее грязных, позорных тайн... Черная вода постоянно прибывала.

«Да уж, в скарденности Яка обвинить никак нельзя», – думала Фэй, подъезжая к дому. Жюльенна пожелала, чтобы празднование ее семилетия выглядело, как «гала», и Як привлек фирму, специализирующуюся на детских праздниках; та украсила сад розовыми шариками, установила шатер и сцену и раскатала красный ковер, который в данном случае был розовым. Разумеется, пригласили и профессионального фотографа, который снимал бы прибывающих детей, чтобы потом украсить их портретами целый стенд. В саду стояли столы, уже ломившиеся под тяжестью лакомств и подарков. Даже по меркам самого фешенебельного квартала, устроено все было с размахом.

Правда, у Яка и потребность в самоутверждении больше, чем у других папаш на острове Лидингё.

С радостным воплем Жюльенна выскочила из машины и побежала к дому. Як и Ильва вышли на крыльцо, чтобы встретить ее. Фэй тоже вылезла из машины и поднялась на небольшой пригорок. Сегодня она выбрала узкое платье с глубоким вырезом от «Эрве Лежер» цвета ванильного трюфеля с коротким рукавом и сразу почувствовала на себе взгляды Яка. Похоже, Ильва тоже их заметила. Она демонстративно раскрыла Жюльенне свои объятия. Фэй ощутила спазм в животе, увидев, как ее дочь обнимает Ильву, но взяла себя в руки и продолжала улыбаться.

– Как мило вы все организовали, – сказала она.

– Мы действительно хотели сделать этот день незабываемым, – ответила Ильва и расцеловалась с Фэй в щечку.

От нее приятно пахло шампунем и духами. С тех пор как успехи «Ревендж» стали слишком заметны, чтобы их игнорировать, она тоже начала разговаривать с Фэй неестественно любезным, немного фамильярным тоном.

Высвобождаясь из объятий Ильвы, Фэй внимательно пригляделась к ней. Не появилась ли уже горькая складка вокруг рта, как у нее самой в последнее время с Яком? И не слишком ли много ботокса вколото в лоб?

– Если ты поспешишь в свою комнату, то там тебя ждет первый сюрприз, – сказал Як и потрепал Жюльенну по щеке.

Жюльенна побежала в дом, ее шаги гулко отдавались на лестнице, ведущей на второй этаж. Як пояснил:

– Ильва пригласила эту... как ее?

– Визажистку, – подсказала Ильва. – Она обычно гримирует Каролу^[20].

К ним подошел молодой парень и представился как иллюзионист. Они с Яком ушли в дом, а Фэй и Ильва остались стоять на крыльце, оглядывая сад, где двое мужчин несли очередной стол.

– Вы и вправду так прекрасно все организовали, – снова произнесла Фэй, чтобы прервать молчание.

Она не лукавила. Дом был прекрасен, а сад и вовсе великолепен. Садовник заслужил премию. Кроме того, они, похоже, избавились от гусей, засиравших пляж за домом. По слухам, Як нанял человека, чтобы отстрелять их ночью.

Ильва улыбнулась.

– Может быть, хочешь остаться и посмотреть? Жюли наверняка предпочтет, чтобы мы не отсвечивали, но было бы приятно, если б ты осталась.

Похоже, комментарий Фэй по поводу ее дома вызвал внезапный приступ щедрости. Правда, складывалось впечатление, что она тут же пожалела о своих словах, однако сказанного не воротишь.

Фэй чуть не вырвало, когда Ильва произнесла «Жюли». Но вместо того, чтобы заявить, что ее дочь – не морская свинка, она лишь кивнула. Отчасти потому, что надеялась добраться до компьютера Яка, но еще и потому, что отметила желание Ильвы взять назад свое спонтанное приглашение.

– С удовольствием.

– Чудесно. Як устроил так, чтобы «Сеан и Вилле» приехали сюда и спели две песни.

«Сеан и Вилле» были юношеской рок-группой, по которой Жюльенна и ее подружки буквально сходили с ума. Они знали наизусть все песни и никогда не пропускали ежедневные обновления их канала на Ютьюбе. Иногда по выходным дочь заставляла Фэй ездить с ней и болтаться возле их студии – лишь для того, чтобы увидеть, как два долговязых подростка садятся в такси, даже не бросив взгляд в сторону ожидающих их девочек, которые поначалу кричали от возбуждения, а потом рыдали от разочарования.

– Это, наверное, недешево обошлось? – спросила Фэй.

– Да уж... Их менеджер запросил восемьдесят тысяч крон за несколько песен. Плюс требование шампанского и шоколадных шариков.

– О боже!

– Поначалу Як даже заколебался, но я его уговорила. Мне так хочется, чтобы этот день стал для нее незабываемым... Хочешь бокал шампанского? Ты всегда можешь оставить машину у нас и поехать домой на такси. Или мы вызовем водителя, который отвезет тебя домой на твоей машине.

– Не откажусь.

– Тогда пойдем в дом.

В гостиной красовалась барная стойка. Ильва обогнула ее, наклонилась и достала бутылку.

– Может быть, кавы? – спросила она. – На мой взгляд, кава вкуснее шампанского, так что я всегда держу дома несколько бутылок.

– Спасибо, с удовольствием.

Ильва достала бокал, открыла бутылку и налила Фэй.

– А ты сама не будешь?

Она покачала головой.

– Мы никогда не говорили о... Ну, о том, что произошло.

Выражение лица у нее было почти соболезнующее. Фэй тут же осознала, как ненавидит ее. Ильва в течение нескольких месяцев спала с ее мужем у нее за спиной. И вот теперь она стоит посреди их огромного гребаного дома, красивая и спокойная, хотя и переборщившая с ботоксом, изображает понимание и думает, что все может быть прощено и забыто. Честнее было бы смотреть все так же

самодовольно и с превосходством, как тогда в спальне. Фэй меньше бы ее ненавидела.

Теперь же ей больше всего хотелось бы увидеть, как Ильва рассыпается на куски у нее на глазах.

Ильва и Як. Они и впрямь заслужили друг друга. И заслужили то, что собирается тучами на горизонте и вскоре испортит их идеальную жизнь.

– В этом нет необходимости, – ответила Фэй. – Вы с Яком прекрасно подходите друг другу. И у всех у нас все хорошо. – Она подняла бокал.

– Меня очень впечатлили твои успехи с «Ревендж», – сказал Ильва, опустившись в большое цветастое кресло.

Ткань по рисункам Юсефа Франка от фирмы «Свенск Тенн». Як обожал их расцветки, в то время как Фэй считала, что это удел пенсионеров.

– М-м... спасибо. А у тебя как дела? Тебе нравится работа в «Музифай»?

– Я собираюсь уходить. Знаешь ли, уже давно работаю на полставки. Работа Яка требует моего активного участия – вечера, выходы... опять же дом, Жюльенна – сама понимаешь.

Ильва развела руками, не глядя в глаза собеседнице. Фэй задалась вопросом, как много времени может отнимать Жюльенна, учитывая, что она проводит у них всего несколько часов в месяц. Но вслух сказала:

– Вот как?

– Мы... в общем, у Жюльенны будет братик или сестричка. И ты же знаешь Яка – он хочет, чтобы я сидела дома. Я с нетерпением жду этого момента – ведь у меня нет собственной семьи.

Фэй уставилась на нее, ломая голову, когда же наступит этот день. Содрогалась при мысли об этом. И все же ничто не могло подготовить ее к тому удару в солнечное сплетение, которым стала для нее эта новость. Одновременно она поняла, что для Ильвы настало начало конца. Какая-то часть Фэй сочувствовала ей, другая желала залепить ей пощечину.

– Как здорово, поздравляю!

Фэй изобразила на лице подобие улыбки, хотя внутри все сжалось так, что ей хотелось согнуться от боли.

Ильва просияла, приложив руки к несуществующему животу. Фэй, ответив на ее улыбку, выпила большой глоток. В голове теснились воспоминания об аборте. Холодность и равнодушие Яка. Рождение Жюльенны. Сотни пропущенных звонков и неотвеченных эсэмэсок Яку, пока она в боли и панике рожала их дочь.

Она посмотрела в окно. В саду огромное количество служащих поспешно заканчивали приготовления к приезду гостей.

– Когда ожидаете прибавления?

– Через полгода.

Ильва просияла, когда к ним присоединился Як. Он налил себе виски в баре и уселся во второе кресло, не рядом с Ильвой, а в том месте, откуда открывался отличный вид на глубокий вырез Фэй.

Ильва это тоже заметила.

– Все готово? – сдержанным тоном спросила она.

– В целом – да. Другие дети приедут через сорок пять минут.

Он показал ей свои часы – «Одемар Пиге», стоящие примерно полмиллиона. Не «Ролекс», который, по мнению Яка, – слишком мейнстрим. Сейчас у всех – «Ролекс». Те, кто что-то из себя представляет, носят часы «Одемар Пиге». Или «Патек Филипп».

– Поп-музыканты появятся ровно в пятнадцать часов. Только не говори ничего Жюльенне, она не подозревает. – Кивнул Фэй: – Как идут дела?

– Спасибо, отлично. И у тебя, насколько я знаю. Здорово, что вы выходите на биржу.

– Работы станет еще больше. Но это важный этап – после всего того, через что мне пришлось пройти.

Фэй улыбнулась ему и Ильве.

– Поздравляю с наследником. Ильва рассказала мне.

Она повернулась, сменив позу, чтобы он мог заглянуть ей под подол. Трусики на ней не было – они проступали бы под таким обтягивающим платьем.

Глаза Яка следили за ее движениями. Он поднял свой бокал, глядя на нее. Брюки натянулись в паху.

– Да, это так здорово, – проговорил Як хриловатым голосом и с усилием улыбнулся. Глаза его подернулись пеленой.

Ильва откашлялась.

– Поначалу Як отнесся к этому скептически. Сейчас в фирме так много дел... К тому же ты, как никто, знаешь, как серьезно Як относится к роли отца.

Неужели сама она так когда-то разговаривала? *«Як хочет, Як считает, Як сказал»?* Боже милосердный, она была совершенно невыносима... А теперь перед ней сидит Ильва – ее более молодая версия, – положив руки на животик, с улыбкой на лице, и прославляет того же самого мужчину. Ослепленная любовью и восхищением. Попавшая в зависимость.

Теперь Фэй понимала – именно такими Як хотел видеть всех своих женщин. Однако от этого ее презрение к Ильве еще более окрепло. Неужели ей совсем не знакомы муки совести? Все те бесчисленные встречи, когда она совокуплялась с Яком – в офисе, в их доме, в своей квартире, пока Фэй ждала его дома... Вероятно, что-то царапало внутри. Однако она была ослеплена любовью к Яку. И смотрела сверху вниз на его нелепую жену, которая просто сидела дома – без карьеры, без целей, без амбиций. Ильва наверняка сравнивала себя с ней и считала себя лучше. Приходила к выводу, что Фэй недостойна такого мужчины, как Як.

Фэй выпила последний глоток. Мрачно глянула на доньшко узкого бокала. Все-таки у нее не хватало дерзости самой подойти и подлить себе вина в баре.

– Хочу пойти немного отдохнуть, пока все не началось, – проговорила Ильва и встала, бросив последний взгляд на Фэй.

Когда она вышла, в гостиной повисло молчание. Через некоторое время Як откашлялся.

– Ты и вправду потрясающе выглядишь, – негромко произнес он.

Его взгляд не отрывался от ее выреза. Фэй позволила ему разглядывать ее. Откинула волосы, обнажив шею и ключицы, теперь не скрытые жирком. Она солгала бы, если б сказала, что не наслаждается его взглядами, но то, что ее тело по-прежнему реагировало на его присутствие, еще не означало, что он может контролировать ее.

Какая-то часть ее желала показать ему, что она в нем больше не нуждается. Однако не следовало поддаваться искушению и демонстрировать свое превосходство. Во-первых, ей было важно, чтобы Як снова в нее влюбился, а этого не произойдет, пока он не

поверит, что она – в его власти. Во-вторых, несмотря на всю низость по отношению к ней, он оставался Яком. Его слова по-прежнему что-то значили для нее, как бы она ни пыталась это отрицать.

– Спасибо, – с прохладцей ответила Фэй.

Его взгляд снова обратился к ее вырезу и задержался на нем. Она достала телефон, делая вид, что отправляет сообщение.

– Знаешь, иногда я вижу тебя во сне, – проговорил Як, поднявшись с кресла. Отошел к бару, принес бутылку кавы и подлил им обоим в бокалы.

Теперь он сел на диван рядом с ней, придвинувшись слишком близко.

От запаха одеколона у Фэй на мгновение закружилась голова. Тот же запах, что и в Барселоне. Затаив дыхание, она сказала себе, что не стоит отдаваться воспоминаниям, перебирать все то, что тогда казалось правдой, хотя потом оказалось ложью. Ей придется отказать ему, одновременно поддерживая его интерес. Пикантная ситуация. Як любит выступать охотником. Именно так она завоевала его в первый раз, давным-давно, в другой жизни. Теперь же повернулась к нему и заглянула прямо в его голубые глаза, полностью сосредоточенные на ней.

Таким мужчинам, как Як, всегда хочется завладеть тем, что им не принадлежит. Именно поэтому он изменял ей. Поэтому будет изменять и Ильве – если уже не делает это. И дальше будет изменять всем женщинам в своей жизни.

Позади них раздалися шаги. Одновременно обернувшись, они с Яком увидели Жюльенну, которая шла к ним. На ней было красивое розовое платье. На лицо наложен грим, от которого она казалась очень взрослой. Фэй не могла точно сказать, нравится ей это или нет.

– Какая ты красивая, моя дорогая, – сказала Фэй дочери. – Ты похожа на принцессу.

Жюльена прокрутилась перед ними.

– Йессика говорит, что я могу стать фотомodelью, – сказала она.

– Йессика? – переспросила Фэй, роясь в памяти среди имен одноклассниц Жюльенны.

– Визажистка, – уточнил Як, видя ее растерянность. – И она совершенно права.

Он посадил Жюльенну себе на колени, и на миг Фэй снова охватили странные сомнения. Когда дочь сидела между ними на диване, они на мгновение снова становились семьей. Это сбивало Фэй с толку.

Она потянулась за бокалом и поднесла его к губам, в то время как Як не сводил с нее глаз.

* * *

Из сада доносились звонкие голоса. Начали прибывать гости. К дому одна за другой подъезжали роскошные машины, из которых выпрыгивали разодетые девочки лет шести-семи. Фэй держалась в тени, пока Як и Ильва беседовали с родителями. Гора подарков на столе росла. Большинство из них были завернуты в белую оберточную бумагу с логотипом НК. На сцену поднялся иллюзионист, и девочки радостно завопили. Официант принес лимонад и сласти празднично одетым маленьким гостям, важно восседавшим за столиками внутри огромного шатра – как на настоящем гала-банкете. Жюльенна со счастливым лицом хлопала в ладоши. В роли конферансье выступал известный ведущий детской телепередачи.

Когда последним номером программы на сцену вышли «Сеан и Вилле», восторгу публики не было предела. Тут Фэй поняла, что ей выпал шанс считать кей-логгер. Девочки повыскакивали из-за столов и столпились у сцены. Ильва и Як, казалось, полностью поглощены происходящим. Незаметно выскользнув из шатра, Фэй вошла в дом и поднялась по лестнице на второй этаж, в кабинет Яка. Письменный стол, служивший ему в годы их совместной жизни, сохранился. На мгновение она испытала ностальгию по кабинету в башне, величественно парившей над городом, – воспоминания об ушедших днях. Стряхнув эмоции, напредила себе, что надо сосредоточиться. Несколько минут, проведенных на диване с Яком и Жюльенной, вывели ее из равновесия. Она не может позволить себе расслабляться.

Поставив сумочку на стол, Фэй склонилась над компьютером. Рядом стояли две фотографии в рамках. Одна – черно-белая, снятая несколько лет назад, на которой Ильва серьезно смотрела в камеру, томно приоткрыв рот. Другой снимок запечатлел Яка, Ильву и

Жюльенну в ресторане. На Ильве и Жюльенне были платья в одном стиле. Все трое смеялись и выглядели как настоящая счастливая семья. Фэй сделала глубокий вдох. Это всего лишь иллюзия, внешний фасад, созданный Яком. Ничего больше.

Она подвинула мышь, так что компьютер ожил, и ввела старый пароль Яка. Затаила дыхание. Но здесь он пароль не сменил. На экране возникла гигантская фотография Яка и Ильвы, обнимавшихся на борту гидроцикла на фоне водной глади. Оторвав взгляд от этого снимка, Фэй вставила в компьютер флэшку и последовала инструкциям Нимы.

Несколько секунд спустя она обнаружила файл с записью действий Яка и перенесла его на флэшку. Затем зашла в «Мои документы» и скопировала оттуда все папки, хотя и сомневалась, что там найдется что-либо интересное.

Из коридора донесся скрип. Фэй поспешно закрыла компьютер и стала в отчаянии искать, куда бы спрятаться. Но прежде чем она успела сделать хотя бы шаг, дверь распахнулась. Фэй поспешно обернулась.

В дверях стоял Як. На лице его читались удивление и подозрительность.

Фэй мгновенно оценила ситуацию. Она улыбнулась Яку. Преданно. Виновато.

– Я... просто хотела посмотреть, как ты обставил кабинет. Ты ведь знаешь, я всегда так любила этот письменный стол... Мне было интересно узнать, оставил ли ты его у себя.

Як перерабатывал полученную информацию. Похоже, остановился на том, что она все то же наивное и глупенькое существо, каким была всегда.

– А что?

– Ах, это так глупо, – пробормотала Фэй, опустив глаза. – Прости, мне не следовало сюда заходить, это же ваш дом, я не имею права... Просто меня охватила ностальгия...

Фэй двинулась к двери, но когда собиралась пройти мимо Яка, тот схватил ее за запястье – она чуть не выронила флэшку, которую держала в той же руке.

– Зачем тебе понадобилось смотреть, как я обставил кабинет? – спросил он с улыбкой, притягивая ее к себе.

Она снова ощутила запах его хорошо знакомого дорогого одеколona. Его эрегированный член уперся ей в ляжку, и, вопреки собственной воле, Фэй почувствовала, что ее это возбуждает.

– Соскучилась по мне, да? Это ты имела в виду, говоря о ностальгии? – жарко прошептал ей в ухо Як.

– Перестань, – пробормотала она.

Но он не обращал внимания на ее протесты. Глаза его горели. Прежняя Фэй никогда не сказала бы «нет» – наоборот, умоляла бы о его прикосновении, о его внимании.

Голос его зазвучал насмешливо, однако он не выпускал ее.

– Стало быть, малышка Фэй сделала себе новые сиськи, чтобы пользоваться успехом в кабаках? Тебе не хватает секса с настоящим мужчиной? Поэтому ты пришла сюда и напрашиваешься, чтобы тебя трахнули? Я слышал, чем ты занимаешься. Как уходишь из бара то с одним, то с другим мужчиной. Да нет – с мальчиками. Со сколькими ты успела переспать с тех пор, как мы развелись? У кого-нибудь был член побольше моего? Готов побиться об заклад, что ты трахалась и с двумя сразу...

От собственных слов Як все более возбуждался, его член становился все тверже, прижимался к ее ляжке. Тело Фэй отвечало ему, и она пошла по этому пути, чтобы скрыть флэшку, которую сжимала в кулаке. Не возражала, когда он расстегнул молнию у нее на спине и стянул платье до талии. Як сорвал с нее лифчик, ощупал ее грудь, крепко сжал. Все прекрасно зажило, но на местах разрезов чувствительность не восстановилась, поэтому от его прикосновений остались странные ощущения.

– Малышка Фэй, которая так хочет, чтобы ее трахнули...

Як повернул ее, ухватился за подол платья и задрал его выше бедер. Расстегнув брюки, толкнул ее вперед, положив на стол, принадлежавший Ингмару Бергману, и вошел в нее. Она охнула. Ее взяли силой...

– Ты такое любишь, да? – шептал он. – Чтобы тебя брали сзади, как мокренькую секретаршу... Теперь ты – директор, но по-прежнему любишь, чтобы тебя трахали как девку. Признавайся, Фэй, они так тебя берут? Твои молодые парни? Поворачивают тебя и трахают сзади?

Тяжело дыша, он еще шире расставил ее ноги, чтобы проникнуть еще глубже, прижал ее к столу правой рукой, запустив пальцы в ее

волосы.

Движения стали резче. Фэй держалась за стол свободной рукой – той, которая не сжимала флэшку. Стонала, как в порно, – так, как он любит. Лежа левой щекой на столе, смотрела прямо в серьезное, черно-белое лицо Ильвы.

Як кончил. Фэй почувствовала тупую боль, когда он сделал последний толчок. Затем застонал в последний раз, вышел из нее, сделал шаг назад и стал застегивать брюки. Несколько секунд она лежала все в том же положении, потом выпрямилась и одернула платье.

– С тобой всегда было классно трахаться, – сказал Як. – Мне этого не хватало.

Он улыбнулся и указал на ее обнаженные груди – покрасневшие, с большими распухшими сосками.

– Отличные получились сиськи. Мне нравятся.

Вид у Яка был самоуверенный. Порядок восстановлен. Он взял ее, вернул себе то, что ему принадлежало, – по крайней мере, на время. Фэй предпочла, чтобы он так и думал.

Не выпуская флэшки, она натянула на плечи верхнюю часть платья, повернулась спиной к Яку и подняла волосы, чтобы тот мог застегнуть на ней молнию. Секунду спустя он исчез.

Когда Фэй вошла в шатер, девочки в дорогих дизайнерских платьях хором пели песенку в честь Жюльенны. «Сеан и Вилле» руководили хором.

Ильва скосила на нее глаза и указала на Жюльенну, на голове у которой теперь красовалась блестящая королевская корона. Взгляд у Ильвы был подозрительный, но смиренный. Лицо ее слегка позеленело в духоте шатра, светлые волосы прилипли к затылку.

Когда все в шатре закричали «Ура!», Як встал рядом с Ильвой, поцеловал ее в щеку и обнял за талию. Ильва расслабилась. Фэй не могла сдержать улыбку. По внутренней стороне ляжки из нее медленно вытекала сперма Яка.

Фьельбака – тогда

В кухне всхлипывала мама, но я не могла подняться с постели, не могла помешать отцу наносить удары. Вместо этого завернулась в темноту, прогоняя тревогу и страх.

Наступила осень, и папа начал обращаться с мамой все более жестоко. И со мной и Себастианом тоже. Казалось, холодная ветреная осень никогда не кончится – а отец, как разъяренный зверь, заперт в клетке со своими жертвами. Мы словно циркулировали по кругу – маленькая изолированная ячейка в забытом богом поселке.

Случалось, я мечтала, что кто-нибудь придет и спасет нас. Ведь все знали. Хотя они и понятия не имели, насколько все плохо, им было известно достаточно. Почему никто не придет и не заберет нас отсюда? Не освободит нас? Но все трусливо отводили глаза, не замечая наших ран и синяков. Никто из учителей не сказал ни слова. Ни один врач никак не прокомментировал наши или мамины травмы. Прошлой зимой маме пришлось обращаться к врачу восемь раз. Вывихнутое плечо. Фрактура на запястье. Трещина в челюстной кости. Никто не ставил под сомнение ее истории о падении с подвальной лестницы, о дверцах кухонных шкафчиков, внезапно переходивших в наступление. Все закрывали глаза.

Что нас ждет этой зимой?

Плач мамы стал слышнее, когда дверь в мою комнату открылась и закрылась. Себастиан на цыпочках прокрался ко мне в кровать. Вскоре он заснул, свернувшись калачиком рядом со мной, как щенок, устроившийся в тепле. Но мне его присутствие не давало чувства спокойствия. Мне не надо было объяснять, что мое состояние зависит только от меня самой. Я обнаружила это совершенно самостоятельно.

Я сильнее их. В особенности Себастиана.

Дыхание брата смешивалось со звуком моря, бушевавшего за окном. Последние дачники разъехались. Все они делали вид, что не слышат криков, доносящихся из нашего дома – одного из немногих домов, обитатели которого жили здесь круглый год. Наверное, не хотели портить себе отпуск всякими неприятными впечатлениями. В каком-то смысле я их понимала. Но меня интересовало, думали ли они о детях в соседнем доме, когда закрывали на зиму свои дачи и возвращались в свои роскошные виллы в Гётеборге. Вероятно, нет.

На следующий день, отвезя Жюльенну в школу, Фэй заперлась в своем кабинете, открыла крышку ноутбука и просмотрела файл. Ей понадобилось десять минут, чтобы найти новый пароль от его аккаунта: *venividivici3848*.

О том, что произошло в кабинете Яка, она никому не обмолвилась ни словом. Как ни противно было играть унижительную роль покорной Фэй, других вариантов не было. Важно было не пробудить в Яке подозрения – ей пришлось ему подыграть, лишь бы он не обнаружил флэшку, которая жгла ей ладонь. Однако она не могла отрицать, что испытала наслаждение, вновь ощущая в себе Яка. Это ее тревожило. Раздражало. Это была трещина в ее доспехах, которой она не могла допустить.

Фэй вошла в его аккаунт, прокрутила вниз список документов – и нашла то, что искала. Тщательно и методично сохранила все свои находки.

Теперь у нее есть все необходимое.

Оставшиеся часы до обеда она провела, просматривая файл и отслеживая, что Як делал за своим компьютером. Его поиски по порносайтам и отбор по словам *younggirl*, *teen* и *petite*, переписка с Хенриком по поводу «дурынды», с которой он трахался прямо в офисе, насмешки по поводу веса одной из сотрудниц. Все это со временем может пойти в дело.

Прихватив с собой свой новый компьютер, Фэй сообщила Керстин, что пойдет обедать в кафе. Усевшись за столиком в «Старбаксе» на площади Стюреплан, она продолжала просматривать документы. Во вторник на следующей неделе «Компэр» будет зарегистрирована на бирже. У нее достаточно времени продумать четкий план, как использовать то, что она обнаружила. Скорее всего, она запустит процесс в пятницу. Через четыре дня.

Звякнул мобильный телефон. Сообщение от Яка. «Не могу забыть, как классно было в прошлый раз. Может, встретимся?» – писал он.

Фэй задумалась, как лучше ответить. Все завертелось быстрее, чем она предполагала. Важно поддерживать его интерес к себе, пока не настанет момент для последних решающих действий. Еще подумав, она настрочила краткий ответ и нажала «отправить».

* * *

Крис пила апельсиновый сок на верхнем этаже бассейна «Стюребадет». Воздух здесь был влажный. Пенсионеры поедали салатики за две сотни крон, завернувшись в белые махровые халаты, – все это под журчание воды в бассейнах этажом ниже.

Фэй выдвинула себе стул и уселась напротив нее.

– Почему ты назначила мне встречу именно здесь? – спросила она.

Крис удивленно подняла глаза.

– А, привет. Я тебя не заметила... Не знаю. Эти звуки меня успокаивают. Как будто лежишь в большой теплой матке.

Пристраивая куртку на спинку стула, Фэй внимательно оглядела подругу. Взгляд у Крис был какой-то отсутствующий.

– Как ты себя чувствуешь?

– Сегодня у меня хороший день. Но сегодня я и в больнице не была. Вечером ужинаю с Юханом.

– Как он отреагировал, когда ты ему рассказала?

Крис опустила глаза, уставилась в стол.

– Я не рассказала. Я... не могу. Не вынесу, если он меня бросит.

Глаза ее были полны стыда и страха. Это напугало Фэй. Никогда раньше она не видела, чтобы Крис стыдилась или показывала свой страх.

Она взяла подругу за руку.

– Крис, дорогая моя, я все понимаю. Тебе будет легче, если я буду рядом, когда ты расскажешь ему? На случай... просто на всякий случай.

Крис медленно кивнула.

– Ты готова это сделать?

– Конечно, если так тебе будет лучше.

– Просто не хочу создавать тебе хлопот. Но я чувствую себя такой слабой, такой беспомощной... Те немногие часы, когда мне удастся побыть самой собой, отнимают столько сил... Когда я не с Юханом, я могу только сидеть здесь. Кто бы сказал мне, что здесь я проведу последние дни жизни – в «Стюребадет»...

За этим последовала настоящая улыбка. «Щепоточка истинной Крис», – подумала Фэй и тоже улыбнулась в ответ.

* * *

Школа, где работал Юхан, была построена из красного кирпича и расположена на улице Вальхаллавеген. У ворот болтались несколько мальчиков и девочек возраста Жюльенны. Они повернули головы, когда Фэй и Крис вылезли из такси и пересекли школьный двор.

Вошли в длинный коридор, где теснилось множество голубых шкафчиков. Ни души.

– Ты знаешь, где он? – спросила Фэй.

– Нет, но разве сейчас не обеденный перерыв? То есть – большая перемена...

Фэй взглянула на часы. Они показывали ровно двенадцать. В ту же секунду все двери классов одновременно распахнулись, и ученики высыпали наружу. Поймав за рукав прыщавого парня в кепке и куртке, Фэй спросила, где учитель шведского языка Юхан.

– Юхан Шёландер, – вставила Крис.

Парень только помотал головой и исчез.

Они прижались к шкафчикам, чтобы их не сбили с ног проносящиеся мимо мальчишки.

– Позвони ему.

Приложив телефон к правому уху, Крис свободной рукой зажала себе левое. Когда он ответил, она отвернулась.

Коридор начал пустеть. Что-то произошло внутри Фэй, когда она переступила порог школы. Разница в росте, неуверенные, растерянные взгляды, строгая иерархия. Напряжение лежало на поверхности, готовое в любую секунду взорвать все. Матильда пыталась пробираться по таким коридорам как можно незаметнее, но ей это никогда не удавалось. Все знали, кто она. Все были в курсе, что случилось.

Крис похлопала ее по плечу.

– Он сказал, чтобы мы подождали его снаружи.

– Что он сказал?

– Просто... удивился, что я здесь. И обрадовался.

В ее голосе звучали нервозность и радостное возбуждение. Вместе с потоком учеников они прошли через стеклянную дверь,

спустились вниз по лестнице, вышли на школьный двор и нашли под кустом свободную скамейку.

– Как настроение? – спросила Фэй.

– Нервничаю, – призналась Крис.

– Все будет хорошо. Вот увидишь.

Подруга кивнула без всякой уверенности.

Открылась дверь, и из здания вышел высокий стройный мужчина в джинсах и клетчатой рубашке; светлые волосы слегка взлохмачены. Увидев их, он решительно направился прямо к ним, широко улыбаясь. В нем ощущалась какая-то прямота и открытость – Фэй он понравился с первого взгляда. У него не было ничего общего с теми мужчинами, с которыми она наблюдала Крис все эти годы, – и это можно было считать несомненным плюсом. Крис почему-то всегда выбирала неудачных мужчин, однако Фэй сразу почувствовала, что Юхан совершенно другой.

– Крис! – радостно воскликнул он. – Как я рад тебя видеть! Что ты... что вы здесь делаете?

Крис вскочила на ноги и обняла его. Когда они разомкнули объятия, он обернулся к Фэй.

– А ты, должно быть, та самая Фэй? Как приятно наконец-то с тобой познакомиться, а то я уже начал подозревать, что ты – вымышленный персонаж...

Она пожала его протянутую руку. Должно быть, Юхан уже заметил, что они пришли не по веселому поводу, – он бросил на Крис неуверенный взгляд.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Давай лучше сядем, – предложила Фэй, сделав жест в сторону скамейки.

Крис оказалась посередине. Она сделала глубокий вдох, заколебалась, но Фэй подтолкнула ее локтем. Крис сердито покосилась на нее, но потом взяла Юхана за руку.

– Юхан, я должна тебе кое-что рассказать... – начала она, и Фэй ободряюще закивала. – Я больна. У меня – рак. Тяжелая разновидность, с которой трудно что-то сделать.

Она говорила быстро, волнуясь, почти глотая слова. Но по лицу Юхана было заметно, что он все слышал. Открыл рот, чтобы что-то

сказать, потом снова закрыл. Потом глубоко вздохнул. Кивнул. И медленно проговорил:

– Я все знаю.

– Как? – хором изумились Фэй и Крис.

– Я нашел у тебя дома приглашение на химиотерапию.

– Почему же ты ничего не сказал?

– Потому что... Я подумал – тебе решать, захочешь ты рассказать мне или нет. Счел, что ты расскажешь, когда созреешь.

Крис обняла его.

– И теперь... ты оставишь меня? Если ты это сделаешь, я тебя пойму.

В глазах у нее был такой страх, что по спине у Фэй заструился холодный пот.

Но Юхан засмеялся и покачал головой. Смех его звучал чуть надтреснуто, но все же это был смех.

– Боже, дорогая моя! Нужно нечто куда более весомое, чем рак, чтобы заставить меня бросить тебя. В жизни не встречал человека, с которым я был бы так счастлив, как с тобой.

– Но я, возможно, умру... Более вероятно, что я умру, нежели выживу.

Юхан задумчиво кивнул.

– Может быть. Тогда последним, что ты увидишь, будет моя физиономия.

Вокруг них шумели дети, полные надежд на будущее, у которых впереди было множество радостных и горестных моментов, триумфов и ошибок. У Крис должно было оставаться в запасе много ошибок – она всегда была чемпионом по ошибкам. Всегда утверждала, что именно плохие решения делают жизнь увлекательной.

Фэй отвернулась, чтобы подруга не видела ее слез. Боковым зрением она отметила, что Крис прислонилась к Юхану, рассказывая ему, как обстоят дела. Несмотря на ужасное содержание, это был самый прекрасный разговор, какой Фэй доводилось слышать. И Крис радовалась, как ребенок, стоило Юхану открыть рот. На мгновение Фэй задумалась о том, как отреагировал бы Як, если б она рассказала ему нечто подобное. Як не любил болезней и слабостей. Он слинял бы после первой фразы.

Фэй поднялась со скамейки, чтобы оставить их вдвоем, но Юхан попросил ее остаться. Затем обернулся к Крис.

– Теперь, когда ты мне все сказала, я тоже хочу тебе кое-что сказать – давно хотел, но не решался. И пусть Фэй останется, потому что вдруг ты захочешь бросить меня после этого, и тогда *мне* понадобится человек, который сможет обнять и утешить...

Крис заволновалась, а Фэй и вовсе вышла из себя. Момент явно неподходящий, чтобы признаться в измене или что он там задумал рассказать. Она уже готовилась схватить Крис за руку и увести прочь. Но Юхан запустил руку в карман и что-то достал, а потом встал на колени перед Крис и взял ее за обе руки. Что-то блеснуло в его пальцах, и сердце у Фэй отчаянно застучало. Она покосилась на Крис, которая по-прежнему ничего не понимала. Гнев улегся так же быстро, как и вскипел; по всему телу у Фэй побежали мурашки. Юхан не сводил глаз с Крис, стоя на коленях на асфальте школьного двора. Ученики уловили, как собачонки, унюхавшие печенье: что-то затевается – и сгруппировались вокруг небольшими группками.

Но для Юхана существовали в этот момент только они с Крис. Он откашлялся и произнес:

– Крис, ты самая потрясающая женщина из всех, кого мне довелось встречать в жизни; ты самый добрый и самый умный человек из всех, с кем я когда-либо общался. Я люблю тебя – с первой секунды, как увидел. Если бы ты не стала следить за мной до самой Фашты, я уже на следующий день пришел бы в твой салон и попросил сделать мне «ирокез» или что-нибудь еще. Это кольцо... – он поднял вверх сверкающее колечко, – я купил на четвертый день после нашей встречи и с тех пор всегда носил с собой. Не хотел показаться сумасшедшим, достав его слишком рано, хотя мне с самого начала все было ясно. Теперь получилось, что я проносил его с собой слишком долго. Поэтому хочу спросить тебя: готова ли ты носить его на пальце? То есть – согласна ли ты выйти за меня замуж?

Ученики, стоявшие вокруг них, радостно завопили. Кто-то засвистел в два пальца. Какая-то девчонка крикнула звонким голосом:

– Давай же, скажи «да»! Юхан – супер! Он самый лучший учитель!

Крис приложила ладони ко рту, и Юхан явно занервничал. Сглотнув, она протянула вперед руку – по щекам у нее текли слезы – и

прошептала:

– Ясное дело, я согласна.

Ученики возликовали.

Юхан усмехнулся, глядя на них, и поднял вверх большой палец; его радостно подбадривали криками и аплодисментами. Немного неловко он надел кольцо на палец Крис.

– Я обожаю тебя, – пробормотала она, подняла его с колен и поцеловала.

Найдя на улице Йотгатан скромное кафе под названием «Мюнген», Фэй взяла себе кофе, открыла компьютер и подключилась к Wi-Fi. Она заранее загрузила анонимизатор VPN, скрывавший IP-адрес, чтобы ее невозможно было отследить. Вставив в компьютер флэшку, на которую она перекачала все, что нашла в аккаунте Яка, Фэй пробежала глазами материалы. Все было разложено по полочкам, четко структурировано – мечта голодного репортера.

Фэй выбрала молодую журналистку в «Дагенс индустри» по имени Магдалена Юнссон. Присмотрела ее уже давно. Та была умна, точна и хорошо писала.

«Если тебя это заинтересовало, у меня есть кое-что еще», – написала Фэй и нажала «отправить». Все так просто...

Она уже собиралась встать и уйти, когда в компьютере звякнуло и в папке «Входящие» появилось новое сообщение:

«Мы можем встретиться лично?»

Фэй задумалась. Она знала, что у журналистов есть правило – защищать свой источник и что это для них свято. Вместе с тем, все мы люди. Лишнее слово, сказанное по пьянке, украденный мобильный телефон, доверительный разговор с бойфрендом – и ее анонимность будет раскрыта. На такой риск она пока не могла пойти.

«Нет. Но скажи, если хочешь получить еще».

Ответ пришел мгновенно:

«О'кей, спасибо! Наши эксперты должны проверить подлинность, проверка может занять несколько дней, но это невероятно – если все это правда».

«Это правда», – написала Фэй, закрыла ноутбук и вышла из кафе.

На первой полосе деловой газеты «Дагенс индустри» красовался заголовок: «Генеральный директор “Компэр” Як Адельхейм призывал своих сотрудников обманывать пожилых и слабых». Под рубрикой приводились кадры из видеозаписи, которую Фэй переслала Магдалене Юнссон.

Стоя возле кухонного островка, Фэй отпила глоток кофе. История о том, как Як Адельхейм, гендиректор фирмы, только что зарегистрировавшейся на бирже с рекордными цифрами, призывал своих сотрудников лгать старикам, чтобы отобрать у них деньги, была разнесена на четыре полосы. Все то, что Фэй собрала из его почты и переслала Магдалене Юнссон, было превращено в броские заголовки. Самым весомым компрометирующим материалом стала видеозапись, сделанная мобильным телефоном в самом начале восхождения «Компэр» к успеху, когда Як на совещании четко инструктировал своих сотрудников продавать старикам все, что можно, прибегая для этого ко всем доступным средствам. Всё – ради прибыли. Всё – ради результата. Запись продолжалась десять минут – она разбивала в пух и прах имидж Яка как руководителя предприятия. Запись была той бомбой, которую Фэй в первую очередь надеялась найти в его аккаунте. Все остальное служило скорее украшениями на торте. Одной записи должно хватить, чтобы утопить бывшего и навредить «Компэр». Фэй видела это видео раньше и рассчитывала, что у Яка хватило наглости его сохранить.

Теперь оставалось выяснить, сколь велик нанесенный ею урон. Она опасалась, что этого может оказаться недостаточно. Мир так циничен... СМИ, общественность, деловой мир весьма капризны. А жажда наживы правит везде и во всем. Единственное, что она могла сделать, – это создать некие предпосылки для скандала.

С жадностью и злорадством Фэй читала дальше. В груди у нее родилось трепещущее чувство счастья – от осознания того, что теперь Як почувствует себя загнанным в угол.

К ее большому облегчению, СМИ были беспощадны. «ДИ» выбрала четкую и однозначную позицию осуждения. В статье высказывались политики, члены регионального совета и родственники пострадавших пожилых людей. Автор хроники в «ДИ» назвал это крупнейшим скандалом за последние десять лет и высказал предположение, что после такого Як Адельхейм не сможет остаться на

своим посту. Фэй с воодушевлением стала листать дальше. Дочитав «Дагенс индустри», она проверила «Экспрессен», «Афтонбладет» и «Дагенс нюхетер». На сайтах всех трех газет в самом верху виднелись крупные заголовки о скандале и приводились цитаты из видео. «Афтонбладет» посвятил целую утреннюю программу своего вещания обсуждению того, в какой мере новые сведения скажутся на делах «Компэр» и ее акциях. Газетчики соревновались друг с другом, кто приведет более негативный комментарий очередной знаменитости. Вся общественность сплотилась против Яка. Как он посмел? Как могла его фирма так поступать?

Фэй попыталась представить себе Яка. Чем он занят? Какотреагирует? Последует ли призывам комментаторов немедленно уйти с поста, чтобы спасти честь «Компэр» и избежать падения курса акций?

Вполне вероятно – если он поддастся панике, почувствует себя раненым зверем. Учитывая его происхождение, публичного унижения он боялся больше, чем кто бы то ни было. Стыд, давивший на него с детских лет, мог заставить его бросить все и бежать. Этому она обязана воспрепятствовать. Это нарушило бы все ее планы. Надо вызвать его на бой, призвать биться до последнего. Почесать его за ушком, убедить, что никто лучше его не спасет «Компэр». Фэй казалось, что это будет не особенно трудно. Она прекрасно знала, на какие кнопки нажать.

Позвонила Керстин, которая с раннего утра уехала в офис.

– Ты видела?

– Как раз читаю. Невероятно. Они не пожалели красок. Получилось лучше, чем можно было ожидать.

– Знаю... Как считаешь – что мне делать теперь?

– Затаись. Он сам к тебе придет.

– Думаешь?

– Нет, золотце, я это *знаю*. В кризисных ситуациях мы тянемся к тем людям, которые подтверждают нашу ценность. Когда Яку понадобится подтверждение, он сам явится к тебе. Попросит у тебя совета. Он всегда в тебе нуждался. Просто у него не хватило ума самому это понять.

– Какой сейчас курс его акций?

Фэй услышала, как Керстин стучит по клавиатуре.

– Упал с девяноста семи крон до восьмидесяти двух, с тех пор как открылась биржа.

Она закашлялась. Много, но до ее цели по-прежнему далеко. Когда цена упадет ниже пятидесяти, она отдаст распоряжение своему брокеру на острове Мэн скупить все акции, до которых он сможет добраться. Тогда, возможно, удастся набрать контрольный пакет.

Яку и Хенрику принадлежали сорок процентов «Компэр». Поначалу им требовалось много инвесторов, и те купили акции предприятия. Як и Хенрик очень трепетно относились к тому, чтобы те, кто покупал акции, разделяли их взгляд на развитие предприятия. Но то, что они не владели контрольным пакетом, делало их уязвимыми, о чем Фэй много раз говорила им – но безрезультатно.

– До идеала еще далеко, – проговорила она.

– Не волнуйся. Все будет хорошо. Это может занять несколько дней, но чем больше поднимается недовольство, чем хуже Як с ним справляется, тем больше будут падать акции. Твоя задача – заставить его цепляться за место.

– Я знаю, – ответила Фэй.

На мгновение повисла пауза.

– Когда ты придешь в офис? – спросила Керстин.

– Сегодня, наверное, вообще не приду. Я нужна Крис.

– Поезжай, – сказала Керстин, – я тут за всем пригляжу.

* * *

Звонок в квартиру Крис отозвался в подъезде резким эхом. Фэй не предупредила, что придет. Так она поступала довольно часто. Дверь Крис всегда была для нее открыта, у нее даже сохранился ключ. Фэй ждала, прислушиваясь. Через некоторое время внутри квартиры послышались шаркающие шаги, щелкнул замок и дверь открылась.

Вид у Крис был измученный. Лицо посерело, под глазами пролегли темные круги. Увидев, что это Фэй, она сложила губы в усталую улыбку.

– О, это ты... Я думала, грабители.

– И ты открыла дверь?

– Мне нужен был кто-то, на ком я могу сорвать злость, – ответила Крис, отпирая белую решетку.

– Бедные грабители... У них не было бы шансов на спасение. Ты сегодня завтракала?

– Нет, со вчерашнего дня ничего не ела. Никакого аппетита, даже шампанского не хочется. Так что сама понимаешь, насколько это серьезно. Хочу спросить в больнице, нельзя ли вводить его внутривенно.

Крис легла на диван, а Фэй заварила кофе и стала рыться в холодильнике и в шкафчике, ища что-нибудь, что можно было бы запихнуть в Крис. В конце концов она сделала два бутерброда из хрустящих хлебцев с икрой из тюбика. Откусив пару кусочков, Крис с гримасой отвращения отодвинула от себя тарелку.

– Это икра Юхана. Я ее и в здоровом состоянии терпеть не могу. – Она обтерла язык салфеткой.

– Чего ж ты молчала? – спросила Фэй. – Сказала бы, что не любишь ее, – и я сделала бы тебе что-нибудь другое.

Крис пожала плечами.

– Химиотерапия, похоже, убила мои вкусовые рецепторы. И я подумала, что тогда и икра пойдет, но нет. Я пыталась объяснить Юхану, что это дьявольская еда, но он не слушает.

– Что говорят врачи? – осторожно спросила Фэй, забирая тарелку с бутербродами.

– А нам обязательно говорить об этом?

– Нет. Но я волнуюсь.

Крис тяжело вздохнула.

– Плохи дела, Фэй. Честно говоря, очень плохи.

У Фэй волосы на затылке встали дыбом.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказала. Лечение пока не дало никаких результатов – помимо того, что меня постоянно мучают тошнота и рвота и начали выпадать волосы. Но, конечно, есть и свои плюсы – я так построилась, что мне незачем потеть в зале.

– Даже не знаю, что и сказать.

Крис отмахнулась.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Веди себя как обычно. Чего новенького?

– Ты не читаешь газет?

Крис устало покачала головой. Фэй вышла в коридор, достала «Дагенс индустри», лежавшую в скрученном виде у нее в сумочке, вернулась с ней в гостиную и положила газету на живот Крис.

Бросив быстрый взгляд на Фэй, та открыла газету и перелистала ее, ища нужную статью.

Пока подруга читала, Фэй доела остатки бутербродов с икрой. Она не разделяла отношение подруги к икре из тюбика.

– Просто невероятно, – проговорила Крис и сложила газету. – Ты ожидала, что они столько напишут?

– Нет. Но самое главное, что за это ухватились обе вечерние газеты и «ДН». Плюс новостные сайты, Фейсбук и прочие соцсети.

– Ты, наверное, вне себя от счастья?

– Пока еще рано радоваться.

– Ты скучнее, чем я, – а я как-никак умирающий лебедь... Но это дело надо как-то отметить. Как думаешь, скоро мне подкатят капельницу с кавой?

– Не надо, Крис. Мы отпразднуем потом, когда все останется позади. Когда ты поправишься.

Она заставила себя улыбнуться.

– Как жизнь после обручения?

– Потрясающе. Насколько это возможно, когда тебя рвет по три раза за час. Юхан каждый день подает мне завтрак в постель.

– Но ты не ешь?

– Не ем, но он об этом не догадывается. А у меня язык не поворачивается сказать ему, что если б я съела, то через полчаса меня вытошнило бы его завтраком.

– Когда свадьба?

– В этом-то и проблема. Юхан хочет, чтобы она состоялась в течение года и все такое. Прямо не знаю, что случилось с современной молодежью, откуда у нее такие консервативные замашки... Боюсь, у меня не хватит на это сил.

Фэй не стала уточнять, что Юхан всего лишь на пять лет моложе Крис и потому вряд ли подходит под определение «молодежь». Вместо этого она посмотрела на подругу серьезным взглядом и сказала:

– Ты должна объяснить ему, что пока не можешь.

Слова прозвучали куда более строго, чем она предполагала. Ей не хотелось, чтобы Юхан давил на подругу. Крис должна созреть. У нее впереди масса времени.

– Проблема в том, что иначе это дело вообще не состоится. У меня есть неприглашенные гости в виде опухолей, которые тоже пожелают присутствовать.

– Лечение поможет. Должно помочь.

– Посмотрим, – проговорила Крис и отвернулась к стене.

Вскоре она заснула. Фэй накрыла ее пледом и похлопала по коленке, затем тихонько выскользнула из квартиры, заперев дверь своим ключом. Спускаясь по лестнице, почувствовала, что совсем упала духом. У Крис всегда был наготове смех – но сейчас она, похоже, настроилась умирать.

В экономических новостях по телевидению показывали в виде графика, насколько за день упали в цене акции «Компэр». Фото, снятые у входа в головной офис компании на Блазиехольмене, перемежались сценами у ворот виллы Яка на Лидингё. Но никому из журналистов не удалось разыскать его самого.

– Где же он прячется? – пробормотала Керстин, сидящая на диване рядом с Фэй и не сводившая взгляда с экрана телевизора.

– Наверняка совещается с PR-консультантами, которые хмурят брови и рассказывают ему, что именно он должен отвечать журналистам.

– И это поможет?

– Скорее всего, нет. Но консультанты смогут выкатить ему огромные счета за свои бесполезные советы. – Она повернулась к Керстин. – Ты ведь была сегодня у Рагнара? Как там дела?

Та покачала головой.

– Ты же знаешь – я не люблю об этом говорить.

Кивнув, Фэй решила на этот раз пойти ей навстречу.

Як продолжал скрываться, и с каждым часом фрустрация журналистов лишь нарастала. Когда в гостиную вошла Жюльенна, Фэй тактично переключилась на другой канал. Она собиралась пойти укладывать дочь, но Керстин предложила взять эту задачу на себя. Между Фэй и Керстин существовала некая эмоциональная связь, а Жюльенна была их общим сокровищем. Сейчас Керстин уходила в свою квартиру только на ночь, и Фэй это более чем устраивало.

Из комнаты дочери донесся смех, и Фэй улыбнулась. В ее жизни есть Жюльенна и Керстин – разве этого не достаточно? Обязательно ли ей уничтожать Яка? Жюльенна всегда обожествляла отца, а ребенку нужны оба родителя. Даже несмотря на то, что у Яка не всегда находилось время для дочери, даже притом, что Жюльенна иногда плакала, собираясь к папе. Фэй знала, что это естественно для детей, переживших развод родителей, – вечная боязнь расставания.

Насколько Як любит Жюльенну – этого она, строго говоря, не знала. Он всегда обращался с ней как с принцессой, но порой казалось, что дочь для него – всего лишь красивый аксессуар, который ему приятно показывать знакомым. Отцовская любовь – непростая штука, уж это Фэй было известно лучше, чем кому бы то ни было другому.

Временами она позволяла себя краткие моменты сомнений, но в целом знала, что альтернативы нет. Як подавлял ее, унижал, обманывал. Отказался от семьи, ради которой сама она пожертвовала всем. Всю жизнь ее судьба находилась в руках мужчин. Она не позволит Яку уйти от возмездия.

Фэй решила не досматривать новости и пошла в кухню, чтобы налить себе бокал вина. Вернувшись в гостиную и потянувшись за планшетом, она обнаружила в телефоне сообщение от Яка.

«Мне нужно с тобой поговорить», – писал он.

«Где?» – ответила она.

Прошла минута, прежде чем в телефоне снова звякнуло.

«Там, где мы с тобой познакомились».

* * *

Дождь лил, как из ведра, когда Фэй, выскочив из такси, вбежала в двери бара. За столиком сидели трое парней лет двадцати с небольшим, каждый с большим бокалом пива. Як сидел в дальнем углу зала – на том самом месте, где они с Крис сидели шестнадцать лет назад.

Як уныло повесил голову. Перед ним стоял наполовину пустой бокал с пивом.

Бармен кивнул ей.

– Пожалуйста, два пива. – Она предполагала, что бокал Яка скоро опустеет.

Бармен протянул ей два бокала, она взяла их и направилась к бывшему. Тот поднял глаза, а она придвинула к нему один бокал.

– Привет, – сказал Як и горько улыбнулся.

Он весь как-то съежился, казался незащищенным. Темные волосы были зачесаны назад, мокрая прядь упала на щеку. Лицо у него было бледное и осунувшееся, в глазах – красные прожилки. Никогда еще она не видела, чтобы он настолько упал духом. Фэй подавила внезапный импульс кинуться ему на шею, утешить, пообещать, что все образуется...

– Как ты?

Он медленно покачал головой.

– Это самое ужасное, что мне довелось пережить.

Последняя тень сочувствия улетучилась, когда Фэй поняла, как он жалеет себя. Ему просто нужна жилетка, чтобы поплакать. У него не возникло ни единой мысли о том, каково было ей, когда она лишилась всего. Стать парией, изгоем, в которого все тычут пальцем. Ей пришлось пройти через все то, что он переживает теперь, – и еще через многое другое. И он не испытывал к ней ни малейшего сочувствия. Тогда с какой стати она будет сопереживать ему?

Но чтобы получить желаемое, ей надо было дать ему то, чего ему хочется.

– Что ты намерен делать? – мягко проговорила Фэй.

– Не знаю, – тихо ответил Як.

Она тщательно продумывала каждое слово. Только б он не ушел с поста – это перечеркнет все ее усилия. Тогда он станет просто очередным финансистом, который оказался слишком жадным. Таких полно на свете. Як должен покинуть сцену при более эффектных обстоятельствах.

Она должна убедить его остаться. С высоты больнее падать. И казалось, одно ее присутствие пробуждало в нем боевой дух. Он взглянул на нее с новой искоркой в глазах. На заднем плане звучала мелодия «*Coming Around Again*» в исполнении Карли Саймон. Эту песню Фэй всегда любила, особенно строчки:

«*So don't mind if I fall apart, there's more room in a broken heart*»^[21].

Хотя ее собственное сердце, похоже, уменьшилось – словно усохло с

тех пор, как Як разбил его.

– Все это произошло более десяти лет назад, – проговорил он. – Как это вообще может стать новостью? В те времена я был молод и голоден. Просто делать то, что нужно для достижения успеха, – в этом суть бизнеса. Всех интересует лишь результат. Никто никогда не спрашивает, как ты его добился. Что с ними со всеми? Должно быть, зависть. Народ ненавидит тех, кто достиг успеха. Люди не любят таких, как мы с тобой, Фэй. Потому что мы умнее их.

Фэй не ответила. Внезапно снова появилось слово «мы». После стольких лет, когда он внушал ей, что она – дура, теперь вдруг заговорил о ее уме... Волна гнева накрыла ее, она крепко сжала пальцами бокал. Як же продолжал свою тираду. Голос звучал жалобно, на шее выступили красные пятна, каких она у него никогда раньше не замечала.

– В этой проклятой стране невозможно разбогатеть, если не проявить напор. Методы у нас были, не спорю, суровые, но не противозаконные! Даже пенсионеры в состоянии самостоятельно распорядиться своими деньгами – мы ведь говорим о взрослых людях! Они сами несут ответственность за свои поступки. В этой гребаной стране всегда виноват кто-то другой, кто-то должен убрать за всеми дерьмо, из кого-то надо сделать мальчика для битья. И тут все как с цепи сорвались, хотя единственное, что мы сделали, – это создали успешное предприятие, дали работу огромному количеству людей и повысили ВВП Швеции... – Он потряс головой. – Единственная ошибка, которую я допустил, – что заработал несколько лишних крон, и, конечно, это всем глаз колет. Коммунисты проклятые... Черта с два я дам им разрушить то, что я построил.

Он допил пиво, которое купила ему Фэй, и сделал знак бармену, что хочет еще. Фэй рассматривала его, словно видела впервые в жизни. Як вел себя как капризный ребенок, у которого отняли любимую игрушку. Если с таким настроением он выйдет в СМИ, то дни его сочтены.

Она должна его успокоить. Он будет поджариваться постепенно и не должен сгореть слишком быстро, как бенгальский огонь.

– Як, – мягко заговорила Фэй, положив руку ему на локоть. – Я согласна с тобой во всем, что ты говоришь. Но сейчас тебе следует держаться помягче. Сказать, что ты был молод, что теперь ты

изменился. Может быть, поехать в какой-нибудь из ваших домов престарелых и поработать денек волонтером... Пригласить СМИ... Снова завоевать доверие публики...

Она буквально увидела перед собой, как Як навещает дом престарелых. Журналисты, ясное дело, тут же его раскусят, и от этого станет еще хуже. Его просто изничтожат.

Но все будет происходить чуть медленнее.

– Может быть... – Вид у Яка был задумчивый. Красные пятна на шее стали исчезать.

– По крайней мере, стоит подумать об этом. Что говорит правление? И Хенрик?

– Само собой, они встревожены. Но я убедил их, что все это пройдет и забудется. О моей отставке речи нет – никто не справится с этой ролью лучше меня.

Як потянулся – глубоко убежденный в своем совершенстве и превосходстве. Фэй сдержала острое желание медленно вонзить каблуки своих туфель от «Джимми Чу» в его ноги в ботинках от «Гуччи». К тому же дико некрасивых ботинках. Пока одежду ему выбирала она, он одевался с большим вкусом. Ильва же, казалось, хотела, чтобы Як походил на русского нефтяного магната. С каждым годом, проведенным с Ильвой, он все больше кичился роскошью, украшая себя дорогими брендами.

– Ясное дело, – нежно проворковала Фэй. – Как чудесно, что они это понимают...

Он взглянул ей в глаза.

– Я... я так рад, что ты нашла время со мной встретиться. Я знаю, со мной временами бывало нелегко. А вся эта история с Ильвой... Такое просто случается само собой, тут ничего не поделаешь...

Як захмелел и с трудом фокусировал на ней взгляд.

– Она не понимает меня так, как ты. Никто меня так не понимает. И не понимал никогда. Не знаю, о чем я думал...

Фэй опустила глаза, посмотрев на их сплетенные руки.

– Я повзрослел, Фэй, стал зрелым человеком. Тогда я еще не вошел в ум. Но теперь понял, что совершил ошибку. Собственно, все это ничего не значило. Просто мне хотелось иметь... все.

Голос звучал жалобно и умоляюще, язык заплетался. Большим пальцем он погладил тыльную сторону ее ладони, и Фэй пришлось

мобилизовать все самообладание, чтобы не вырвать руку. От злости зашумело в ушах. Куда она смотрела раньше? Почему не разглядела, какой он на самом деле слабак? Закрывала на все глаза? Видела только то, что хотела видеть? Сама заполняла пробелы? Словно Як был гигантской раскраской по номерам – незаконченным произведением...

– Не думай об этом, – ответила она хриловатым голосом. – Что случилось, то случилось. Сейчас главное – чтобы ты выбрался из этой передраги.

Як огляделся вокруг.

– Здесь все так же, как в день нашей первой встречи. Помнишь? – Его лицо прояснилось.

– Ясное дело, помню, – ответила Фэй. – Я сидела там, где ты сейчас, а Крис – вот тут.

Як кивнул.

– Подумать только – знай мы тогда, через что нам предстоит пройти, как все сложится... А ведь я и правда был от тебя без ума. Черт, золотое времечко! Все было так...

– ...просто, – подсказала Фэй.

От злости все еще звенело в ушах. Все звуки отступили, до нее доносился только его вкрадчивый голос.

– Вот именно. Так просто...

Повисла пауза. Через некоторое время Фэй откашлялась:

– Что ты намерен делать?

– Буду бороться, – ответил Як. – Меня так просто не сломить.

Он в последний раз сжал ее руку.

– Спасибо.

– Не стоит благодарности, – ответила Фэй, внутренне надеясь, что Як не заметил ее язвительных интонаций.

Прошло три дня, и акции «Компэр» упали до семидесяти трех крон. Несколько известных людей из финансовой верхушки высказались по поводу произошедшего, намекая, что положение Яка сильно пошатнулось. Владельцы акций начали продавать свои доли. Отменилось выступление Яка на двух семинарах, куда его ранее пригласили. Он дал интервью, но не в «Дагенс индустри» – той газете, которая первой опубликовала видеозапись, – а в «Свенска дагбладет». Говорил о том, как ценит старшее поколение. О том, что видеозапись – всего лишь недоразумение, что его слова вырваны из контекста, что

все это было давно, ошибка коммуникации, или же кто-то намеренно хотел навредить успешному предприятию.

Извинения, увертки, отговорки...

Общественность терпеть этого не может. Все возненавидели Яка. Национальный союз пенсионеров выступил с заявлением, что непонятно, почему Як до сих пор не покинул свой пост главы предприятия.

Однако правление проголосовало за доверие к нему. Хотя их пугало то, что могло ожидать компанию, если Як останется на посту генерального директора, еще больше пугала перспектива остаться без Яка. Он и есть «Компэр». Именно на это и рассчитывала Фэй – и это приведет его к падению.

Пока Крис была на химиотерапии, Фэй позвонила своему брокеру на острове Мэн и попросила купить акции «Компэр» на десять миллионов крон. Курс акций немного стабилизировался – похоже, не все инвесторы утратили веру в предприятие. Закупив небольшой кусочек «Компэр», Фэй решила дать Яку передышку. Затишье в эпицентре шторма. Перед тем, как она сделает новый ход.

Фьельбака – тогда

Я притворилась спящей, когда Себастиан вылез из моей кровати. Он осторожно перекатился на сторону и поставил ноги на пол. Собрал одежду, лежавшую на полу, оделся – я же продолжала лежать с закрытыми глазами.

Я слышала, как Себастиан открывал холодильник и кухонные шкафы, со скрипом выдвинул кухонный стул. Внезапный грохот заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. Должно быть, он уронил тарелку – я буквально видела перед собой пол, усыпанный осколками. Представляла себе панику Себастиана.

Я села в постели, зная, что сейчас произойдет. У папы чуткий сон. Сегодня суббота – он не хотел, чтобы его будили. Спальня мамы с папой – на первом этаже, рядом с комнатой Себастиана. Они ссорились до поздней ночи, и папа наверняка совершенно вымотан. Я не спала всю ночь, прислушиваясь к крикам и глухим ударам, а Себастиан забылся тяжелым сном, положив руку мне на грудь.

Со страшным воплем папа ворвался в кухню. Я подтянула колени к груди, ощущая, как во мне сгущается мрак. Через перекрытие между

этажами до меня долетали крики Себастиана, потом умоляющий голос мамы. Но я знала, что ей не удастся остановить папу. Он должен дать выход своему гневу, разорвать кого-то на куски, получить удовольствие от разрушения.

Когда крики прекратились, я снова легла, натянув на голову одеяло. Та сторона постели, на которой спал Себастиан, все еще была теплой.

Уложив Крис в постель, Фэй уселась на диване в ее гостиной. Ей пока не хотелось уходить и оставлять подругу одну. Достав компьютер, она стала просматривать деловую почту. От тяжелого дыхания Крис в соседней комнате ей было трудно сосредоточиться – больно слышать, как она страдает. Когда Фэй просмотрела половину новых сообщений, телефон завибрировал. Это было сообщение о новостях в «Дагенс индустри». Заголовок звучал так: «Як Адельхем раскрывает все карты!»

Пульс отчаянно застучал в виске, когда Фэй открыла интервью. Оно оказалось больше, чем она опасалась, сплошь проникнутое лестью, и с таким же успехом могло бы проходить в разделе рекламы. Здесь Яку давались определения в превосходной степени, его версия подавалась как единственная. Журналистка подготовила вопросы, дававшие ему возможность повернуть все в свою пользу.

Фэй прокрутила вниз, ища имя журналистки. Мария Вестерберг. На фотографии рядом с подписью она стояла рядом с Яком у входа в один из роскошнейших отелей города. Оба широко улыбались в камеру. Фэй придирчиво рассмотрела снимок. Як и Мария стояли на фоне зеркальной стены, и художественный редактор, добавлявший в материал фотографию, пропустил одну деталь. Рука Яка лежала на попе Марии.

Фэй фыркнула. Она не позволит бывшему снова взять верх лишь потому, что он соблазнил журналистку. Потянувшись за телефоном, набрала номер Яка. Тот ответил с новой энергией и энтузиазмом в голосе.

– Курс опять пошел вверх. Народ скупает акции «Компэр»! – радостно воскликнул он. – Я знал, что ситуация изменится к лучшему.

В его голосе звучали нотки триумфа. К Яку вернулась былая самоуверенность.

– Как чудесно, Як. Впрочем, я и не волновалась, – прошептала Фэй. – Я так горжусь тобой...

Воздев глаза к небу, она тихонько вышла из гостиной Крис. Скоро должен был прийти Юхан.

– Может быть, встретимся и отпразднуем? – предложила Фэй, наслаждаясь своим актерским мастерством. Ей нужно пополнить свой арсенал, чтобы нейтрализовать то, чего он достиг, переспав с Марией Вестерберг.

– Само собой, – откликнулся Як. – Я сейчас в офисе, но могу уйти ненадолго, если у тебя есть время.

Зайдя тем временем в ванну Крис, Фэй открыла шкафчик, где, как она знала, подруга хранила снотворное, и достала упаковку «Стилнокта» – вряд ли Крис заметит исчезновение нескольких таблеток.

– Алло! Ты здесь? – переспросил Як. – Что-то прервалось?

– Нет-нет, я здесь. Отлично, что у тебя получается. Давай встретимся в «Гранд-отеле».

– В баре?

– Нет. В номере люкс.

* * *

Фэй написала сообщение Керстин, и та пообещала позаботиться о Жюльенне. Эти двое собирались поиграть в «Майнкрафт» – этим они теперь занимались каждый вечер. Керстин стала виртуозом, и Фэй даже замечала, кто она играет в офисе в рабочее время.

* * *

«Я готова на все, чтобы отомстить Яку», – говорила себе Фэй по пути к отелю. И теперь она возлежала на двуспальной кровати, наблюдая за бывшим мужем, опьяненным только что обретенной верой в себя.

– Не могу тобой насытиться, – пропыхтел Як, глядя на Фэй. Стоя на коленях у края постели, он лизал ее груди, покусывал их, щекотал языком. А она наслаждалась – но не сексом как таковым, а тем, что он думал, будто это он ее использует.

Теперь Фэй не испытывала прежней слабости к Яку, того влечения, которое охватило ее, когда они совокуплялись в его кабинете, на столе Ингмара Бергмана. Все это была мечта – о том, чего, похоже, никогда не существовало. Когда он целовал ее, Фэй мутило от запаха у него изо рта. Он начал подкрашивать волосы, чтобы скрыть седину, так что его шевелюра стала больше походить на шапку. К тому же она заподозрила, что он тоже стал пользоваться ботоксом.

От этой мысли между ног у нее стало сухо, как в пустыне. Як только хмыкнул, засунул палец в рот и увлажнил ее, чтобы продолжать свои толчки, пока не кончит. Фэй, не особо напрягаясь, изобразила стон наслаждения, а Як дал себя обмануть. Он был из тех мужчин, кому в конечном итоге плевать, достигла ли его женщина оргазма, – разве что ради собственного самодовольства. Фэй возлежала в кровати, а он поднялся и бродил нагишом по номеру.

Внезапно она поймала себя на том, что сравнивает его с теми мужчинами, с которыми переспала с тех пор, как он ее бросил. Хотя Фэй знала, что он ходит в зал пять раз в неделю, даже Яку Адельхейму было не по силам остановить бег времени. Попа повисла траурным флагом, а на груди наметились отвислые мешочки. Казалось, Фэй надела очки после того, как много лет ходила с плохим зрением.

Может быть, она видела его таким, каким он сам хотел казаться? Ей не хватало упругого тела Робина. Или Мике. Или Винсента. Или того парня в футболке «Нирвана», с которым она в прошлые выходные пошла к нему домой из «Спайбар». Любой из тех, кто заменил Яка в постели, смотрелся куда выигрышнее.

Бывший, насвистывая, отправился в ванную. Быстро подскочив, Фэй натянула трусики и лифчик и потянулась за своим черным бой-бэгом от «Шанель». Там у нее лежал порошок, который получился, когда она размолочила в ступке три таблетки «Стилнокта» дома у Крис. Пока Як принимал душ, Фэй заказала ему шот виски, а себе – полбутылки кавы. Из ванной доносилось: «*Love me tender, love me*

sweet...» Она высыпала порошок ему в стакан. А когда он принял душ, наполнила ванну.

– Боже мой, устал, как после пробежки, – проговорил Як и растянулся в кровати, словно довольный кот.

– Это снялось напряжение после всего, что произошло. Выпей виски и отдохни немного, – сказала Фэй и ушла в ванную.

Опустившись в теплую воду, она стала ждать. За это время выпила два бокала кавы.

– Як? – окликнула через некоторое время.

Ответа не последовало. Поднявшись, Фэй осторожно открыла дверь ванной. Як спал с открытым ртом, совершенно голый. В расслабленном состоянии его член выглядел совершенно комично – лежал на ляжке, как белый червячок. Фэй захихикала. Як громко всхрапнул, и она вздрогнула. Но он лишь повернулся на бок и уткнулся в подушку.

Накинув халат, она взяла его компьютер, села за стол, ввела пароль и подключилась к Сети. Сколько времени в ее распоряжении? К такому стечению обстоятельств она давно стремилась, заложила для него основу, постепенно подпуская Яка все ближе, став женщиной, которую он хочет. Она добивалась того, чтобы он расслабился, подпустил ее к себе, начал доверять ей. Сегодня ей представился удачный момент. И она намерена использовать его на полную катушку.

Фэй прочла его последние отправленные сообщения, но не нашла ничего интересного – помимо того, что он состоит в сексуальных отношениях с юной студенткой Торгово-экономического института. Введя ее имя в Фейсбуке, обнаружила, что девушке всего двадцать. Фэй внимательно рассмотрела ее фотографии. Девушка была хорошенькая, светловолосая, но несколько скучная. Заинтересует ли такое прессу? Нет, они даже не станут это публиковать.

В спальне завибрировал мобильный телефон. Фэй поспешно поднялась, на цыпочках зашла к Яку и посмотрела на мобильник, лежавший рядом с ним. Сообщение пришло не на него. Должно быть, у Яка два мобильных телефона. Ясное дело, тайный он использует для своих женщин...

Порывшись в кармане его плаща, она обнаружила белый «Айфон». Для того, чтобы войти, требовался пароль – или отпечатки пальцев. Осторожно взяв Яка за указательный палец, Фэй приложила

его к телефону. Через несколько секунд ей удалось войти. Она быстро проверила, не включила ли по ошибке звук.

Сообщение было от Хенрика.

«Где ты?»

Отвечать Фэй не стала; вместо этого начала изучать историю сообщений. Судя по всему, Як совсем выжил из ума и стал сексоголиком. Она читала с открытым ртом. В некоторые дни у него было назначено по два-три свидания. Непонятно, когда он вообще успевал заниматься своей фирмой. Женщины посылали снимки себя в голом виде и видео, снятые под душем, в которых они мастурбировали. Як отвечал фотографией своего пениса. Фэй смотрела на все это с удивительным равнодушием, хотя некоторые сообщения были отправлены три года назад – в то время, когда они с Яком все еще были вместе. Презирать его еще больше было уже просто некуда. Но в целом Фэй была разочарована. Ничто из того, что она обнаружила в телефоне, не могло ей пригодиться. Шведские газеты не публиковали скандалы с супружеской изменой, если на карту не была поставлена безопасность страны. Если б дело происходило в Англии, фотографии пениса Яка украсили бы первые полосы всех газет. На всякий случай она достала свой телефон и сфотографировала всё, перелистывая снимки. Сняла также сообщения в его папке «Входящие» – убедившись, что на фото видно, кому принадлежит телефон. Среди его снимков пениса попало и несколько селфи.

В «заметках» были лишь какие-то краткие зашифрованные записи. Места встреч и время. Фэй сравнила их с эсэмэсками и поняла, что они не совпадают. Что это за встречи? Наверное, деловые. Но тогда почему они не занесены в календарь?

Уже собираясь отложить телефон, она заметила иконку голосовых напоминаний. Без особых надежд открыла их и обнаружила, что там около тридцати звуковых файлов. Когда Фэй нажала на один из них, то ожидала, что это как-то связано с сексом, но, к своему удивлению, услышала разговор двух мужчин. Один из них был Як, второго она не могла узнать. Похоже, они сидели в машине на парковке. Качество записи было великолепное. Разговаривали они непринужденно, как старые друзья.

Неужели Як спит и с мужчинами? Пожалуй, она уже ничему не удивится.

Но нет – тут все намного хуже. Куда страшнее, чем тот видеоклип, который уже создал хаос вокруг акций «Компэр» на бирже... Фэй хотелось засмеяться в голос, однако она взяла себя в руки. Важно не разбудить Яка, пока еще не все скопировано.

Чтобы не оставлять электронных следов, она проиграла записи через динамик и записала на свой телефон. Когда проверяла качество записи, на заднем плане слышалось храпение Яка.

Еще через час Фэй успела просмотреть и компьютер, не найдя ничего интересного. Однако осталась очень довольна. Эти находки стоили унылого секса. Она задалась вопросом, всегда ли Як был таким никчемным любовником. Похоже, это была еще одна область, в которой она лгала самой себе. Или ей просто не с чем было сравнивать? Подумав о парне в футболке «Нирвана», Фэй сразу почувствовала, как между ног стало горячо и влажно. Этот парень довел ее до оргазма три раза подряд.

Привычным движением Фэй набрала код на входе в подъезд, где жила Крис. Подруга так просила ее прийти, что Фэй занервничала.

Войдя в лифт, она старалась думать о чем угодно, только не о Крис.

Аудиофайлы Фэй отослала той же журналистке, которая получила первую новость. Новое разоблачение – тот факт, что генеральный директор «Компэр» знал и даже пытался скрыть два случая смерти по причине ненадлежащего ухода в домах престарелых, принадлежащих компании, – вызвало настоящую волну возмущения по всей Швеции, далеко за пределами делового мира.

Курс акций «Компэр» стремительно падал. Деловая пресса и вечерние газеты наперебой цитировали политиков и известных личностей, а также анонимные источники в правлении компании, все до единого придерживавшиеся мнения, что Як должен покинуть пост.

На сегодня цена акций составляла шестьдесят три кроны.

Лифт остановился, и Фэй заставила себя открыть дверь. Юхан взял на работе отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за Крис, так что визиты Фэй стали реже. Она не хотела вторгаться, не хотела мешать им в том, что, как она уже начала понимать, станет их последними днями, проведенными вместе. К тому же иногда у нее просто не было сил.

Каждый раз, когда она видела Крис такой больной и слабой, какая-то часть ее души умирала. В отношении подруги ей не хватало мужества. Здесь она была трусливой маленькой девочкой, желавшей убежать от правды и реальности.

Дверь открыл Юхан.

– Ну как? – спросила Фэй.

Он пожал плечами.

– Что тут скажешь...

– Может быть, тебе пока пойти погулять, отвлечься?

– Может быть... Крис в любом случае хотела поговорить с тобой наедине.

От этого заявления внутри у Фэй все сжалось.

Зайдя в спальню Крис, она едва сдержалась, чтобы не закричать в голос. От подруги остались кожа да кости, ребра выпирали, кожа обтягивала ключицы. Глаза ввалились, кожа стала сухой и серой.

Снаружи жизнь шла своим чередом, автобусы ездили взад-вперед, люди ссорились, любили друг друга, разъезжали на машинах, женились и разводились – а в квартире на последнем этаже дома на улице Ньюбругатан лежала Крис и тихо таяла.

Фэй села на стул возле постели и осторожно взяла ее за руку.

– Со мной все кончено, – сказала Крис.

– Не говори так.

– Да нет, кто-то должен это сказать... И тебе, и Юхану полезнее было бы заняться чем-то другим, а не ухаживать за мной. Я все равно умру.

Фэй крепче сжала ее руку.

– А врачи?..

– Ох, они уже перестали меня лечить.

Рак, как ей объяснили, распространился по всему организму. Опухоли не исчезали в результате лечения – напротив, их становилось все больше. Сделать больше ничего было нельзя, только облегчить ее страдания. Ей предложили место в хосписе, но она отказалась – об этом Крис рассказала Фэй хриплым голосом.

– Юхан знает? – осторожно спросила Фэй.

– Нет, пока нет. У меня не хватает духу... поэтому-то я и просила тебя прийти. Можешь ли ты ему рассказать? Я не смогу... видя перед собой его лицо. Знаю, что это трусость, но...

– Я все сделаю, – коротко ответила Фэй, только бы положить конец этому разговору.

Она успокаивающе похлопала Крис по руке, но потом выбежала в ванную. Не в силах сдержать свои чувства, долго беззвучно плакала, свернувшись калачиком на полу и прижавшись лицом к холодному кафелю.

Фэй сама не знала, как долго пролежала так. Поднялась, только когда услышала, как Юхан открывает входную дверь.

* * *

Они с Юханом в молчании шли по улице Ньюбругатан. Фэй почувствовала, что ей нужен воздух, нужно пространство, чтобы вынести этот разговор.

Свернули на Карлавеген, и она указала на бар «Лондонер».

– Мне кажется, нам обоим не помешает выпить.

Заказав две стопки водки, Фэй отпила глоток еще по дороге к столу, где ее ждал Юхан. Он сидел, стиснув зубы, и стучал пальцами по крышке стола.

Фэй собрала волю в кулак, собралась с духом.

– Дело такое... даже не знаю, как тебе это сказать, Юхан. Химиотерапия не помогает, опухоли распространяются. Врачи прервали лечение.

Он медленно кивнул.

– Я знаю.

– Откуда?

– У меня младший брат – врач. Онколог в Гётеборге. Крис носила в сумочке копию своей карточки. Я переснял ее телефоном и послал брату. Он объяснил мне, что там написано. Знаю, это ужасно, что я рылся в ее вещах, – понимаю, она имеет право рассказать то, что считает нужным, когда захочет. Но я... я просто не выдержал неизвестности... Когда речь идет о Крис, я просто не могу сдержаться. Она отгораживается от меня, когда в этом нет необходимости.

Фэй кивнула, положив руку поверх его ладони. Она прекрасно понимала его.

Юхан поднял на нее глаза.

– Я все равно хочу жениться на ней. Я забронировал время в церкви через две недели. Думал сделать ей сюрприз...

Фэй откинулась назад – ее охватило неприятное чувство. Ей казалось, что она хорошо знает Юхана, он ей нравился и казался человеком глубоко порядочным, но сейчас она не могла сдержаться – к чувству горя примешивалась ее собственная горечь.

– Если ты женишься на ней ради денег, – проговорила она, подаваясь вперед, – то я убью тебя.

Он вздрогнул. Кажется, не понял, шутит она или говорит серьезно.

– Ты понял? Я убью тебя своими собственными руками.

Она смотрела на него не отрывая глаз, дав ему увидеть тот мрак в ее душе, который обычно скрывала.

– Зачем бы мне... – Юхан в изумлении смотрел на нее.

– Потому что Крис стоит больше сотни миллионов крон, и я знаю, *что* с людьми делает запах денег. Я это видела. И видела, как могут поступать мужчины, какими бесцеремонными они могут быть. Ты мне нравишься, Юхан, я правда очень хорошо к тебе отношусь, мне кажется, ты человек порядочный. Но сейчас умирает моя лучшая подруга. Единственный близкий мне человек, помимо Керстин. И я никому не дам обманывать или использовать ее, когда она при смерти. Поэтому если именно денежные причины толкают тебя жениться на ней перед... перед смертью... то я предлагаю тебе для твоего же блага закрыть вопрос о женитьбе и убедительно разыгрывать заботливого жениха, пока не...

Фэй проглотила слезы и отхлебнула еще глоток водки.

– Но если тобой движут честные побуждения, я помогу тебе в практической организации. И точно выясню, как обстоит дело. Не стоит меня недооценивать – не совершай эту ошибку.

Он повертел перед собой стопку, потом проговорил:

– Ты мне тоже нравишься, и я ценю, что ты заботишься о ее благе. Я люблю Крис больше, чем кого-либо другого. Других мотивов у меня нет. Я хочу назвать ее своей женой.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Хорошо, – ответила Фэй, сделала еще глоток и вытерла рот обратной стороной ладони. – Тогда будем готовиться к свадьбе века.

Они чокнулись стопками, но оба вздрогнули от этого звука. На мгновение он напомнил им звук поминальных колоколов.

Фьельбака – тогда

В день похорон Себастиана всех отпустили с уроков. Впервые за долгое время в школе все оставили меня в покое. Слишком много всего произошло за такое короткое время. Казалось, шок затопил все – школьный двор, классы, металлические шкафы с бессмысленными граффити.

Церковь была битком набита народом. Себастиан, у которого никогда не было настоящих друзей, внезапно собрал огромную толпу. Несколько девчонок его возраста плакали, громко сморкаясь в заботливо припасенные платки. Интересно, они хоть раз с ним разговаривали?

Мама выбрала белый гроб. И желтые розы. Собственно говоря, это была нелепая затея. Таким Себастиан никогда не интересовался. Но я понимала, что это скорее предназначено для тех, кто остался. Себастиан лежал в гробу, холодный и мертвый. Ему уже ни до чего не было дела.

Его обнаружил отец – висящим на ремне на перекладине встроенного шкафа-кладовки. Он крикнул маме, а потом снял Себастиана с перекладины. Снял с его шеи ремень. Тряс его, кричал ему в лицо, пока мама звонила в «Скорую».

«Скорая» ехала очень долго, но я знала, что ее приезд уже все равно ничего не изменит. У Себастиана были синие губы и белая кожа. Я знала, что он мертв.

Сидя на передней скамье в церкви, я ощущала спиной взгляды остальных. Папа в черном костюме сидел рядом. Руки у него тряслись – от ярости. Ибо смерть была единственным, что не поддавалось его контролю. Ее он не мог напугать, заставить слушаться и подчиняться. Смерть плевать на него хотела, и это доводило его до безумия, когда он сидел и смотрел на Себастиана, лежащего в белом гробу с желтыми розами, выбранными мамой.

Поминок не было. Да и кого бы мы пригласили? Среди тех, кто собрался в этот день в церкви, не было наших друзей. Лишь стервятники, готовые купаться в нашем горе.

И я, и мама знали – дома папе понадобится разрядка. Его ярость мы ощущали в течение нескольких недель. Мама велела мне идти в свою комнату. Поначалу я послушалась ее, поднялась по лестнице. Но потом села на верхнюю ступеньку. Прислонившись щекой к деревянному столбу, которым заканчивались перила, ощутила кожей прохладу дерева. С того места, где я сидела, мне хорошо была видна вся кухня. Если б они подняли глаза, то увидели бы меня, но они лишь ходили кругами, как два тигра в клетке. Папа, выставив вперед челюсть, то сжимая, то разжимая кулаки. Мама, высоко подняв голову, внимательно наблюдая за каждым его движением. Готовая ко всему.

Когда последовал первый удар, она не склонила голову, не присела. Кулак отца попал ей прямо в подбородок, отчего ее голова откинулась назад, а потом качнулась вперед. Папа ударил снова. Из рта у мамы брызнула кровь, окрасив белые дверцы кухонных шкафчиков на манер абстрактной живописи. Что-то вылетело у нее из рта и с глухим звуком стукнулось об пол. Зуб.

Она упала на пол, но он продолжал бить ее. Снова и снова.

Я поняла, что теперь, когда Себастиан умер, мама не долго проживет в этом доме.

Два дня спустя акции «Компэр» еще больше упали в цене. Фэй сидела за деловым ланчем, обсуждая вопросы сотрудничества с поп-звездой Виолой Гэд, только что заставшей своего мужа в постели с восемнадцатилетней девушкой, когда пришла эсэмэска от Керстин.

«49,95 крон. Пора!»

Отложив приборы и извинившись перед Виолой и ее менеджером, Фэй удалилась в туалет и, заперев дверь, села на крышку унитаза. Все, за что она боролась, теперь в пределах досягаемости. У нее достаточно капитала, чтобы выкупить пятьдесят один процент акций, взять в свои руки контроль над правлением и добиться отставки Яка. Ей хотелось закричать от радости. Позвонив своему британскому маклеру Стивену, Фэй попросила его скупить все акции «Компэр», какие он только найдет. Если нужны еще деньги, пусть свяжется с ней, она добавит еще несколько миллионов.

«No problem, boss. It will be yours before nightfall»^[22], – ответил он.

Посидев еще несколько минут, Фэй встряхнулась и вернулась к своим спутникам. В висках стучало. Но, когда она вновь села напротив

Виолы Гэд и пиццы с морепродуктами, ей удалось сохранить внешнее спокойствие.

Фэй вышла на площадь Стюреплан, где уже закончилась толчея, характерная для обеденного перерыва, – люди возвращались на свои рабочие места. Воздух был на удивление теплым. Она села на скамейку, размышляя, как спланировать остаток дня. Пока будет идти процесс выкупа «Компэр», сама она мало чем могла помочь. Позвонила Крис, но та не ответила – вероятно, заснула. Юхан намеревался подготовить все к свадьбе самостоятельно, но обещал позвонить, если ему понадобится помощь.

Мысли Фэй вернулись к покупке предприятия. Мужчина на ее месте обмыл бы свой успех, отметил результаты напряженного труда – не стесняясь, ни у кого не прося прощения. И она решила поступить так же – написала сообщение Робину, с которым, как ей казалось, отношения уже исчерпали себя, и предложила встретиться в «Старбаксе».

Он находился неподалеку, так что они договорились пересечься через пятнадцать минут. Никакой наигранной мужской гордости. Он прекрасно знал, что ей нужно, и легко воспринял то, что она давно не звонила.

Когда Фэй вошла в «Старбакс», Робин уже сидел там, заказав им обоим кофе.

– Рад тебя видеть. Не знал, какой кофе тебе взять – с молоком или без, – сказал он, указывая на ее чашку.

– Кофе мы пить не будем.

Он рассмеялся. Его красивое лицо было таким открытым и веселым – она расслабилась уже оттого, что находилась с ним рядом. Ему не нужны были никакие объяснения, притворство, ухищрения и сложные темы для разговоров. В жизни ему нужны были только тренировки, еда, вода и секс.

– Без кофе? – Его улыбка показывала, что Робин прекрасно понял, о чем она говорит.

– Нет, я не хочу пить кофе, я хочу заняться сексом.

– Ах, вот как, – весело ответил он, но тут же поднялся, как послушный щенок.

– Я сняла нам номер в «Нобис»^[23].

Робин приподнял брови.

– Мы сегодня гуляем? – усмехнулся он и взял куртку.

– Я только что купила фирму за несколько миллионов. Сегодня я все заслужила.

– Я тебя обожаю, ты ведь знаешь? – Робин придержал ей дверь.

– Отлично. Это облегчит то, что я скоро попрошу тебя сделать.

– Сегодня я – твой раб.

– Ты всегда мой раб, – с улыбкой проговорила Фэй.

Он не возражал.

Фэй и Юхан сидели с двух сторон от постели Крис. Ее грудная клетка тяжело поднималась и опускалась, лицо было пепельно-серым, череп обтянут кожей. Она казалась такой маленькой – буквально растаяла на глазах...

Юхан указал на дверь. Когда они вышли в прихожую, он прислонился к стене.

– Не знаю, что делать. Ходить она уже не может. Придется отменить свадьбу.

– Это даже не обсуждается.

– Ты серьезно?

– Ну да. Мы устроим всё здесь, дома. В спальне, если это понадобится. Крис должна выйти замуж.

– Но как?

– Мы пригласим сюда пастора, визажистку, принесем свадебное платье. Гостей приглашать не будем, только самых близких. Крис все равно не любит людей.

Все чувства она отогнала, загасила бушевавшую в душе бурю. Крис так долго поддерживала ее – стала ей вроде старшей сестры с тех пор, как Фэй приехала в Стокгольм. Настал черед Фэй стать сильнее и поддержать ее. Для этого и нужны сестры. Свадьба состоится во что бы то ни стало, Крис возьмет в мужа своего Юхана.

– Завтра в четырнадцать часов? – предложила она.

Юхан несколько раз сглотнул.

– Я обзвоню тех, кого мы хотели бы видеть, и сообщу пастору. Что касается свадебного платья...

– Его я заберу сегодня вечером по пути домой. И организую визажиста.

– А угощение?

– Это я беру на себя. Позаботься о том, чтобы вы с Крис были готовы к свадьбе. Я приеду завтра утром и помогу ей привести себя в порядок.

* * *

На следующее утро Фэй вместе с Керстин стояла у дверей Крис. Сделав глубокий вдох, она позвонила. Юхан открыл дверь, обнял их и впустил в квартиру.

– Все готово, – сказал он. – Все отпросились на работе – поняли, что мы вынуждены сделать это таким образом, чтобы все состоялось в принципе.

– Как ты себя чувствуешь?

– Какая свадьба – большая или скромная, – для меня не имеет значения. Но прежде чем Крис... исчезнет, я хочу жениться на ней.

– Хорошо. Это мы сейчас устроим.

Он провел их в большую спальню.

Крис сидела на кровати, опершись спиной о подушки. Перед ней стоял поднос с кофе, апельсиновым соком и тостом.

– Как поживает самая красивая невеста в мире? – спросила Фэй, садясь на край постели.

– Мне хотелось быть стройной на собственной свадьбе, но не до такой степени...

Фэй пыталась улыбнуться шутке, но не смогла.

Крис подняла глаза на Керстин и Юхана.

– Вы не могли бы оставить нас вдвоем? – попросила она. – Ненадолго. Просто мне надо поговорить с подружкой невесты.

Когда дверь закрылась, Фэй осторожно взяла руку Крис. Рука была маленькая и хрупкая – не намного больше, чем у Жюльенны.

– Просто не знаю, что бы я без тебя делала, – мягко проговорила Крис.

– Даже не думай об этом. Устраивать свадьбу – приятное занятие, какой бы ни была ситуация.

– Я не только об этом, я имею в виду всё. Все эти годы – всё, что мы делали вместе. Всё то дерьмо, с которым мы справились бок о бок. Да уж, временами ты была как свищ на заднице со своим Яком и все

такое, но по большей части – такой подругой, что лучше и не придумаешь.

Слезы начали жечь глаза, Фэй не смогла сдержать их.

– Стоит ли... так ли уж необходимо говорить сейчас об этом? Ведь ты собираешься замуж.

– Необходимо. Мне не так долго осталось. И я хотела сказать тебе все это, пока голова у меня ясная.

Фэй кивнула.

– Лучшей подруги в жизни я не могла себе и представить, – продолжала Крис. – Ты всегда проявляла во мне мои лучшие стороны.

Фэй вытерла слезы, которые неудержимо катились по щекам.

– Ты как та щель, в которую бьет свет, – проговорила она. – О которой пел Леонард Коэн. Не понимаю... Просто не знаю, как я смогу жить без тебя.

– О, об этом я несколько не волнуюсь, – ответила Крис. – Просто жаль, что не смогу понаблюдать.

– Кстати, я снова переспала с Робинот. Помнишь его? Того парня, с которым я познакомилась, когда ты заставила меня пойти в «Риш», – после того, как я слишком долго просидела, жалея себя.

Крис расхохоталась.

– Ну вот, видишь, ты прекрасно обходишься и без меня.

Откинувшись назад, она сделала несколько глубоких вдохов. Малейшее усилие подтачивало ее силы.

– Хочешь побыть одна и немного отдохнуть? – осторожно спросила Фэй.

Крис покачала головой.

– Нет, вовсе нет. Правда, я слишком слаба, чтобы пить, но ведь сегодня как-никак день моей свадьбы... В тумбочке на нижней полке у меня припрятана бутылка «Джека Дэниелса». Давай выпьем за нас с тобой.

Фэй наклонилась, открыла дверцу и протянула бутылку Крис.

– За нас! – сказал та, подняв бутылку. – Мне даже и близко не жаль, что все так кончается. Да и о чем мне жалеть, если у меня была такая жизнь?

Она отпила несколько глотков.

– За тебя, Крис! – сказала Фэй. – Самая красивая, самая прекрасная сестра, о какой только можно мечтать.

Крис заморгала, стряхивая слезы с ресниц.

– Я должна привести себя в порядок, но сперва расскажи, как там у тебя дела с Яком.

– У нас пятьдесят один процент.

– Все сделано?

Фэй кивнула.

– Да, дело сделано.

Неожиданно мощной хваткой подруга взяла Фэй за руку.

– Я так люблю тебя...

– И я тебя люблю.

Крис сглотнула.

– Родителей у меня нет, а ты для меня всё, и... хотя это не по шведской традиции, я хочу спросить тебя... готова ли ты оказать мне честь передать меня Юхану?

Фэй крепко обняла Крис.

– Ясное дело, я готова это сделать.

Фэй посмотрела в окно, различила фигуры людей, мельтешащие внизу на улице. Начинаясь ночная жизнь.

Снова обернувшись к монитору и отогнав мысли о Крис, она посмотрела последние отчеты. Вскоре Як получит сообщение о том, что он уволен. Он – балласт для фирмы, его необходимо убрать. Не то чтобы Фэй пылала желанием спасти фирму. В глубине души она желала бы отправить «Компэр» в небытие, однако следовало подумать о сотрудниках. Фэй уже подыскала предприимчивого бизнесмена, готового за разумную сумму выкупить все ее акции – с условием, что фирма изменит название. Таким образом «Компэр» все же будет вычеркнута из списков.

Несмотря на все скандалы, Як с упрямством безумца верил, что сможет удержаться в своем кресле, что он и есть «Компэр». Знал бы он, что его ожидает!..

Фэй засиделась допоздна. По пути домой послала сообщение Керстин и спросила, зайдет ли та к ней. Практически каждый вечер они заканчивали день бокалом красного вина. Наверняка это означало скрытый алкоголизм, однако обе верили и убеждали друг друга, что следуют средиземноморской диете и что бокал красного каждый день – ее неотъемлемая часть. Керстин рассказала, как ее бабушка каждый день принимала большую ложку виски – как лекарство от

больного пальца на ноге. После этого они шутили между собой, что ради здоровья им нужно по бокалу красного на каждую ногу.

– Интересно, как отреагирует Як, когда узнает, что ему дали пинка под зад, – крикнула Фэй из кухни, где выкладывала на тарелку сыр и крекеры. Сыр стал у нее в холодильнике основным продуктом.

Керстин не ответила, хотя она слышала, как та ходит по гостиной. Фэй положила сыр на поднос, добавила виноград и крекеры и вышла в гостиную.

Керстин сидела на диване, глядя в одну точку.

– Что случилось?

Фэй отставила поднос. Села рядом с Керстин, обняв ее за плечи, и ощутила, что шуплое тело пожилой женщины дрожит.

– Он... он...

Керстин не могла говорить, зубы у нее стучали. Фэй погладила ее по спине, но тревога рвала душу. Еще не хватало, чтобы Керстин тоже заболела! Она не может потерять ее – только не это, такое просто невозможно себе представить. Временами у нее сдавливало дыхание от страха потерять Крис, хотя самое страшное еще не случилось.

– Ра... Рагнар, – выдавила из себя Керстин.

Фэй замерла.

– Рагнар?

– Он... его состояние изменилось. Мне звонили из дома хосписа. Он... он стал чувствовать себя гораздо лучше. Они говорят, что скоро он сможет вернуться домой, если все пойдет в правильном направлении...

Керстин усмехнулась невеселым смехом.

– В правильном направлении. Так они и сказали. Откуда им знать, что для меня это самое неправильное направление? Откуда они знают, что это беспомощное существо, с которого они оттирали испражнения и блевотину, на самом деле сумасшедший садист, который превратит мою жизнь в ад, если вернется домой? Ах, если б у меня тогда хватило решимости... Почему я не взяла подушку и не положила ему на лицо и не удушила его, пока у меня был такой шанс...

Керстин покачивалась взад-вперед, обхватив себя руками. Через тонкую ткань светлой блузки виднелись шрамы у нее на спине.

Гнев начался, как теплая волна у ног, распространился по телу и взорвался в мозгу у Фэй.

Керстин – семья для них с Жюльенной, их скала, их надежная опора. Никто не посмеет ей угрожать.

Керстин плакала, а Фэй обнимала ее, прижав к себе. Слезы, падавшие на ее кашемировое худи, скоро высохнут. Внутри Фэй пришел в движение мрак. Там не было слез.

Светило солнце, небо было ясным и голубым. Люди смеялись, разговаривали, пили кофе. Автобусы и метро ходили как обычно. Но в кровати на верхнем этаже Каролинской больницы лежала, опутанная шлангами, лучшая подруга Фэй и проигрывала в той битве, из которой с самого начала не могла выйти победительницей.

Когда Фэй вылезла из машины у больницы, прошло не так много часов с тех пор, как она ушла оттуда. Вчера во время ее визита Крис едва могла говорить – голос звучал глухо, глаза смотрели устало, тело ослабело. Обручальное кольцо, которое она носила с такой гордостью, было слишком велико для ее исхудалого пальца. Пока Фэй сидела рядом и рассказывала о том, как любит ее, это кольцо дважды падало на пол.

В машине по пути домой Фэй плакала, понимая, что конец близок. И когда Юхан позвонил ей час назад и сказал, что лучше бы ей приехать, она тут же кинулась к входной двери.

У входа в больницу на минутку остановилась. Как попрощаться с лучшей подругой? Как попрощаться с сестрой? Как, черт подери, это делается? Купив себе сигарет и шоколадку, Фэй села на скамейку. Несколько медсестер в голубых халатах обедали, разговаривая о своих детях. Парочка новоиспеченных родителей осторожно несла к парковке своего младенца. Пройдя метров десять, они останавливались, склонялись над автомобильной переноской и с улыбкой разглядывали свое маленькое чудо.

После двух сигарет Фэй выкинула пачку, засунула шоколадку в сумку и направилась к лифту.

«Крис умрет, – бормотала она себе под нос, когда двери закрылись. – Крис умрет».

В коридоре – ни души, пусто и тихо. Ее шаги отдавались эхом. У палаты номер восемь Фэй остановилась и постучала, прежде чем открыть дверь. Юхан поднял на нее глаза, но не произнес ни слова, снова повернулся к Крис и стал гладить ее по голове.

Обогнув кровать, Фэй встала рядом с ним.

– Недолго осталось, – проговорил он. – Контакта с ней нет, она в коме. И... уже не очнется. Не понимаю, что мне теперь делать, как же я смогу...

Его лицо исказилось. Фэй взяла себе стул и села рядом с ним.

– Она такая маленькая, такая одинокая, – прошептал Юхан, вытирая под глазами.

Фэй не знала, что сказать, и молча положила руку на сплетенные пальцы его и Крис.

– По крайней мере, ей не больно, – пробормотал Юхан; слова вырывались отрывисто. – Но что они с ней сделают, когда сердце остановится? Я не хочу, чтобы ее увезли в подвал, как мертвое животное, и оставили лежать одну...

Он смолк.

Фэй откинулась назад, так что стул заскрипел под ней.

– Можно мне побыть несколько минут с ней наедине? – прошептала она.

Юхан вздрогнул. Потом, кивнув, поднялся, положил руку на плечо Фэй и медленно вышел из комнаты. Осторожно, словно боясь разбудить Крис, она пересела на стул, где только что сидел Юхан. Сиденье еще хранило его тепло. Наклонилась к Крис, губы коснулись ее уха.

– Мне так больно, – прошептала она, борясь со слезами. – Больно думать, что придется состариться без тебя. Что всем этим нашим мечтам – поселиться у Средиземного моря, открыть ресторан, сидеть у входа и играть в нарды, осветлить волосы до голубого оттенка... всему этому не суждено сбыться. Сейчас мне кажется, что я никогда больше не смогу радоваться. Но обещаю тебе – я буду стараться. Понимаю, что иначе ты на меня рассердишься...

Откашлялась, набрала воздуху в легкие.

– Я просто хотела сказать, что никогда тебя не забуду. Шестнадцать лет я была твоей подругой – это самое прекрасное, что было у меня в жизни. Жаль, что я так и не рассказала тебе всю правду о том, кто я на самом деле. Боялась, что ты не поймешь. Мне следовало довериться тебе. Я должна была все тебе рассказать. Но я попробую сейчас – если ты меня слышишь...

И она шепотом рассказала Крис все свои секреты. О том несчастном случае, о Себастиане, о маме и папе. О Матильде и мраке.

На этот раз ничего не скрывая.

Закончив, Фэй погладила Крис по голове и коснулась губами ее щеки. Это и было ее прощание с подругой.

Затем она позвала Юхана. Они сидели в молчании, пока жизнь покидала Крис. Семь часов спустя она перестала дышать.

* * *

Выйдя из палаты Крис, где неподвижно сидел Юхан, прижавшись лбом к остывающей руке своей жены, Фэй прихватила с собой один из больших букетов цветов, стоявших в палате. Горе и утрата превратились в решимость. Она села в машину, нашла в «Гугле» адрес и поехала туда. Теперь глаза ее были сухими – слез не осталось. Только пустота и сухость. Все ее тайны остались в надежных руках Крис.

Поставив машину на парковке в тени большого дуба, она пошла ко входу. Дверь была не заперта. Фэй осторожно огляделась. Коридор первого этажа пуст. Из комнаты дальше по коридору до нее донеслись голоса, смех и звон посуды. Похоже, у сотрудников – перерыв на кофе.

Она считала про себя двери по правой стороне. Третья дверь справа, как сказала Керстин, – не спрашивая, зачем Фэй это знать. Быстрыми шагами устремилась туда, решительно, но тихо нажала на ручку и вошла. Страх она не испытывала. Только пустоту. Потеря Крис ощущалась так осязаемо, словно Фэй ампутировали руку.

Держа в руках букет, она спрятала за ним лицо – на случай, если кто-нибудь покажется в коридоре. Теперь, войдя в палату, положила его на комод у двери. Желтые розы. Так уместно... Она знала, что желтые розы – знак смерти, о чем отправитель букета, вероятно, не догадывался.

С кровати доносилось спокойное ровное дыхание. Фэй подкралась к изголовью. Шторы были опущены, но из-за них сочился слабый свет. Рагнар казался слабым и жалким. Однако Керстин достаточно рассказала о нем, чтобы Фэй не дала себя обмануть. Он – скотина. Свинья, не заслуживающая того, чтобы дышать и жить, в то время как Крис медленно остывает на больничной койке.

Фэй потянулась за подушкой, лежащей в ногах кровати. Из коридора донесся громкий смех, заставивший ее вздрогнуть, но он тут

же снова стих. Слышны были лишь дыхание Рагнара да тиканье старинных часов.

Стоя с подушкой в руке, Фэй огляделась вокруг. Пустая и безликая комната. Ни одной фотографии, никаких личных вещей. Выцветшие стены и потертый пластиковый коврик на полу. В ноздри бил запах старого тела. Тот самый затхлый, чуть сладковатый запах, всегда сопровождающий пожилого человека, когда тот болеет.

Медленно подняв подушку, Фэй положила ее на лицо Рагнара. Она не ощущала ни малейших сомнений, никакой тревоги. Он закончил свой путь на земле. Осталась только плоть – сколько-то килограмм мяса; еще один злодей, оставивший за собой женщин со шрамами и слезами.

Она подалась вперед, всем своим весом зажимая его лицо, перекрывая рот и нос. Рагнар дернулся, когда не смог дышать. Но в его движениях не было никакой силы. Лишь легкие подергивания в руках и ногах. Фэй не пришлось особо напрягаться.

Через пару минут он затих. Никаких подергиваний. Никаких движений. Фэй подержала подушку еще, чтобы убедиться – муж Керстин умер. Затем положила подушку на кровать, взяла букет желтых роз и осторожно выскользнула наружу.

Только в машине по дороге в сторону города она залилась слезами, оплакивая Крис.

Фьельбака – тогда

Я разглядывала морщины на лице полицейского. Взгляд его выражал сочувствие, однако он не видел меня, моей настоящей сущности. Он видел лишь долговязую девочку-подростка, потерявшую брата, а теперь, по всей вероятности, и маму. Мне казалось, что ему хочется положить ладонь на мою руку, однако я была благодарна ему за то, что он этого не сделал. Мне никогда не нравились прикосновения чужих людей.

Я вызвала полицию в пять утра, и час спустя они забрали с собой папу. От усталости мне более всего хотелось положить голову на кухонный стол и закрыть глаза.

– Когда в доме стало тихо?

Усилием воли я заставила себя не засыпать, слушать его вопросы, отвечать так, как надо.

– Не знаю. Наверное, около трех. Но я не уверена.

– Почему ты встала так рано?

Я пожала плечами.

– Я всегда рано встаю. И потом я... я почувствовала, что что-то не так... Мама не ушла бы из дома так рано.

Полицейский с серьезным видом кивнул. Снова этот взгляд, показывающий, как ему хочется утешить меня. Я понадеялась, что он будет противостоять этому желанию.

Утешение мне было ни к чему. Они забрали папу.

– Мы продолжаем поиски, но, к сожалению, опасаемся, что с твоей мамой что-то могло случиться. На это указывают некоторые признаки. И, насколько я понимаю, твой папа и ранее был замечен в применении насилия.

Мне пришлось сдержаться, чтобы не расхохотаться в голос. Не потому, что это было весело, а потому, что звучало совершенно абсурдно. «Замечен в применении...» Сухая формулировка, краткое резюме долгих лет страха в этих стенах. «Замечен в применении насилия». Да уж, можно и так сказать...

Однако я знала, что им нужно, и лишь молча кивнула.

– Возможно, мы найдем ее, – продолжал полицейский. – Целую и невредимую.

И тут это произошло. Он положил ладонь поверх моей руки. С участием. Как мало он знал! Как мало понимал! Мне пришлось сдержаться изо всех сил, чтобы не оттолкнуть его.

Недели шли за неделями. Газетчики разносили, что Як уволен. Благодаря новостям о новом владельце, который обещал мобилизовать все силы и провести полную этическую проверку фирмы, акции «Компэр» вновь поднялись до нормального уровня, но Як все дальше катился по наклонной. Казалось, само время решило вмешаться в его жизнь: он резко постарел, волосы тронула седина, которую он не успевал закрашивать, движения стали медлительными, усталыми.

Однако Як изо всех сил старался поддерживать внешний фасад. Как-никак он оставался мультимиллионером. В деловой прессе заверял, что скоро снова вернется на финансовый рынок. Но по ночам то и дело звонил Фэй, явно пьяный, и что-то плел про старые добрые времена. Вспоминал людей, которых обманул, вспоминал Крис, говорил о том, чем пожертвовал...

Фэй осознавала, что он выглядит глупо и жалко. Слабость она презирала – именно он в свое время ее этому научил. Нервный срыв Яка лишь облегчал ей задачу.

С Хенриком он рассорился, сочтя предательством, что тот остался сидеть в правлении «Компэр». Ни Хенрик, ни Як, ни кто-либо другой в правлении не подозревали, что контрольным пакетом акций компании владеет Фэй, поскольку она общалась с ними исключительно через своих британских адвокатов.

Настала пора предпринять последние шаги. На очереди – Ильва. Она тоже получит свое.

Слезы, которые Фэй проливала по Крис, закончились. Просто непостижимо, как быстро все возвращается к привычной жизни. Фэй думала о ней, тосковала по ней каждый день, каждый час, но уже свыклась с мыслью, что Крис больше нет. Поняла: ничто не вернет ее.

Вероятно, Крис попыталась бы остановить Фэй, если б знала, что та затевает. Впрочем, и хорошо, что она об этом не знала...

Як уже стоял у подъезда, когда Фэй и Жюльенна появились с пакетами продуктов в руках. Когда она послала ему эсэмэску, приглашая на ужин, он почти сразу ответил: «Да».

– Привет, мои дорогие девочки, – проговорил Як и неуклюже обнял Жюльенну за плечи. – Я сперва подумал – два ангела по улице идут...

– Да ладно льстить. – Фэй улыбнулась и получила поцелуй в щеку.

Вблизи она отчетливо ощущала запах алкоголя. Як улыбнулся ей глупой улыбкой.

– А что у тебя там? – спросил он, указывая на пакеты.

– Я собиралась приготовить пасту с соусом болонезе, – ответила она.

– Чудесно! – воскликнул Як и взял у нее пакеты.

Рюкзак Жюльенны он закинул за плечо и придержал им дверь подъезда.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Фэй, отпирая замок квартиры.

Як слегка пошатнулся.

– Все хорошо.

– А как Ильва? Ведь уже скоро? Ты наверняка рад?

Фэй знала, что он терпеть не может говорить с ней об Ильве.

– Думаю, с ней все хорошо. Она уехала к своим родителям, так что я теперь – соломенный вдовец. Твоя эсэмэска пришлась очень кстати.

Она начала выкладывать продукты на кухонный островок.

– Ты не ответил, рад ли ты новому ребенку.

– По-моему, ты прекрасно знаешь, как я ко всему этому отношусь. Ясное дело, я буду любить этого ребенка, но... я ведь знаю, где моя семья. Моя настоящая семья.

Ей хотелось изо всей силы залепить ему пощечину, но вместо этого Фэй сделала глубокий вдох и кокетливо улыбнулась.

– Так в чужом саду трава оказалась не зеленее?

– Да, можно и так сказать.

– Так что ты собираешься делать? – спросила Фэй и начала обжаривать фарш. – Теперь, когда у тебя нет «Компэр».

Як открыл холодильник, достал морковь, помыл и засунул в рот.

– Все решится; народ знает, на что я способен. Кстати, эта ваша рекламная кампания...

– А что?

– Мне кажется, эта поп-певица не совсем подходит для «Ревендж». Я посмотрел ваши показатели, и мне показалось, что...

В голове у Фэй сверкнула молния, все тело напряглось. Что он о себе возомнил? Но Як ничего не заметил и продолжал что-то говорить, давая ей советы.

– Ты наверняка прав, – согласилась она, когда он закончил. Себе же сказала: «Дыши. Поддерживай лицо. Помни о плане».

Когда они уселись за стол, Фэй вдруг потрясло, насколько все нереально. Они сидели втроем за ужином и беседовали – когда они были супругами, она могла лишь мечтать о таком!

Сколько лет она надеялась и ждала...

– Мне не хватало этого блюда, Фэй, – произнес Як, положив себе добавки. – Никто так не умеет готовить мясной фарш, как ты.

Он шутил с Жюльенной и хвалил ее за те слова, которые учительница сказала о ней во время их последней встречи в школе. Говорил дочери, как гордится ею.

«Почему мы не могли так жить, Як? – подумала Фэй. – Почему ты всегда был нами недоволен?»

Около половины десятого у Жюльенны стали закрываться глаза. Сначала она запротестовала было, когда Як взял ее на руки, но потом разрешила ему отнести ее в спальню. Вернувшись, он замер в нерешительности между диваном и телевизором.

– Ну что ж, тогда я поехал домой.

– Ты ведь можешь остаться еще немного?

– Ты этого хочешь?

Фэй пожала плечами и уютно устроилась в уголке дивана.

– Да мне без разницы. Если у тебя другие планы...

Як отреагировал на ее небрежность щенячьим восторгом.

– Тогда я остаюсь, – сказал он и сел. – Тебе под-лить вина?

– Да, пожалуй, – ответила она и придвинула ему через стол свой бокал. – Кстати, у меня есть бутылка виски, если тебе хочется чего-нибудь покрепче.

– В кухне?

Она кивнула. Як поднялся, и она услышала, как он роется в шкафчиках.

– В шкафу над холодильником! – крикнула ему Фэй.

Снова открылась дверца. Раздалось звяканье стекла.

– Очень добротный виски... Откуда он у тебя?

– Заграничные инвесторы подарили, – солгала Фэй.

На самом деле бутылку забыл Робин, ночевавший у нее за пару недель до того. В ту ночь они занимались сексом пять раз. При одном воспоминании у нее стало горячо между ног.

Вернувшись на диван, Як сел близко к ней, взял ее ноги и положил себе на колени. Начал массировать ее подошвы. Фэй закрыла глаза, ощущая, как ногам становится тепло.

– Ты знаешь, мы могли бы проводить так каждый вечер, – проговорил Як через некоторое время.

Она покачала головой.

– Через две недели тебе это надоест. Не говори глупостей – лучше походи и прими душ.

– Душ?

– Да. Душ. Если мы ляжем в постель, я не желаю, чтобы от тебя пахло перегаром.

Як покраснел до ушей, и Фэй пришлось сдержать улыбку, когда он выбежал из комнаты и пошел в ванную. Пока принимал душ, Фэй

поставила свой ноутбук на полку напротив кровати и включила веб-камеру.

Вернувшись в комнату, Як улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой, однако Фэй ничего не почувствовала. Переспать с ним – всего лишь средство. Способ достижения цели.

Потом они лежали рядом в постели, тяжело дыша. В его глазах мелькнула надежда.

– Что бы ты сказала, если б я оставил Ильву и вернулся к тебе?

– Не получится, Як.

– Но ты ведь простила меня?

– Если я простила тебя, это еще не значит, что я хочу снова жить с тобой.

– Я мог бы стать инвестором «Ревендж», помог бы тебе вести дела... Фирма растет – ты уверена, что справишься со всем сама? В смысле – у меня гораздо больше опыта управления предприятием, чем у тебя. Одно дело – придумать стартап, другое – управлять предприятием на долгосрочную перспективу. Ты все сделала прекрасно, но теперь, как мне кажется, пора доверить дело профессионалу.

Этот убогий маленький человечек, которого она выкинула из его собственной фирмы, по-прежнему думает, что может крутить ею как хочет...

Фэй заставила себя сохранять спокойствие. Сосредоточиться на цели.

– Мне не нужны новые инвесторы, – ответила она. – По поводу «Ревендж» можешь не волноваться.

– Я просто хотел защитить тебя и Жюльенну. Позаботиться о вас.

«Тебе следовало бы позаботиться о том, чтобы защитить самого себя, – подумала Фэй. – Ходить и оглядываться. Спать с открытым глазом. Тебя я уже размазала. Осталась только Ильва».

– Тебе лучше уйти, Як, – сказала она.

– Ты сердишься?

Снова этот щенячий взгляд – но он уже утратил привлекательность.

– Вовсе нет. Но завтра утром у меня совещание; к тому же я не хочу, чтобы Жюльенна застала тебя здесь. Это совершенно собьет ее с толку, ты же понимаешь.

– Ей тоже будет хорошо, если мы снова станем одной семьей.

– Мы были семьей, Як. Твоя проблема в том, что когда у тебя есть семья, она тебе становится не нужна. Поезжай домой к своей беременной женушке.

Она повернулась к нему спиной. Як собрал свои вещи и ушел.

Когда он уехал, Фэй достала компьютер, посмотрела записи этого вечера, выбрала сцену, где Як ласкал ее между ног. Груды выглядели великолепно, когда она лежала на спине, постанывая от наслаждения. Сделав несколько довольно размытых снимков, где ее невозможно было бы идентифицировать, Фэй создала анонимный аккаунт в Gmail и послала три фотографии Ильве, снабдив их одной-единственной фразой:

«Твой муж знает, как удовлетворить женщину».

Фэй сидела в своем офисе, когда туда ворвался Як – лицо покраснелось, пот катит с него градом. Он кричал так, что его было слышно на весь офис, и из-за мониторов повысовывались любопытные головы. Фэй мысленно улыбнулась. Як был так предсказуем...

– Какого черта? Что ты себе позволяешь?

Он орал так, что слюна брызгала изо рта. Фэй не испугалась. Бояться Яка она перестала давно. Как и мужчин вообще.

– Зачем ты это сделала, черт подери?

– Не понимаю, на что ты намекаешь, – ответила она, догадываясь, что Як ей не поверит.

Однако это было частью игры. Фэй хотела, чтобы он все узнал. Она медленно поворачивалась взад-вперед на вращающемся кресле за красивым офисным столом. Это был дизайнерский стол от Арне Якобсена, который обошелся ей около ста тысяч крон. Старый, поеденный молью стол Ингмара Бергмана мог пойти покурить в сторонке. Да и сам Бергман мог нервно покурить – мужчина, постоянно окружавший себя женщинами, чтобы обвинять и подавлять их. Не мужчина, а ходячее клише.

Як наклонился вперед над крышкой стола – его ладони оставили на полированной поверхности влажные следы. Фэй не отодвинулась – спокойно смотрела Яку в глаза, разглядывала его одутловатое,

постаревшее лицо, ощущала запах давно выпитого вина и виски и мысленно удивлялась, что же она когда-то в нем нашла. Когда они познакомились, он читал книги Ульфа Лунделля^[24]. Надо было сразу обратить внимание на предупредительные сигналы.

– Не знаю, зачем ты все это затеяла, Фэй, но я тебя размажу. Отберу у тебя все. Ты – жалкая шлюха, которую я подобрал в канаве и сделал человеком. Все узнают, кто ты такая и откуда взялась. Я знаю больше, чем ты думаешь, сучка проклятая! И я сделаю все от меня зависящее, чтобы забрать у тебя Жюльенну!

Почувствовав на лице его слюну, Фэй медленно подняла руку и утерлась тыльной стороной ладони, отметив боковым зрением, как к ним приближаются два охранника.

Теперь она, отшатнувшись, закричала:

– Что ты делаешь? Як, прекрати! Помогите! Кто-нибудь! На помощь!

Когда в офис ввалились охранники, она громко всхлипнула и кинулась им навстречу. Як уставился на двух высоких светловолосых парней в униформе «Секуритас». На мгновение казалось, что он кинется на них. Но потом сделал глубокий вдох, обезоруживающе поднял руки и расплылся в широкой улыбке.

– Это всего лишь недоразумение. Ничего страшного. Просто не сошлись во мнениях. Я уйду сам, уже ухожу...

Он попятился к двери. Фэй отступила к кабинету директора по маркетингу, тревожно поглядывая в сторону Яка, в то время как несколько человек ее сотрудников окружили ее, заслоня собой. Лучше и быть не могло!

* * *

Вернувшись домой после сцены с Яком, Фэй почувствовала, что невероятно устала. В квартире было пусто. Керстин забрала Жюльенну из школы, и они в очередной раз отправились в какой-то музей.

В последнее время Керстин стала тревожиться за Жюльенну. Если раньше девочка была открытой и бойкой, то теперь все больше замыкалась в себе. Учителя в школе отмечали, что на переменах она по

большой части стоит в одиночестве. Но Фэй не разделяла беспокойства Керстин. В Жюльенне она узнавала себя – тоже всегда держалась особняком.

Письма от отца стали приходиться все чаще. Фэй по-прежнему не открывала их. Мысленно она благодарила судьбу, что никто пока не откопал этой связи. Дело было громкое – в первую очередь потому, что ее отца осудили, хотя тело матери так и не обнаружили. Суд счел, что есть много других оснований. Медицинские карточки, в которых были зарегистрированы все травмы матери. Кровь. То, что все личные вещи мамы остались на месте. Решение суда было единогласным – пожизненный срок.

Фэй налила себе бокал вина, села за компьютер и открыла почту. Двадцать новых сообщений от Ильвы. Она удалила их все – ее не интересовало, что та хочет сказать ей. Открыв верхний ящик стола, достала флэшку, на которую скопировала файл с кей-логгера. Он сослужил ей хорошую службу. Теперь она не знала, сохранить ее или просто выкинуть.

Повертев флэшку между пальцами, Фэй сообразила, что так и не просмотрела другие папки, которые скопировала наудачу, – компромата на Яка и без того оказалось достаточно. Вставив флэшку в компьютер и потягивая вино, она смотрела, как на экране появляются файлы. Стала щелкать по ним мышкой, однако ни один файл не вызвал у нее интереса. Скучные финансовые документы, договора, презентации в «Пауэр-пойнте». Тоска зеленая. Последняя папка называлась «Домашнее хозяйство». Фэй открыла ее, несмотря на неинтересное название. А дальше с нарастающим ужасом осознала, что там содержится, и бокал с «Амароне» выскользнул у нее из рук.

Фэй уставилась на осколки, на красное пятно, растекавшееся по полу, понимая, что ей придется не просто раздавить Яка, а обезвредить его навсегда.

Выждав несколько дней, Фэй позвонила Яку. Теперь у нее созрел новый план. Рыдая в трубку, она просила прощения, хотя на самом деле ей хотелось разорвать его в клочья, попинать ногами его бесчувственное тело, плюнуть на его могилу.

Як не устоял перед ее слабостью. Ему нужно было ее преклонение, а она дала ему то, чего он хотел.

Постепенно Фэй снова втерлась к нему в доверие. Як оказался человеком бесхитростным и дал себя обмануть. Она лишь жалела, что не обнаружила этих его качеств раньше.

Хотя Фэй надеялась, что это никогда больше не понадобится, она снова переспала с ним. Это было труднее всего. Сыграть наслаждение, когда все ее существо содрогалось от ненависти и отвращения, когда все сознание было переполнено образами его чудовищного преступления.

Порой Як плакал во сне. Его телефон на ночном столике то и дело загорался именем Ильвы на дисплее. Она не вытолкала его взащей. Теперь ей приходится просить и умолять. Пока она готовилась родить их дочь, Як спал с другой женщиной. Как он делал и тогда, когда родилась Жюльенна.

Фэй удалось упросить врача выписать ей «Стилнокт». Пока Як крепко спал, она взяла его компьютер и провела необходимый поиск. Иногда ей казалось, что все слишком просто. Однако она понимала, что легко не будет. И что придется заплатить высокую цену. Возможно, слишком высокую. Но она такова, какова есть, а учитывая преступление Яка, любая месть казалась ей слишком мягкой.

Пока тьма спускалась на ее спальню, Фэй вспоминала порой снежинки за окнами кабинета в башне, то ощущение свободного полета. Чувство свободы и плена. Порой ей не хватало кабинета в башне. Но по своей золотой клетке она точно не скучала. Иногда думала об Алисе, которая предпочла оставаться в ней добровольно. Однако существовала часть жизни Алисы, о которой ее муж Хенрик не подозревал. Например, что Алиса стала одним из инвесторов «Ревендж» и теперь не менее состоятельна, чем он. Или что она попросила у Фэй телефон Робина и встречалась с ним раз в неделю, когда Хенрик думал, что его жена ходит на пилатес.

Фэй считала, что Алисе все это на пользу. Когда сидишь пленником в золотой клетке, надо иногда немного отвлечься, чтобы выдержать такую жизнь.

Когда начало светать, Фэй внимательно оглядела Яка, просыпающегося с тяжелой головой после виски и снотворного.

– На следующей неделе мне придется уехать в командировку, – сказала она. – Сможешь посидеть с Жюльенной?

– Конечно.

Як улыбнулся, считая, что она смотрит на него с нежностью. Но ее взгляд означал прощание.

Фьельбака – тогда

Я отложила телефон. Приговор вынесен, я свободна. Впервые в жизни. Раньше мне никогда не доводилось переживать это чувство – я и не знала, на что оно похоже. Но теперь мне казалось, что я буквально парю над землей. Я чувствовала себя сильнее, чем когда бы то ни было.

На суде я не присутствовала – меня сочли слишком юной. Однако я представляла себе папу – как тот сидит на суде в том же костюме, который надевал на похороны Себастиана. Его вспотевший затылок – как он тянул себя за воротник рубашки, ерзал на стуле в тихом бешенстве, загнанный в угол, как никогда ранее. Его плен стал моей свободой.

В глубине души я чуточку волновалась, что его не осудят. Не увидят в нем зверя, а только жалкого убогого мужчину. Но технических доказательств оказалось более чем достаточно. Даже без маминого тела.

Его осудили, и ему предстояло отбывать суровое наказание.

Я знала, что поселок торжествует. За ходом процесса следили все. Ужасались, сплетничали, шушукались в проходах продуктового магазина, останавливались посреди площади на своих машинах, опускали стекла и охали, обсуждая бедняжку...

Однако я – вовсе не бедняжка. Я сильнее их всех. Более всего мне хотелось остаться жить в своем доме после того, как отца задержали, но кто-то решил мне это запретить. Учитывая полное отсутствие родственников и друзей, мне пришлось переехать к пожилой паре, жившей по соседству. Они разрешали мне находиться в своем доме, сколько я хочу, лишь бы я приходила к ним ужинать и ночевать.

Последние месяцы превратились в сплошное ожидание. В школе меня все оставили в покое. Когда я шла по коридору, они расступались, словно я была Моисеем, разделившим Красное море. Они были очарованы мною, но избегали меня. Люди любят находиться рядом с чужим горем и чужой трагедией, но до определенных пределов. Я же давно вышла за все пределы.

Но теперь я наконец-то свободна. А он пусть сгниет в аду.

Дождь лил как из ведра. Глаза были словно засыпаны песком, голова разламывалась. Фэй мечтала лишь об одном – спать. Она дважды набрала номер Жюльенны, потом Яка. Ответа не было. Администратор отеля подошел к ней и сообщил, что ее ждет такси. Поблагодарив, она взяла свой чемодан и начала набирать номер полиции. Как раз в тот момент, когда она плюхнулась на заднее сиденье, ей ответили.

– Полиция. Я вас слушаю.

– Человек пропал, – сказала Фэй.

– Понятно, – спокойно ответила женщина на другом конце провода. – Кто именно?

– Моя дочь. Ей семь лет, – ответила она и громко всхлипнула.

– Когда вы в последний раз разговаривали с ней?

– Вчера вечером. Я нахожусь в отеле в Вестеросе. У меня была деловая встреча. Жюльенна осталась с отцом – моим бывшим мужем. Я звоню им все утро, но никто не отвечает.

– Стало быть, вы не дома?

– Нет. Господи, что мне делать?

– Есть ли основания полагать, что они находятся в таком месте, где нет связи?

– Нет. Они должны быть у нас дома. А сегодня собирались пойти в «Скансен». Все это совершенно не похоже на Яка.

– Как ваше имя?

– Меня зовут Фэй Адельхейм. Квартира, где они должны находиться, расположена в квартале Эстермальм. Она принадлежит мне.

Фэй дала женщине адрес.

– Обычно мы ждем несколько часов, прежде чем принять заявление.

– Пожалуйста, я так волнуюсь!

Голос на другом конце смягчился:

– Строго говоря, еще рано волноваться, но я попрошу патрульную машину поехать туда и позвонить.

– Спасибо. Это было бы прекрасно. Дайте им мой номер, чтобы они могли позвонить мне, когда будут на месте.

* * *

Полтора часа спустя такси свернуло с Уденгатан, проехало несколько метров по Биргер-Ярлсгатан и выехало на Карлавеген.

У подъезда стояли две полицейских машины. Снаружи стоял сотрудник полиции. Расплатившись, Фэй выскочила из машины и кинулась к нему.

– Фэй – это я, – задыхаясь, выпалила она. Он взглянул на нее очень серьезно. – Я не понимаю: вы сказали, что обнаружили Яка. Почему вы не уехали? И где моя дочь?

– Мы могли бы войти внутрь и поговорить? – спросил он, отводя глаза.

– Что вы имеете в виду? Если вы разговаривали с Яком, вам должно быть известно, где Жюльенна.

Он набрал на домофоне код и открыл дверь.

– Как я уже сказал, вам лучше подняться со мной в квартиру.

Фэй последовала за ним.

– Пожалуйста, расскажите, что происходит? Як там, наверху?

Полицейский закрыл решетчатую дверь лифта.

– Ваш бывший муж наверху, – проговорил он. – А вот вашей дочери нет.

– Но Як не может не знать, где она? Ей семь лет, не могла же она уйти одна... Он отвечает за нее. Она оставалась с ним. Что говорит Як?

– Он утверждает, что ничего не помнит.

– Ничего не помнит?

Она услышала, как ее голос отдается в узком пространстве лифта.

Лифт остановился. Входная дверь в их квартиру стояла нараспашку. Фэй провела рукой по лицу.

– Мы обнаружили нечто, что указывает... В прихожей на полу кровь.

– Кровь? Но... боже мой!

Фэй покачнулась, и полицейский, подхватив ее под локоть, провел в квартиру. Эксперт в белой одежде сидел на корточках в прихожей, вода каким-то инструментом по засохшему на полу пятну крови.

– Жюльенна! – выкрикнула она. – Жюльенна!

В кухне на стуле сидел Як. Двое полицейских спокойно беседовали с ним. Увидев ее, он попытался встать, но полицейские помешали ему, и Як рухнул обратно на стул.

– Что случилось? – крикнула Фэй. – Где она, Як? Где Жюльенна?

– Не знаю, – растерянно проговорил он. – Я проснулся от звонка в дверь.

Полицейский потянул ее за локоть.

– Нам нужен какой-нибудь предмет, принадлежавший вашей дочери.

Фэй вопросительно уставилась на него.

– Что вы имеете в виду? Для чего?

Он бережно, но решительно провел ее вперед. Из прихожей доносились шаги и голоса. Полицейских становилось все больше.

– Для идентификации, – сказал он. – На всякий случай.

Фэй охнула, но потом кивнула.

– Типа – что?

– Ее зубная щетка. Или щетка для волос.

Она кивнула и указала в сторону ванной. Полицейский достал откуда-то прозрачный пакет, надел тонкие полиэтиленовые перчатки и пошел впереди нее.

– Вот это ее.

Он взял розовую зубную щетку и осторожно положил в пакет. Фэй повела его в комнату Жюльенны, где полицейский взял ее щетку для волос.

– Этого достаточно, – проговорил он, серьезно глядя на нее.

За окнами начало темнеть. Фэй встала, когда в маленькую комнатку, где ее оставили ждать, вошла женщина-полицейский. У женщины были длинные светлые волосы, собранные в хвост на затылке; лицо дружелюбное, но решительное.

– Что-нибудь выяснили?

Женщина-полицейский покачала головой.

– Сядьте, – сказала она и указала на диван. – Меня зовут Ивонна Ингварссон, я – инспектор полиции.

Фэй села на диван, положив ногу на ногу.

– Я должна задать вам несколько вопросов, и мне хотелось бы, чтобы вы ответили на них предельно точно.

– Само собой.

– Мы по-прежнему не нашли Жюльенну, но есть несколько обстоятельств, которые мы воспринимаем как повод для серьезной тревоги.

Фэй закрыла глаза и сглотнула.

– Она... вы думаете, с ней что-то случилось?

– Если быть до конца честной, то мы ничего пока не знаем. Но кровь на полу в прихожей принадлежит человеку. Эксперты сравнят ее с образцами ДНК, взятыми с ее зубной щетки и щетки для волос.

– Боже мой... я...

– Ваш бывший муж Як ничего не может объяснить. В его рассказе все не вяжется. Он утверждает, что не помнит, что делал вчера.

– Но это же невозможно... чтобы он что-то сделал с Жюльенной... Вы ошибаетесь. Ее похитил кто-то другой. Як любит ее, и у него не было причин...

– А кто это мог бы быть?

Фэй молчала. Женщина-полицейский подалась вперед и положила руку ей на колено.

– По данным навигатора в его мобильном телефоне, ночью он ездил на машине.

– В каком смысле?

– Он ездил в Йончепинг. В багажнике машины обнаружены следы крови. Мы сравним их с кровью на полу в прихожей.

– Прекратите... пожалуйста... я не вынесу... – Фэй замотала головой.

– Соберитесь. Понимаю, вам сейчас тяжело, но вы должны помочь нам, если хотите, чтобы мы нашли Жюльенну.

Фэй медленно кивнула, наконец подняла голову и встретила глазами с женщиной-полицейским.

– Наши коллеги из полиции Йончепинга обследуют места, где Як находился этой ночью. Мы изучили содержимое ваших компьютеров, и мне хотелось бы услышать ваши объяснения по поводу того, что это такое.

Некоторое время Ивонна листала документы в папке, которую держала на коленях, потом достала один лист. Это было письмо, которое Фэй послала Ильве. Фэй уже открыла рот, чтобы ответить, но Ивонна опередила ее, дав лист ей в руки.

– На этом снимке изображены вы?

Бросив взгляд на снимок, Фэй молча кивнула.

– Вы послали это сожительнице Яка Ильве Лендорф?

Фэй снова кивнула.

– Зачем вы это сделали?

– Потому что она отняла у меня мужа. Я только хотела...

– У вас с Яком сейчас есть отношения?

– В смысле?

– Вы с Яком занимались сексом после развода?

– Да. Хотя с тех пор, как он обнаружил, что я послала это Ильве, – нет. После этого... он меня возненавидел.

– По словам Яка, ваши отношения продолжались.

– Это полный абсурд. Несколько недель назад он ввалился ко мне в офис и устроил скандал. Охранникам пришлось вывести его вон. Но наша ссора касалась нас двоих, Жюльенна тут ни при чем. Уверена – он не мог причинить ей вреда. – Она потрясла головой.

– Знаете, что еще мы обнаружили? Что вы через иностранное инвестиционное предприятие выкупили контрольный пакет акций в «Компэр». В той фирме, которую основал Як и из которой его теперь попросили. Яку об этом было известно?

Фэй нервно забарабанила пальцами по столу. Взгляд Ивонны Ингварссон трудно было интерпретировать.

– Мы вас ни в чем не подозреваем, – продолжала Ивонна. – Но нам важно это знать, чтобы восстановить ход событий.

Фэй медленно кивнула.

– Як бросил меня ради Ильвы. Я застала их в нашей спальне... Я хотела заставить их почувствовать ту же боль, что я испытала тогда. Меня унизили, я лишилась всего. Конечно же, я мечтала отомстить. И сделала все, что могла, чтобы раздавить Яка. И по праву. А он ненавидел меня – и тоже по праву. Но все это не имеет никакого отношения к Жюльенне, и я не понимаю, где она может быть... И почему вы думаете, что он что-то с ней сделал.

Она заломила руки, лежавшие на коленях.

Ивонна не ответила на ее вопрос. Вместо этого она внимательно посмотрела на Фэй и спросила:

– Повреждения у вас на лице. Каково их происхождение? Это Як?

Фэй протянула руку к щеке, но скорчилась от боли. Затем нехотя кивнула.

– Як должен был остаться с дочерью, когда я уехала на деловую встречу в Вестерос. Но я чувствовала себя неуверенно – я сделала это больше по просьбе Жюльенны. Як был... он так злился. В последнее время он посылал мне ужасные эсмэски. Угрожал мне, когда выпьет. Это так не похоже на него... Он пришел злой и ударил меня по лицу. Но потом успокоился. Мы поговорили, все было мирно. На Жюльенну Як никогда не поднял бы руку – он злился только на меня; я наверняка сказала что-то не то, от чего он завелся. Я никогда не оставила бы его наедине с Жюльенной, если б могла подозревать, что...

Голос Фэй оборвался.

В дверь постучали. Вошел полицейский, представился, попросил разрешения поговорить с коллегой, и Ивонна вышла следом за ним в коридор. Несколько минут спустя она вернулась с чашкой кофе, которую поставила на маленький столик рядом с Фэй.

– Продолжайте.

– Вы узнали что-нибудь новое о Жюльенне? Нашли ее?

– Нет.

– Вы не могли бы рассказать мне, что узнали? Я имею право знать. Речь идет о моей дочери.

Женщина-полицейский посмотрела на Фэй пустым взглядом.

– Мы полагаем, что Жюльенна не могла пережить такую большую потерю крови.

– Что вы говорите? – крикнула Фэй. – Моя дочь не могла умереть!

Ивонна Ингварссон молча положила руку на плечо Фэй. Несказанные слова эхом звучали в комнате.

Вместо того чтобы вернуться домой, Фэй воспользовалась запасным ключом от квартиры Керстин и перебралась туда. Все газеты наперебой кричали об исчезновении Жюльенны. Полиция проследила машину Яка до лесного массива около Йончепинга. Там находилась небольшая гавань. На следующий день на одной из яхт нашли небольшое количество крови. Но тела так и не обнаружили.

Из газет Фэй узнала об основной версии полиции – «бывший муж и миллионер», как они называли Яка, сбросил тело Жюльенны в озеро Веттерн. Водолазы обыскивали дно, но территория оказалась слишком большой. Жюльенну не нашли.

Неделю спустя, когда все доказательства указывали на Яка и вечерние газеты через свой источник в полиции узнали, что кровь

обнаружена не только в квартире, но также в машине и на яхте, имя Яка было названо. Журналисты сгрудились толпой рядом с виллой на Лидингё, где он проживал вместе с Ильвой.

Ивонна Ингварссон навестила Фэй и сообщила, что они не потеряли надежду найти Жюльенну живой, однако большинство фактов указывает на то, что она мертва. Фэй предложили встретиться с психологом и побеседовать с пастором. Но она от всего отказалась. Заперлась в квартире Керстин, наблюдая из окна, как толпа журналистов у ее дома с каждым днем редет. Раны и синяки на лице начали заживать – она тщательно обрабатывала их. Не хотелось, чтобы на лице остались шрамы. Помимо всего прочего, Яку вменялось в вину и избиение Фэй.

Як не сделал никаких заявлений. Но доказательства его вины становились все весомее. Следователи нашли в истории его компьютера, что он искал в «Гугле» самые ужасные вещи. Полные угрозы эсэмэски были восстановлены на телефоне Яка, хотя он и удалил их. Фэй могла также продемонстрировать их на своем телефоне. Обо всем этом писали вечерние газеты.

Благодаря находкам в его компьютере петля у него на шее затянулась еще туже. Выяснилось, что он обследовал глубину различных шведских озер, сохраняя карты той территории, где припарковал машину у озера Веттерн.

Через месяц после исчезновения Жюльенны Фэй выставила квартиру на продажу и уведомила инвесторов «Ревендж», что намерена в самое ближайшее время покинуть Швецию. Оставив себе десять процентов акций фирмы, она передала Керстин еще пять, помимо тех, которыми та уже владела, и предложила инвесторам выкупить оставшиеся. Ивонна Ингварссон пыталась уговорить ее по крайней мере дождаться суда над Яком, прежде чем уезжать, однако Фэй ответила, что у нее нет сил.

– Какое бы наказание ему ни назначили – моя жизнь рухнула. Я отняла у него его фирму, испортила отношения с Ильвой. А он в ответ отнял у меня наше единственное дитя. Здесь меня больше ничто не держит.

– Понимаю, – ответила Ивонна. – Постарайтесь быть сильной. Боль никогда не уйдет, но со временем вам станет легче с ней справляться.

Остановившись у входной двери, она обняла Фэй, потом застегнула куртку и вышла на лестницу.

– Куда вы собираетесь перебраться?

– Пока не знаю. Куда-нибудь далеко, где никто меня не знает.

Позднее, когда Ивонна прислала ей сообщение, что в конце концов пришли ответы по пробам ДНК и что кровь, обнаруженная в прихожей, в багажнике машины Яка и на яхте, совпадает с ДНК с зубной щетки и щетки для волос Жюльенны, Фэй послала в ответ коротенькое «спасибо». Больше ей нечего было сказать.

Прошло семь месяцев с тех пор, как Фэй покинула Швецию. Теперь она сидела и озираала зеленые холмы, возвышавшиеся над побережьем у Средиземного моря. В подставке стоял холодный фраппе. Процесс против Яка закончился, решение суда ожидалось с минуты на минуту. Между тем СМИ и шведский народ уже вынесли свое заключение. Як Адельхейм стал самым ненавистным человеком в Швеции. Разумеется, Ильва уже выступила на страницах «Экспрессен», с дочерью Яка на руках, и не пожалела осуждающих слов. Судя по всему, он подвергал ее психическому насилию на протяжении всего периода их отношений. Ильва была на жалость и добивалась симпатии широких народных масс. Фэй смеялась про себя, читая ее излияния.

Она наконец-то избавилась от ненавистных силиконовых грудей и прибавила десять килограмм. Однако продолжала тренировки. Никогда еще она не чувствовала себя в такой гармонии с собой.

Глядя на экран, Фэй с наслаждением макнула печенью «кентукки-кекс» в бокал сладкого вина. Вся Швеция следила за скандальным процессом, и, даже сидя на своей средиземноморской террасе, Фэй ощущала, как вся страна затаила дыхание.

Она не волновалась. Свое дело она сделала «на отлично».

Диктор новостной программы «Афтонбладет» перебирал в руках бумаги, в то время как опытный репортер криминальной хроники, задумчиво наморщив лоб, пояснял, что Яка, вне всяких сомнений, признают виновным.

Фэй не удостоила их даже улыбкой. Она уже знала, что победила. Последний акт – всего лишь формальность. Все кончено.

Из дома до нее донесся голосок Жюльенны. Сдвинув солнцезащитные очки на кончик носа, Фэй прищурилась.

- Что, моя дорогая?
- Пойдем купаться?
- Минут через десять. Мама только досмотрит новости.

Жюльенна показалась в дверях. Шаги ее босых ног разнеслись по террасе, когда она подбежала к маме, загорелая, красивая, с развевающимися на ветру светлыми волосами.

«Як Адельхейм признан виновным в убийстве своей семилетней дочери».

Фэй поспешно захлопнула компьютер – Жюльенна вскарабкалась к ней на колени.

– Что ты там смотрела?

– Да так, ничего особенного, – поспешно ответила Фэй. – Ну что, идем купаться?

– Как думаешь, Керстин захочет пойти с нами?

– Надо спросить у нее.

Пока Жюльенна побежала спрашивать, Фэй закрыла глаза. Мысли устремились к тем решающим дням более полугода назад...

* * *

Физической боли Фэй не боялась. Это была ерунда в сравнении с той болью, которую она испытала, обнаружив в папке «Домашнее хозяйство» фотографии Жюльенны. Ее любимая доченька. Перепуганная. Растерянная. Голая.

Шок сменился яростью, которая чуть не хлынула через край, – однако Фэй удалось совладать с собой. Она понимала, что ярость пригодится ей позже – чтобы обрушиться на Яка, подобно лавине, так что от него не останется и мокрого места.

Убедить бывшего, что он в безопасности, оказалось легко. Сделать все, что нужно, тоже не составило труда. Ей достаточно было закрыть глаза и увидеть перед собой тело Жюльенны – представленное на всеобщее обозрение, оскверненное тем, кто должен был ее защищать.

Приняв обезболивающее, она отлила около литра своей крови. У доноров обычно берут примерно половину, однако Фэй прочла, что

при том количестве крови, которое содержится в организме взрослого человека, одним литром она смело может пожертвовать.

Услышав, что она собирается сделать, Керстин сперва воспротивилась, но, увидев фотографии Жюльенны, согласилась, что Як заслуживает самого сурового наказания.

Фэй ощущала легкость во всем теле и головокружение, однако ей удавалось держаться в вертикальном положении. Только бы не потерять сознание...

Керстин и Жюльенна должны были уехать заранее. Фальшивые паспорта и надежный способ выезда из страны обошлись Фэй недешево, но за деньги можно купить все, а денег у нее было более чем достаточно.

Она поехала в отель в Вестеросе, где ее ждала Керстин, и отдала ей свой мобильный телефон. В течение вечера Керстин должна была несколько раз набирать номер Яка. Затем Фэй отправилась обратно в квартиру.

Когда раздался звонок в дверь, она сделала глубокий вдох, открыла и впустила Яка. Настал момент уничтожить его. Он спросил, где Жюльенна, – ему же предстояло с ней сидеть, и Фэй ответила, что Жюльенна скоро появится. После трех бокалов виски ей удалось заманить его в спальню, пообещав секс, но, как она и рассчитывала, он отрубился, сделав пару неуклюжих движений рукой у нее в трусиках.

Стоя перед большим зеркалом в спальне, Фэй разглядывала свое отражение. С кровати доносилось тяжелое дыхание Яка. На этот раз она подсыпала ему двойную дозу, и теперь он не проснется, хоть из пушек пали. А когда пробудится, воспоминания будут фрагментарными.

Она глубоко вздохнула. Выпустила наружу мрак, сняв все препоны, которые держали ее в повиновении столько лет. Увидела лица в воде. Услышала дикие крики, поднимавшиеся к небу, от которых в ужасе разлетались чайки. Увидела кровь, смешавшуюся с соленой водой. Пальцы, тянувшиеся, словно когти, – желая схватить все, что угодно, кого угодно...

Снова увидела перед собой Жюльенну, ее перепуганное лицо.

Со всей силы ударилась лицом о железное изножье кровати.

Потом пристально оглядела своей лицо в зеркале. Достаточно? Пожалуй, да. На лбу осталась рана, под кожей пульсировала кровь –

синяков будет много.

Затем Фэй принесла куклу-манекен для отработки приемов спасения на водах и положила в прихожей. Вылила на нее свою кровь, которую ей помогла собрать Керстин – так, чтобы вокруг головы и туловища образовались лужицы. Она надеялась, что такого количества хватит. Больше она не могла из себя выкачать – иначе ей не устоять на ногах. От запаха крови ее стало подташнивать, голова кружилась, но Фэй заставила себя двигаться дальше. Куклу она оставила лежать в луже крови, пока заканчивала последние приготовления – в надежде, что кровь немного застынет по форме куклы.

Надев полиэтиленовые перчатки, осторожно достала пакет с розовой зубной щеткой и щеткой для волос. На обеих красовалась Эльза из «Холодного сердца». Жюльенна сама достала их из упаковки и положила в пакет, чтобы на них были только ее отпечатки пальцев.

Фэй начала с того, что расчесала свои волосы. У них с Жюльенной один и тот же золотистый оттенок и одна длина волос. Она сделала пару резких движений, чтобы вырвать несколько волос с корнями. Затем бережно отложила щетку для волос и взяла зубную. Долго и тщательно чистила зубы, чтобы щетка растрепалась и выглядела бывшей в употреблении. Затем поставила щетку в стаканчик в ванной рядом со своей. После этого зашла в комнату Жюльенны и оставила щетку для волос на ее письменном столе.

Закончив со всем этим, она помыла бокал из-под виски, в котором растворила снотворное, и налила по новой. Взяв бокал и бутылку, вернулась в спальню, где по-прежнему громко храпел Як. Бокал Фэй поставила на ночной столик, а бутылку положила боком на пол. Запах виски заполнил комнату.

С квартирой всё.

Прихватив с собой мобильный телефон Яка, Фэй вышла к его машине и быстро уложила куклу в багажник. Там останутся следы крови, как она и рассчитывала.

Остальное – простая логистика. Съездить на машине Яка до озера Веттерн и обратно. Размазать немного крови на палубе яхты, пришвартованной у мостков. Куклу она отмыла и выбросила в воду. На дне озера находят немало странных предметов. Никто не свяжет эту куклу с исчезновением Жюльенны.

Возвращаясь обратно в Стокгольм, Фэй прекрасно понимала, что и навигатор в автомобиле, и телефон Яка покажут перемещение по этой дороге. Встроенный компьютер – более детально, чем телефон, но они будут подтверждать показания друг друга. Вместе с теми поисками в Гугле, которые Фэй проделывала в последнее время с компьютера Яка, этого окажется достаточно. Во всяком случае, она на это надеялась. Тонкость таится в деталях.

* * *

Машину Фэй припарковала на набережной. Теплый ветер развеивал подол ее платья, пока Керстин помогала Жюльенне выбраться из машины. Найдя три свободных шезлонга, они расплатились, и Жюльенна тут же убежала к морю. Фэй и Керстин удобно устроились в шезлонгах, не сводя с нее глаз.

– Его признали виновным. Рассчитывают, что он получит пожизненное заключение.

– Я слышала, – сказала Керстин.

– Мы справились.

– Да. Но я и не волновалась.

– Правда?

Керстин покачала головой.

Вдоль пляжа шла женщина. Завидев их, остановилась и помахала рукой.

– Найдется для меня местечко? – с улыбкой спросила она.

– Да, хотя тебе придется поделить шезлонг с Жюльенной, – ответила Фэй.

– С удовольствием.

Она улеглась в шезлонг поверх бирюзового полотенца Жюльенны и надела солнцезащитные очки.

– Ты придешь к нам сегодня на ужин? – спросила Фэй.

Женщина молча кивнула. Затем подставила лицо солнцу.

Три женщины лежали и молча загорали. Закрыв глаза и наслаждаясь шумом волн и радостным щебетанием Жюльенны, Фэй вдруг увидела перед собой Себастиана. Его смерть привела ко всему

тому, что происходит с ней сегодня. Непостижимо, но она была ему за это благодарна.

Повернув голову, Фэй посмотрела на женщину в шезлонге рядом с собой. Потом протянула руку и погладила свою мать по щеке.

Благодарность

Написание книги – процесс, который никто не может осилить в одиночку. Хотя многие так думают. Существует множество людей, которые вносят свой вклад в твоё дело, здорово облегчая тебе жизнь. В первую очередь я хочу поблагодарить своего мужа Симона, который никогда не колеблется выражать свою любовь и поддержку. Моих детей, который тоже создают мне огромную мотивацию: Вилле, Мей, Чарли и Полли. Спасибо за то, что вы есть, и за то, что вы – самые прекрасные дети на земле. Благодарю также мою маму Гуннель Лэкберг и родителей моего мужа, Аннетту и Кристера Шёльд, – за то, что вы всеми способами создаете мне возможность работать. Мне хотелось бы поблагодарить многих – всех тех, кто приходит на помощь, когда повседневная жизнь не складывается. Я вам навечно благодарна.

Огромное спасибо также Кристине Салиба, которая каждый день выполняет трудную работу бок о бок со мной, хотя и не пишет книги. Ты – моя сестра, хоть нас и не связывают узы родства. Спасибо также Лине Хельквист – бесценной участнице повседневной работы.

Я никогда не добилась бы успеха как писательница, не будь моего потрясающего издателя Карин Линге Норд и всегда неизменно величественного редактора Йона Хэггблума. У меня не хватит слов, чтобы вас поблагодарить. Само собой, в издательстве «Форум» есть немало других людей, кому мне хотелось бы сказать спасибо, особенно Саре Линдегрэн, так что СПАСИБО вам всем!

То же самое касается агентства «Нурдин эйдженси»: Юаким Ханссон, Юханна Линдборг, Анна Франкл и другие – вы вот уже много лет ведете потрясающую работу, представляя мое творчество миру.

Исключительно важны при написании книги те, что помогают с фактическими данными, которыми сам автор не владеет. Как, например, Эммануэль Эргуль, подаривший мне бесценную информацию по финансовым вопросам. И, как обычно, Андерс Тореве прочел и многое подсказал в том, что касается Фьельбаки.

Спасибо Паскалю Энгману, безумно талантливому коллеге, который всегда откликается, когда мне нужно обсудить своих персонажей. И, как всегда, коллега Дениз Рюдберг всегда

поддерживала меня, когда мне надо было поговорить о писательстве или о жизни.

И, наконец, все сестры, друзья – все, кто любит нашу семью. Вас так много, что я не смогу назвать всех поименно – в том числе из страха, что могу кого-то забыть. Но вы знаете, кто вы такие. Я люблю вас.

И спасибо тебе, папа, за то, что ты привил мне любовь к книгам.

Камилла Лэкберг,

январь 2019 года,

Стокгольм

---

notes

Примечания

1

Эстермальм – один из самых фешенебельных районов Стокгольма. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

Здесь, по всей вероятности, имеется в виду британская писательница Фэй Уэлдон, наиболее известная своим романом «Дьяволица».

3

Кава – испанское игристое вино из Каталонии.

4

Имеется в виду Малу фон Сиверс – ведущая телепрограммы «После десяти», где она берет интервью у политиков, писателей, артистов и т. д.

«Хассельбаккен» – дорогой ресторан и отель в Стокгольме.

6

Да, сестра! (*англ.*)

7

От *англ.* To compare – сравнивать.

8

До скорого, Фэй! (*англ.*)

9

Петанк – изначально провансальский национальный вид спорта, бросание шаров.

10

Отель «Каталония», пожалуйста. Он находится в Борне, ты его знаешь? (*исп.*). Борн – название квартала в Барселоне.

Спасибо (*исп.*).

12

Мезе – в Восточном Средиземноморье набор закусок или маленьких блюд, часто подаваемых с алкогольными напитками.

Имеется в виду песня *I Will Always Love You*, которую сочинила и записала в 1974 г. американская кантри-певица Долли Партон, а в 1992 г. исполнила также Уитни Хьюстон (саундтрек к фильму «Телохранитель»).

Дензел Хэйс Вашингтон-мл. (р. 1954) – американский актер, кинорежиссер и кинопродюсер.

Линдси Ди Лохан (р. 1986) – американская актриса, певица, модель и дизайнер одежды.

16

Revenge – месть (*англ.*).

«Вперед, девичья сила» (*англ.* Go, girl power) – слоган, воодушевляющий и приветствующий расширение возможностей женщин, их независимость, уверенность и силу; стал популярен в середине 1990-х гг. благодаря поп-группе «Спайс гёрлз».

Златан Ибрагимович (р. 1981) – знаменитый шведский футболист.

19

Имеется в виду средство для повышения половой потенции «Виагра».

Карола – известная шведская певица, известная, среди прочего, победой в конкурсе «Евровидение».

«Не печалься, если я уйду, – в разбитом сердце больше места»
(англ.).

Нет проблем, босс. Она будет вашей еще до наступления ночи
(англ.).

«Нобис» – дорогой отель в одном из самых престижных районов Стокгольма.

Лунделль Ульф (р. 1949) – знаменитый шведский писатель и музыкант. В его романе «Як» описывается жизнь хиппи, в жизни которых много места отводится употреблению алкоголя и наркотиков.

Table of Contents

[Камилла Лэкберг Золотая клетка](#)

[Часть I](#)

[Часть II](#)

[Часть III](#)

[Благодарность](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

